

Индекс П8643

5-6
2021

РОССИЯ XXI 2021 5-6

РОССИЯ XXI

5–6.2021 сентябрь-декабрь

Геоглобалистика

Егор Лебедев, Левон Сафарян

Причины иракской войны 2003 года:
правда и вымысел _____ 6

Россия в мире

Ольга Заиченко

«Война перьев». Ф.И. Тютчев и его «проект»
по созданию позитивного образа России
в Германии в начале 40-х годов XIX века _____ 26

Любовь Мельникова

Конфликт на Афоне.
«Греко-русский пантелеимоновский
процесс» первой половины 1870-х гг.
и основание ново-афонского
симоно-кананитского монастыря _____ 50

Татьяна Филиппова

«Конец пришел гарему...»
«Гендерные» образы Османской империи
в критической риторике русской
журнальной сатиры начала XX века _____ 70

Ресурсы нации

Елена Ковальская

Великая княгиня Елизавета Федоровна
и Константин Васильевич Рукавишников:
К истории взаимоотношений _____ 102

Страницы истории

Олег Волобуев

Послевоенные годы:
дорогами Северной Таврии. 1945–1948
(продолжение) _____ 126

Ярлыки и мифы

Кирилл Юдин

«Кино... не может быть аполитичным»:
контроль над советским
киноискусством (1928–1941 гг.) _____ 142

Актуальный архив

Любовь Писарькова

Царствование Ивана Грозного
в исторической науке
и коррупциологии _____ 164

Редакционная почта

Даниэль Камари

Беспартийность
в глобализирующемся мире _____ 194

Contents in English look at the page 212

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типोगрафии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Войны заразны.

Франклин Рузвельт

Войны... – это прославляемое
злодейство.

Сенека

Егор Лебедев, Левон Сафарян

ПРИЧИНЫ ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ 2003 ГОДА

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК

94 (5)

В статье рассматриваются основополагающие причины начала американской военной операции в Ираке в 2003 году. Анализируются ключевые идеологические, энергетические, экономические и политические аспекты, приведшие администрацию Дж. Буша-младшего к принятию решения о вторжении в иракское государство. Авторы рассматривают влияние деятелей из числа неоконсерваторов, роль нефтяного фактора, а также характеризуют официальные мотивы Белого дома. Делаются выводы о расхождении провозглашенных американской стороной причин свержения режима Саддама Хусейна с наиболее вероятными движущими факторами военной операции.

This article discusses the underlying reasons for the start of the U.S. military operation in Iraq in 2003. It analyzes the key ideological, energy, economic, and political aspects that led the Bush Jr. administration to decide to invade the Iraqi state. The authors examine the influence of neoconservative figures, the role of oil, and the official motives of the White House. The article concludes the discrepancy between the declared American reasons for overthrowing Saddam Hussein's regime and the most likely drivers of the military operation.

Ключевые слова: Ирак; Саддам Хусейн; иракская война; Джордж Буш-младший; неоконсерваторы; нефть.

Key words: Iraq; Saddam Hussein; the Iraq War; George Walker Bush; neoconservatives; oil.

E-mail: elebedev2006@yandex.ru, s-levon99@mail.ru

**США и Саддам Хусейн:
«лучший враг» Америки**

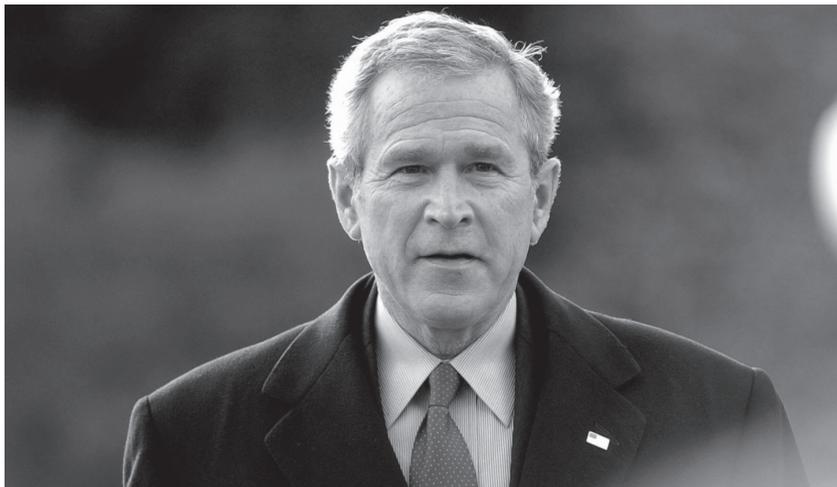
Взаимоотношения США и правящего режима в Ираке носили уникальный характер: Саддама Хусейна по праву можно было считать «заклятым другом» или «лучшим врагом» Америки. Нарастание противоречий между Вашингтоном и Багдадом после поддержки Соединенными Штатами Хусейна в ходе ирано-иракской войны и полностью противоположной политики после нападения Ирака на Кувейт привели к образованию «гордиева узла» в Персидском заливе. Уже в январе 2002 г. президент США Дж. Буш-младший причислил Ирак наряду с Ираном, Сирией, Ливией и Северной Кореей к «оси зла» [2, с.146].

Саддам Хусейн – президент Ирака (1979–2003 гг.)

С этого момента обе стороны начинали готовиться к столкновению. Саддам Хусейн незадолго до американской кампании стал спланировать иракский народ: в связи с этим в октябре 2002 г. был проведен референдум по продлению полномочий Хусейна. В свою очередь Вашингтон наращивал сотрудничество с зарубежной иракской оппозицией, иракскими шиитами и курдами, а также продолжал оказывать давление на Багдад по дипломатическим каналам. Вдобавок США при содействии Великобритании стали подготавливать почву для гипотетических военных действий в рамках НАТО и ООН.

В то же время существовали и другие значимые причины начала американской кампании в Ираке. В самой администрации, в различных ведомствах при Дж.Буше-младшем укоренились идеологические сторонники, убежденные в необходимости разгрома режима Саддама Хусейна. В научной литературе целый «пласт» таких влиятельных деятелей известен как неоконсерваторы или «неоконы». Особенностью их политической активности стали вовлеченность и мощное влияние на принятие решений в Белом доме, Пентагоне и Госдепартаменте.

Джордж Буш-младший – президент США (2001–2009 гг.)

Неоконсерватизм как доминирующая идеология администрации Буша-младшего

Представители неоконсерватизма видели во вторжении США в Ирак решение многих проблем, однако, чтобы разобраться с их заинтересованностью в этом событии, необходимо обратиться к 1990-м гг., когда и была полностью сформулирована их внешнеполитическая доктрина. Первые черты идей «второго поколения» неоконсерваторов начинают проявляться в марте 1992 г., когда в прессу просочился проект «Ориентиры для оборонной политики», подготовленный видным неоконсерватором и будущим заместителем министра обороны США Полом Вулфовицом и его помощником Льюисом Либби.

Эта стратегия, которую часто называют «доктриной Вулфовица», концентрируется на том, что Соединенные Штаты стали единственной

сверхдержавой и должны предотвратить появление каких-либо глобальных конкурентов, которых не осталось после распада СССР, и даже региональных (путем наращивания военного превосходства, увеличения военного присутствия США в ключевых регионах и, что важно, упреждающего использования военной силы) [5]. Однако проект остался лишь на бумаге в годы президентства как Джорджа Буша-старшего, так и Билла Клинтона, так как сильно расходился с риторикой Белого дома того времени.

Пол Вулфовиц – американский политик, видный представитель неоконсерваторов

Стоит отметить, что свою роль в формировании внешнеполитических воззрений неоконсерваторов сыграла и демократическая администрация Клинтона, при которой было выработано положение о «государствах-изгоях», а перед вооруженными силами США ставилась задача по «формированию благоприятной внешней среды». Таким образом, как заявляет военный обозреватель Л.Корб, «Пентагону дали возможность перестроить угрозы» [6].

В 1995 г. Уильям Кристол и Фред Барнс создают журнал “The Weekly Standard” для продвижения своих идей в широкие массы, а в 1997 г. неоконсерваторы создают свою лоббистскую организацию, которую сами они характеризуют как образовательную, под названием «Проект нового

американского века» (“Project for the New American Century”), во главе которой встанут уже упомянутый ранее Уильям Кристол и Роберт Каган.

Уильям Кристол – американский политолог, неоконсерватор, основатель и редактор политического журнала “The Weekly Standard”, совместно с Робертом Каганом основатель проекта «Новый американский век»

Роберт Каган – американский журналист и политолог, совместно с Уильямом Кристолом основатель проекта «Новый американский век»

Проект ставил перед собой следующие цели: увеличение расходов на оборону и модернизация вооруженных сил для выполнения своих глобальных обязательств, усиление связей со своими демократическими союзниками и противостояние режимам, враждебным к американским устоям и ценностям, продвижение свобод политического и экономического характера за рубежом, признание уникальной роли США в сохранении и распространении международного порядка, отвечающего американской безопасности и принципам [25].

Стоит отметить, что под документом, создающим новую организацию, подписались такие известные бизнесмены, политики и исследователи, как тогдашние вице-президент Ричард (Дик) Чейни и министр обороны Дональд Рамсфельд, Стив Форбс, Френсис Фукуяма, Льюис «Скутер» Либби, Пол Вульфовиц, Джеб Буш и многие другие. Многие из этих людей займут руководящие посты в годы президентства Джорджа Буша-младшего [25].

Интересы неоконсерваторов во вторжении в Ирак

Интересно, что пик финансирования «Проекта нового американского века» пришелся на период в преддверии выборов 2001 г. и на подготовку и начало военной кампании в Ираке. Большая часть денежных средств приходила из организации “The New Citizenship Project”, в совет директоров которой входил Уильям Кристол и которая так же, как и «Проект нового американского века», находилась в стенах Американского института предпринимательства.

К 1997 г. были завершены организационные процессы внутри неоконсервативного течения, позднее началась работа над оформлением внешнеполитических идей, в центре которых, помимо всего прочего, всегда был иракский вопрос.

26 февраля 1998 г. Кристол и Каган, основные идеологи неоконсерватизма «второго поколения», публикуют статью в газете “The Washington Post” под названием «Большая Победа для Ирака» (“A “Great Victory” For Iraq”), в которой они осуждают политику демократической администрации Билла Клинтона в отношении Саддама Хусейна и неспособность ООН сдержать его амбиции. Аналитики заключили, что «если мы не хотим жить в мире, в котором каждый должен считаться с Саддамом и его оружием массового уничтожения (ОМУ), мы должны использовать воздушные и наземные силы США для его устранения» [13].

В июле 1998 г. публикуется доклад специальной комиссии Рамсфельда о растущей угрозе ракетного нападения на Соединенные Штаты со стороны «государств-изгоев», получивший свое подтверждение уже в августе того же года, когда прошли первые успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) в Северной Корее.

Ирак и режим Саддама Хусейна всегда были целью неоконсерваторов. В том же 1998 г. на фоне нежелания Ирака сотрудничать с инспекторами ООН члены организации «Проект нового американского века» направили письмо президенту Биллу Клинтону, призывая сместить режим Саддама. В этом письме Саддам Хусейн представлялся как угроза США и ее союзникам на Ближнем Востоке, а также подчеркивалась потенциальная опасность обладания Ираком оружием массового уничтожения. Неоконсерваторы заявляли, что санкции не смогут подействовать на диктатора, и необходимо предпринять военные шаги, что соответствует нынешним резолюциям ООН. Также они поддержали принятие в октябре 1998 г. закона «Об освобождении Ирака», по которому оказывалась финансовая помощь противникам режима в Багдаде [24].

Действительно, вера Саддама в его «божественное предназначение» делала его опасным противником для США и мирового сообщества, а деятельность администрации Клинтона по его усмирению, но не свержению, выставлялась неоконсерваторами как слабость и «гегемония по дешевке». Также неоконсерваторы жестко критиковали программу ООН «Нефть в обмен на продовольствие» и не верили в эффективность инспекционных миссий ООН по поиску и уничтожению ОМУ.

По мнению Пола Вулфовица, «дорога к миру на Ближнем Востоке лежала через Багдад» [26, с.7]. Однако этот мир мог быть достигнут только свержением правящего режима в Ираке, так как натура диктатора не позволяла вести плодотворные переговоры с Хусейном. Сменой режима неоконсервативные идеи не ограничивались, а призывали к принудительной демократизации Ирака, а затем и всего региона по «принципу домино» [3, с.108].

Помимо свержения неугодного режима в Багдаде неоконсерваторы видели во вторжении в Ирак решение еще одного вопроса внешнеполитической повестки США – вопроса американской гегемонии, которую необходимо было утвердить на деле. Ослабленный Ирак, не имеющий возможности вести полномасштабную войну на своей территории, представлялся наилучшим вариантом для демонстрации американской силы.

Многие исследователи отмечают тесные связи неоконсерваторов с израильским лобби в США и самим правительством Израиля. Это натал-

квивает на мысль о том, что решение по вторжению в Ирак было также подкреплено попытками изменить баланс сил в ближневосточном регионе в пользу Израиля [15].

В США традиционно сильным считается влияние еврейского лобби; некоторые исследователи связывают с ним самих неоконсерваторов

Израиль начал настороженно относиться к Ираку с середины 1970-х гг., когда Франция согласилась предоставить Саддаму Хусейну ядерный реактор. С этого момента Тель-Авив начал опасаться за свои позиции в регионе и из-за агрессивного и непредсказуемого поведения иракского диктатора считал его большей угрозой, чем Иран. Премьер-министр Израиля (2001–2006 гг.) Ариэль Шарон, выступая в Кнессете в августе 2002 года, заявил, что Ирак является «главной угрозой для Израиля» [15, с.240].

«Доктрина Вулфовица» 1992 г. гласит о том, что безопасность Израиля является одной из основных задач США на Ближнем Востоке, а борьба Штатов против агрессивных ближневосточных государств способствует этому, что и было продемонстрировано в ходе войны в Персидском заливе [5].

Неоконсерватор Ричард Перл в 1996 г. возглавил исследовательскую группу, в рамках которой были выработаны рекомендации для прави-

тельства Биньямина Нетаньяху по проведению политики Израиля в регионе. Документ получил название "A Clean Break: A New Strategy for Security the Realm": в нем утверждалось, что смена режима в Багдаде необходима для реализации региональной политики Израиля, а наиболее предпочтительным исходом будет являться восстановление власти династии Хашимитов [9]. Хашимиты, как известно, являются королевской династией на Ближнем Востоке и ведут происхождение от Хашима ибн Абд Манафа аль-Кураши, прадеда Пророка Мухаммеда: данная семья правила в Ираке до революции 1958 г., проводя пробританскую политику в регионе. Ныне она сохранилась лишь в Иордании, которая еще в 1994 г. заключила мирный договор с Израилем, в связи с чем Тель-Авив гипотетически был бы заинтересован в маловероятной реставрации династии Хашимитов в Ираке.

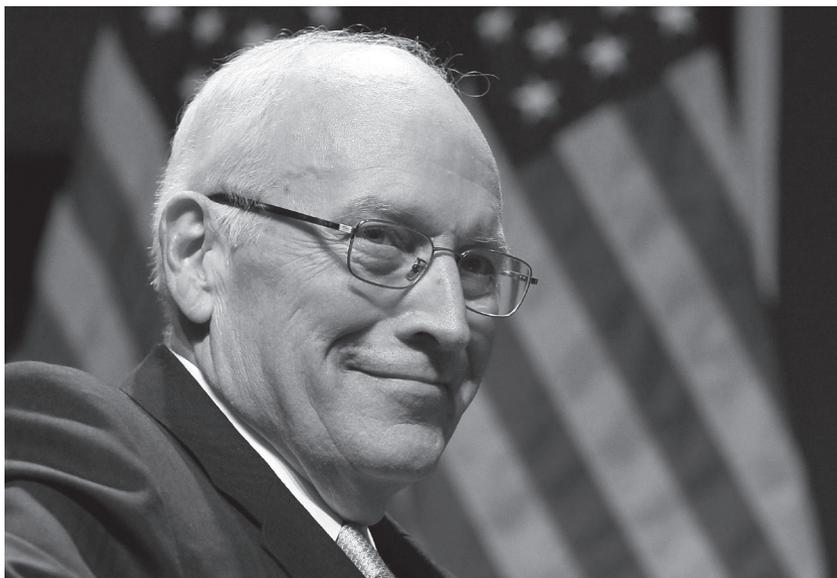
Таким образом, можно сказать, что неоконсерваторы были единственной политической силой в США и на международной арене, которая выступала за свержение режима Саддама Хусейна еще до трагических событий 11 сентября 2001 г. [15, с.244].

Нефть: манящее «черное золото» Ирака

Нефтяной фактор, хоть и не был основной причиной вторжения США в Ирак, занимал в этом вопросе центральное положение. Как заявлял президент «Фонда нефтяных исследований» ("The Petroleum Research Foundation"), «если США начнут войну, то это не будет из-за нефти... Однако после Саддама, это все ради нее» [29, с.146]. Еще в ранее упомянутой «доктрине Вулфовица» 1992 г. отмечалось, что одной из главных целей США в регионе Ближнего Востока является сохранение доступа к нефти [5].

Важно отметить, что с началом другой американской военной операции (в Афганистане в 2001 г.) США получали контроль над значительными территориями Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии, которые традиционно считались и считаются районами расположения ключевых мировых запасов углеводородов и маршрутами транзита на мировые рынки. Уже к началу XXI в. Вашингтон укрепил свои позиции, используя повестку борьбы с терроризмом для оправдания собственных геополитических интересов. Более того, лишь два государства – Ирак и Иран – препятствовали «установлению полного контроля США над районом Персидского залива» [2, с.145].

Никогда еще президентская администрация не была так связана с нефтяными компаниями, как администрация Джорджа Буша-младшего. Предвыборную кампанию будущего президента финансировали 14 нефтяных компаний, а его вице-президентом стал Дик Чейни, бывший глава компании «Холлибертон», которая является вторым в мире по величине производителем сервисного оборудования для нефтяной промышленности [7].

Ричард (Дик) Чейни – вице-президент США (2001–2009 гг.)

Ирак на тот момент времени обладал вторыми по величине доказанными запасами нефти, что оценивалось в 112 миллиардов баррелей или 11 % от общемировых запасов. Многие эксперты также считали, что неразведанные нефтяные месторождения в Ираке могут увеличить его запасы до 250 миллиардов баррелей. Отдельно отмечалось, что иракская нефть – высококачественная и дешевая в производстве [17].

Основная проблема заключалась в том, что нефтяная промышленность в Ираке была полностью национализирована и делала больший упор на сотрудничество с российскими, китайскими и французскими компаниями. В 1997 г. российская нефтяная компания «Лукойл» договорилась с иракским правительством о разработке месторождения За-

падная Курна, в том же году Китай договорился о разработке месторождения Северная Румэйла [17].

Нефтяные «гиганты» США в погоне за иракским богатством

Большую роль во вторжении США в Ирак сыграли нефтяные компании так называемой группы «Большая нефть» («Big Oil»), в которую входят крупнейшие нефтегазовые компании мира и которых часто связывают с нефтяным лобби в США. В их число на тот момент времени включали «British Petroleum», «Chevron», «Exxon Mobil», «Royal Dutch Shell», «Conoco Phillips», «Total S.A». Еще в 1990-е гг. они не могли позволить себе усиление своих конкурентов из Китая и России, а также опасались того, что Саддам Хусейн способен контролировать потоки нефти и цены на нее. Именно поэтому еще в 1998 г. исполнительный директор компании «Chevron» Кеннет Т. Дерр заявил о желании «Chevron» получить доступ к иракской нефти и поддержал санкции против Хусейна, которые, по его мнению, должны были привести к краху его режима [17].

Большую роль во вторжении США в Ирак сыграли нефтяные компании так называемой группы «Большая нефть» («Big Oil»), в которую входят крупнейшие нефтегазовые компании мира и которых часто связывают с нефтяным лобби в США.

Месторождения нефти и газа в Ираке

В 1999 г. генерал Энтони Цинни, выступая перед Конгрессом США, заявил, что регион Персидского залива с его огромными запасами нефти представляет собой давний жизненно важный интерес для США и что Соединенные Штаты должны иметь свободный доступ к ресурсам региона [8]. Особое внимание Вашингтона к региону было обозначено еще в 1980 г. с принятием «доктрины Картера», в которой прямо заявлялось о недопустимости неамериканского контроля над ключевыми маршрутами транзита нефти.

С приходом к власти Буша-младшего вложения нефтяных компаний в его кандидатуру почти сразу начинают себя оправдывать. Под председательством Дика Чейни в феврале 2001 г. создается «Национальная группа по развитию энергетической политики» (“The National Energy Policy Development Group”), которая посадила за один стол представителей власти и нефтяных компаний. Согласно документам, опубликованным “Judicial Watch”, уже в этот момент полным ходом велись обсуждения по поводу Ирака и его месторождений [14].

17 мая 2001 г. по итогам работы группы публикуется доклад «Национальная энергетическая политика» (“National Energy Policy”), в котором отмечается, что доступ к нефти является частью национальной безопасности США и необходимо этот доступ расширить. Ближний Восток рекомендовалось призвать к открытию их энергетических секторов для иностранных инвестиций, а Персидский залив в докладе называется одной из основных целей энергетической политики США [19, с.130–133].

Как можно понять, нефтяное лобби США и, особенно, компании из группы “Big Oil” были заинтересованы в Ираке задолго до прихода Буша-младшего или событий 11 сентября 2001 г. Сами же Соединенные Штаты стояли на пороге энергетического кризиса из-за дефицита нефтепродуктов и растущих цен на нефть, поэтому администрация Буша-младшего с не меньшим интересом смотрела в сторону иракской нефти.

Начало законодательно-правового оформления вторжения в Ирак

Наилучшим образом официальные причины вторжения США в Ирак отражены в резолюции «Разрешение на применение военной силы против Ирака», подписанной президентом 16 октября 2002 г. и принятой до этого обеими палатами Конгресса США уверенным большинством (269 против 133 в Палате представителей и 77 против 23 в Сенате). Как

следует из названия, данная резолюция уполномочила президента США использовать военную силу против Багдада [6, с.613].

Резолюция оправдывает применение силы по довольно большому количеству причин: несоблюдение Ираком условий соглашения о прекращении огня 1991 г., предположительное наличие у Ирака ОМУ и программ по его разработке, желание Ирака использовать ОМУ против других наций и своих граждан, нарушения прав человека в стране, враждебность по отношению к США, связи с террористами (включая запрещенную в РФ террористическую группировку «Аль-Каида»). Этот документ подтвердил, что целью США является свержение режима Саддама Хусейна и содействие его демократической замене. Предполагалось, что президент США должен предпринять все возможные дипломатические шаги, чтобы перед началом операции заручиться поддержкой Совета Безопасности ООН [10].

**США обвиняют:
смертные грехи
Саддама Хусейна?**

Одним из основных обвинений, которое предъявлял президент США Ираку, было то, что Саддам Хусейн закупил в 2002 г. уран у Нигера.

Такая информация поступила Бушу-младшему от британского правительства и их разведки. Вице-президент Чейни, в свою очередь, заявлял, что Саддам абсолютно точно пытается заполучить ядерное оружие [11]. Тони Блэр, премьер-министр Великобритании (1997–2007 гг.) и главный союзник Буша по войне в Ираке, поддержал своего американского кол-

Энтони (Тони) Блэр – премьер-министр Великобритании (1997–2007 гг.)

легу, заявив, что США стремятся не свергнуть режим Саддама Хусейна, а разоружить Ирак [27].

На встрече в январе 2003 г. между Бушем-младшим и Блэром президент США заявил, что «если Саддам Хусейн не разоружится ради мира, то мы вместе с другими (членами коалиции) разоружим Саддама Хусейна» [12]. Директор ФБР Роберт Мюллер в феврале 2003 г. выступил перед Конгрессом со словами о том, что у Ирака есть возможность и желание создать ОМУ, а также подтвердил финансирование Саддамом террористов в США и за их пределами [16]. Кульминацией заявлений высокопоставленных американских чиновников по поводу иракских ОМУ можно считать выступление пресс-секретаря Белого дома Ари Флейшера: становится очевидным, что официально весь смысл войны в Ираке – уничтожение оружия массового поражения [18].

Администрация Буша-младшего также заявляла о нарушениях прав человека в Ираке, ссылаясь на отчеты организации “Human Rights Watch” по поводу истребления режимом Саддама представителей народа маадана на юго-востоке Ирака [28]. Помимо этого, правительство Ирака обвинялось в использовании нервно-паралитического газа против иракских курдов, что повлекло за собой гибель 5000 человек [31].

Высокопоставленные чиновники из администрации Буша-младшего неоднократно указывали на связи режима Саддама Хусейна с террористами, участвовавшими в событиях 11 сентября. Одним из обоснований была предполагаемая встреча между террористом Мухаммедом Аттой, который затем станет одним из угонщиков самолетов, и офицером иракской разведки в Праге в апреле 2001 г. [23].

С точки зрения международного права США ссылались на резолюции Совета Безопасности ООН №678 [20] и №687 [21], которые представляли право «делать все необходимое», чтобы Ирак выполнял свои международные обязательства.

В сентябре 2002 г. Джордж Буш-младший выступил на Генеральной Ассамблее ООН с заявлениями о том, что Ирак нарушает резолюцию ООН №1373 по противодействию терроризму, совершает серьезные нарушения прав человека, создает оружие массового уничтожения, использует программу «Нефть в обмен на продовольствие» для закупки оружия и мешает работе инспекторов ООН и МАГАТЭ [32]. После его заявления в ноябре того же года был принят американско-британский проект резолюции Совета Безопасности ООН №1441, которая дала «последний шанс» Саддаму выполнить свои международные обязательства [22]. Эта резолюция не содержала ни слова о возможном нападении на Ирак в случае

невыполнения последним своих обязательств, однако использовалась Соединенными Штатами впоследствии в качестве оправдания своего будущего вторжения.

**Оправдания или факты:
где же правда об иракской
войне?**

Самой известной попыткой оправдать вторжение в Ирак Соединенными Штатами является выступление государственного секретаря Колина

Пауэлла в ходе сессии Совета Безопасности ООН в феврале 2003 г. Тогда Пауэлл доказывал существование ОМП (оружия массового поражения) у Саддама Хусейна, принеся с собой пробирку с сибирской язвой и демонстрируя записи разговоров иракских военнослужащих по поводу необходимости спрятать некие вещи. Также Пауэлл в ходе своего выступления выразил уверенность в том, что Саддам пытается заполучить ядерное оружие и укрывает у себя террористическую группировку Абу Мусаба Аз-Заркави, которая имеет связи с «Аль-Каидой» (запрещена в РФ). В конце концов, госсекретарь заявил, что Багдад не воспользовался последним шансом в виде резолюции № 1441 и представляет все большую опасность для мирового порядка [31].

Большую роль в обосновании вторжения США в Ирак сыграл специальный разведывательный отдел при Пентагоне – управление специальных планов, созданное Полом Вулфовицем и Дуэгласом Фейтом

Колин Пауэлл – государственный секретарь США (2001–2005 гг.)

и начавшее свою работу еще в сентябре 2002 г. (вплоть до июня 2003 г.). Основной задачей управления было предоставление высокопоставленным чиновникам из администрации Буша-младшего необходимых разведанных по иракскому делу. Считается, что управление также занималось редактированием данных от ЦРУ и Госдепартамента, если они расходились с официальной позицией.

К началу вторжения США, хоть и не смогли заручиться международной поддержкой и поддержкой ООН или НАТО, сделали все возможное для оправдания своих действий в Ираке. Большая часть этой информации впоследствии оказалась ложной и сфабрикованной. Примечательно, что в 2015 г. впервые 51 % опрошенных американцев полагали, что в 2002–2003 гг. администрация Дж. Буша-младшего специально обманывала общественность по вопросу наличия в Ираке ОМП с целью начала военной операции против режима Саддама Хусейна [4, с.413].

В связи с этим необходимо отметить, что в ходе операции «Буря в пустыне» 1991 г. авиация США уничтожила значительное число военных и промышленных объектов в Ираке, на которых могло быть произведено химическое или биологическое оружие. Однако нельзя не признавать, что, несмотря на все бесспорные достижения режима Саддама Хусейна, связанные с развитием инфраструктуры, улучшением качества жизни, образования, после разрушительных ирано-иракской войны и Первой войны в Заливе 1991 г. на фоне коррупции, «затягивания гаек» и ухудшения социально-экономической ситуации в стране иракцам «надоело ждать, что завтра будет лучшим, чем сегодня... то, что должно было произойти, произошло» [1, с.433].

Операция «Буря в пустыне» (январь–февраль 1991 г.)

Библиографический список

1. Башир А., Суннано Л.С. Ближний круг Саддама Хусейна. СПб.: ТИД Амфора, 2006. 457 с.
2. Гончаров А.И. Зигзаги военной политики Саддама Хусейна. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2012. 236 с.
3. Кислицын С.В. Внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. Дис. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. М., 2019. 230 с.
4. Криворучко А.П., Рошупкин В.Т. Багдадский вождь: взлет и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне. М.: Проспект, 2015. 560 с.
5. Ориентиры для оборонной политики (1992 год) // URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
6. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.
7. Утром – война, вечером – нефть. Зачем американцам бомбить Ирак, если их в первую очередь волнуют месторождения на Аляске? Буш опустил доллар // IQ. HSE. RU. URL: <https://iq.hse.ru/news/177790414.html> (дата обращения: 16.07.2021).
8. 106th Congress, 1st Session, Issue: Vol.145, No. 50 (1999) // Daily Edition. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/1999/4/13/daily-digest> (дата обращения: 16.07.2021).
9. A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm // URL: <https://web.archive.org/web/20140125123844/http://www.iasps.org/strat1.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
10. Authorization For Use Of Military Force Against Iraq Resolution Of 2002 // Public Law 107-243, 107th Congress. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ243/pdf/PLAW-107publ243.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
11. Blitzer W. Did the Bush Administration exaggerate the threat from Iraq? // CNN International Edition. URL: <https://edition.cnn.com/2003/ALLPOLITICS/07/08/wbr.iraq.claims/> (дата обращения: 16.07.2021).
12. Bush, Blair: Time running out for Saddam (2003) // CNN International Edition. URL: <https://edition.cnn.com/2003/US/01/31/sprj.irq.bush.blair.topics/> (дата обращения: 16.07.2021).
13. Kristol W., Kagan R. // A Great Victory for Iraq. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1998/02/26/a-great-victory-for-iraq/88ed1956-5c57-498d-a37b-118b224e-c94a/> (дата обращения: 16.07.2021).
14. Maps and Charts of Iraqi oil fields (2001) // Judicial Watch. URL: <https://www.judicial-watch.org/maps-and-charts-of-iraqi-oil-fields/> (дата обращения: 16.07.2021).
15. Mearsheimer John J., Walt Stephen M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2006. 496 p.
16. Mueller: 'Enemy is far from defeated' (2003) // CNN International Edition. URL: <https://edition.cnn.com/2003/ALLPOLITICS/02/11/transcripts.mueller/> (дата обращения: 16.07.2021).

17. Paul J.A. Iraq: the Struggle for Oil // GPF. URL: <https://archive.globalpolicy.org/security/oil/2002/08jim.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
18. Press Briefing with Ari Fleischer (2003) // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/04/20030410-6.html> (дата обращения: 16.07.2021).
19. Reliable, Affordable, and Environmentally Sound Energy for America's Future (2001) // National Energy Policy. URL: <https://www.nrc.gov/docs/ML0428/ML042800056.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
20. Resolution 678, Iraq-Kuwait (29 November 1990) // UNSCR. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/678> (дата обращения: 16.07.2021).
21. Resolution 687 (8 April 1991) // UNSCR. URL: <https://www.un.org/Depts/unmovic/documents/687.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
22. Resolution 1441 (8 November 2002) // UNSC. URL: <https://www.un.org/Depts/unmovic/documents/1441.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
23. Rick J. The Prewar Evidence (Or Lack Thereof): Saddam Hussein's Collaboration With Terrorists and His Deterrability // SCRIBD. URL: <https://ru.scribd.com/document/182902413/The-Prewar-Evidence-or-Lack-Thereof-Saddam-Hussein-s-Collaboration-with-Terrorists-and-His-Deterrability> (дата обращения: 16.07.2021).
24. Ryan M. Neoconservatism and the New American Century. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 273 p.
25. Statement of Principles (1997) // Project for the New American Century. URL: <https://web.archive.org/web/20050205041635/http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
26. Stelzer I. The Neocon Reader. N.Y.: Grove Press, 2004. 320 p.
27. The Commons Hansard Debates (2002) // UK Parliament. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmhansrd/vo020924/debtext/20924-05.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
28. The Iraqi Government Assault on the Marsh Arabs (2003) // A Human Rights Watch Briefing Paper. URL: <https://www.hrw.org/legacy/backgrounder/mena/marsharabs1.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
29. Tudor A., Onea T.A. US Foreign Policy in the Post-Cold War Era. Restraint versus Assertiveness from George H.W.Bush to Barack Obama. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. 261 p.
30. U.S.Secretary of State Colin Powell Addresses the U.N.Security Council (2003) // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/02/20030205-1.html#40> (дата обращения: 16.07.2021).
31. U.S. Secretary of State Colin Powell Addresses the U.N.Security Council (2003) // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/02/20030205-1.html#40> (дата обращения: 16.07.2021).
32. United Nations General Assembly, Fifty-seventh session, 2nd plenary meeting (12 September 2002) // UNGA. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/57/PV.2 (дата обращения: 16.07.2021).

В союзе с общественным мнением можно сделать всё, без него – ничего.

Авраам Линкольн

Нельзя пожать друг другу руки со сжатыми кулаками.

Индира Ганди

Граница между Азией и Европой проходит в мозговых полушариях.

Аркадий Давидович

Факты гибнут, иллюзии
остаются.

Михаил Протопопов

Ненависть не прекращается
ненавистью, но отсутствием
ненависти прекращается
ненависть.

*«Джаммапада»
(буддийский трактат)*

Все течёт, но ничего
не меняется.

*Константы Ильдефонс
Галчиньский*

Ольга Заиченко

РОССИЯ В МИРЕ

«ВОЙНА ПЕРЬЕВ»

**Ф.И. ТЮТЧЕВ И ЕГО
«ПРОЕКТ» ПО СОЗДАНИЮ
ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА
РОССИИ В ГЕРМАНИИ В
НАЧАЛЕ 1840-х гг.***

УДК

94[430:47]”1830-1848”
329[11+12](430):327.5
32.019.51:070.15(430)

Начало 1840-х годов было отмечено ростом антирусских настроений в Европе, что вызвало ряд ответных мер со стороны русского правительства. В статье делается попытка рассмотреть один из «проектов» по формированию позитивного образа России в Германии, предложенный поэтом, публицистом и дипломатом Ф.И. Тютчевым. Речь идет о записке об организации прорусской пропаганды в немецкой печати, представленной Тютчевым главе III Отделения А.Х. Бенкендорфу осенью 1843 года.

The early 40s of the 19th century were marked by the growth of anti-Russian sentiments in Europe. It provoked a number of retaliatory measures from the Russian government. The article discusses one of the “projects” for the formation of a positive image of Russia in Germany, proposed by the poet, publicist and diplomat F.I. Tyutchev. We are talking about a note on the organization of pro-Russian propaganda in the German press, presented by Tyutchev to the head of the III Department A.H. Benckendorf in the autumn of 1843.

Ключевые слова: Россия; Германия; русофобия; общественное мнение; пресса; публицистика; пропаганда.

Key words: Russia; Germany; Russophobia; public opinion; press; journalism; propaganda.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

---

*Представленное исследование является продолжением статьи: Заиченко О.В. «Нас считают гуннами...» Рост антирусских настроений в Германии в 30–40 гг. XIX в. и ответная реакция правящих кругов России // Россия XXI. 2021. №4. С.54–79.

Рост антирусских настроений в Европе и новый виток «войны перьев» в начале 1840-х гг.

Первая половина XIX в. была периодом постоянного роста внешнеполитического влияния России. К началу 1840-х гг. Россия, по общему

мнению, имела сильнейшую армию и сумела достичь ряда серьезных военных и дипломатических успехов. На этот период приходится пик общественного интереса к России в Европе. На рубеже 1830–1840-х годов дискуссия о будущем политическом устройстве Европы и о месте России в европейской системе вылилась в целый ряд аналитических и пропагандистских публикаций как со стороны европейских авторов, так и со стороны их русских оппонентов. Очередная «война перьев» была вызвана ростом антирусских настроений в Европе и обеспокоенностью правящих кругов России негативными изменениями в общественном мнении внешне дружественных европейских монархий.

После политических волнений 1830 г., вызванных Июльской революцией в Париже, и разгрома русским правительством польского восстания 1830–1831 гг. русофобия прочно вошла в сознание европейцев, все больше приобретая политический характер. В либеральных кругах торжество европейской реакции стали тесно увязывать с поддержкой собственных «коронованных тиранов» со стороны «русского деспотизма». Одновременно в очередной раз активизировалась внешняя политика России как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Европе, прежде всего, в германских государствах.

Авторитет Николая I среди европейских монархов значительно укрепился. Это еще больше стимулировало экспансию России в отношении Османской империи, проявившуюся в нескольких успешных для русского оружия войнах на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в. Череда военных и дипломатических побед России сделала вполне реальной угрозу распада Османской империи и установления единоличного контроля российского императора над Босфором и Дарданеллами. Вторая турецко-египетская война 1839–1841 гг. вновь привела к обострению противоречий в этом регионе, так как большая часть спорных «территорий влияния» входила тогда в состав владений турецкого султана. Таким образом, уже к середине 1840-х гг. в европейских политических кругах и общественном мнении Европы начала расти уверенность в серьезном нарушении Россией международного равновесия. Возникло опасение, что внешнеполитическая активность Николая I приведет к господству России в Европе и колониальному преобладанию на Ближнем Востоке.

При подобном обострении противоречий в контексте стремительного роста геополитического соперничества старый тезис об «азиатской природе» Российского государства, его цивилизационной отсталости и тотальной милитаризации стал наиболее часто сочетаться в европейской печати с мотивом внешней угрозы. Волна антирусской пропаганды, зародившаяся в английской и французской прессе на почве колониальных столкновений в Ближневосточном регионе, была немедленно подхвачена немецкой либеральной публицистикой. У немцев была масса собственных поводов для недовольства внешнеполитическими действиями России.

Несмотря на дружественные отношения между немецкими правящими домами и русским престолом, с начала 1840-х гг. наметился резкий рост русофобии в германских землях в связи с беспрецедентным вмешательством России во внутреннюю политику немецких государств. Всеобщее настроение наиболее адекватно выразил автор анонимно изданного в 1843 г. сочинения «Пруссия и Россия»: «В последнее десятилетие русский император Николай сделался верховным распорядителем судеб народов Центральной Европы и, прежде всего, в Германском союзе» [33, S.24]. Наибольшее раздражение немцев вызывали усилия России, направленные на сохранение политической раздробленности германских земель с верховным преобладанием реакционной Австро-Венгрии. Вопросы национального единства и связанная с ними проблема усиления политической реакции приобрели чрезвычайную актуальность. Главную причину консервации аморфного Германского союза под верховенством австрийской монархии и деспотических форм правления в Европе немцы видели в поддержке Россией сложившегося статус-кво. Продолжая описывать всеобщее недовольство по поводу русской политики в Германии в рассматриваемый период, уже цитированный нами анонимный автор сообщал: «Своим постоянным вмешательством в германские дела и своими угрозами всем нарушителям порядка в Европе император Николай за последние годы приобрел такую репутацию в Германии, что матери пугают его именем маленьких детей» [33, S.25].

Война «ведомств» за влияние на общественное мнение Европы

Русское правительство было чрезвычайно озабочено ростом антирусских настроений и уже в 1830-х гг. приступило к разработке основных методов воздействия на общественное мнение Европы. Для этого был сформирован особый штат чиновников, ответственных за ведение про-

Русское правительство было чрезвычайно озабочено ростом антирусских настроений и уже в 1830-х гг. приступило к разработке основных методов воздействия на общественное мнение Европы. Для этого был сформирован особый штат чиновников, ответственных за ведение про-

русской пропаганды в зарубежной прессе. На территории Германского союза была создана разветвленная резидентура под руководством барона Карла Фридриха фон Швейцера, подчинявшаяся главе III Отделения графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. В деле организации прорусской пропаганды она успешно конкурировала с институтом так называемых «литературных корреспондентов Министерства народного просвещения», который лично курировал министр иностранных дел всемогущий вице-канцлер Карл Васильевич Нессельроде. Как известно, между ведомствами существовали разногласия по поводу выбора средств для борьбы с русофобией, в частности, в оценке перспектив использования зарубежной прессы в интересах русской политики. Если Бенкендорф выступал за субсидирование иностранных периодических изданий русским правительством и использование в «войне перьев» зарубежных авторов, прежде всего, журналистов, для создания позитивного образа России в Европе, то у Нессельроде эти инициативы не вызвали сочувствия. Он предпочитал действовать дипломатическими средствами.

Отсутствие единства во взглядах не сказывалось благотворно на решении поставленной задачи. Каждое из ведомств предлагало свои проекты по формированию позитивного образа России. Кроме того, меморандумы на имя императора, содержавшие «особое мнение» по поводу организации пропагандистского воздействия на европейское общество, были составлены министром народного просвещения графом Сергеем Семеновичем Уваровым и главой II Отделения имперской канцелярии графом Дмитрием Николаевичем Блудовым [11, с.266–281]. В конце концов практическая работа «на местах» по формированию позитивного образа России в неравных пропорциях была поделена между агентами III Отделения и сотрудниками МИДа, которые на всех уровнях продолжали вести конкурентную борьбу за влияние, начатую их патронами, каждый – своими средствами. Дипломаты устанавливали личные связи и дружеские контакты со «столпами» местного общества – высокопоставленными чиновниками, признанными интеллектуалами и модными литераторами, а также «мониторили» иностранные печатные органы на предмет крамолы в адрес России и периодически выступали с официальными протестами по поводу очередной антирусской публикации в европейской прессе. Шпионы вели тайные переговоры по подкупу писателей и издателей, покупке иностранных изданий, организации публикации прорусских сочинений с опровержениями критических высказываний о России. В предыдущих статьях нами описано несколько кампаний русского правительства по формированию позитивного образа

Российской империи [4, с.18–47; 5, с.54–79], которые по причине разрозненных действий исполнителей не оказали какого бы то ни было заметного влияния на европейскую публику.

Выдающийся русский поэт, талантливый публицист и карьерный дипломат Федор Иванович Тютчев (1803–1873), внимательно следивший за контрмерами своих коллег по противодействию росту русофобии, находясь все это время в Германии, в силу своих профессиональных интересов, жизненных обстоятельств и темперамента был вовлечен в эту «войну перьев». Он тоже был глубоко погружен в немецкий внешнеполитический дискурс о месте России в европейской истории и политике, о ее роли в общественных процессах в Германии, в становлении немецкой нации и государственности. Рост антирусских настроений в немецкой прессе и формирование в общественном мнении Германии негативного образа России вызывали у Тютчева не только профессиональную, но и глубокую личную ответную реакцию.

В начале 1840-х годов, будучи уже отставным вторым секретарем дипломатической миссии в Баварии, Федор Иванович Тютчев, живший в тот период в Мюнхене, разработал и предложил всесильному

Памятник Ф.И. Тютчеву в Мюнхене

начальнику III Отделения свой собственный «проект» формирования положительного образа России в Германии. Речь идет о записке, представленной Тютчевым Бенкендорфу осенью 1843 г., на основе которой он пытался хлопотать себе полномочия специального агента III Отделения по организации прорусской пропаганды в немецкой печати.

В представленном исследовании мы попытаемся проследить на основании анализа источников официального политического и личного характера не только предпосылки и обстоятельства возникновения этого «проекта», но и попытки его воплощения в жизнь в 1842–1844 гг. За основу возьмем служебные записки,

составленные Тютчевым в 1843–1845 гг., его публицистические произведения, опубликованные в европейской печати в этот период, и материалы личной переписки Ф.И. Тютчева, а также свидетельства его современников.

**Русская миссия в Баварии
и «настоящая служба»
Тютчева**

Как известно, с 1822 по 1837 гг. Тютчев был секретарем российского посольства в Баварии. В Мюнхене за исключением непродолжительных

отлучек он провел более 20 лет. Как уже не раз отмечалось, Россия, верная принципам Священного союза, все эти годы стояла на страже континентальной «стабильности», получив впоследствии в европейской прессе титул «жандарма Европы». К числу тех государств, на которые в наибольшей степени распространялось «отеческое попечение» русского правительства, было королевство Баварское, одно из наиболее крупных политических образований, входивших в состав Германского союза. Задачи русской императорской миссии в Мюнхене не исчерпывались целями обычного дипломатического представительства. Это был один из органов политического контроля за точным выполнением со стороны баварского правительства тех принципов международной политики, которые были выработаны эпохой конгрессов. Нессельроде всячески хлопотал о том, чтобы сплотить крупные и мелкие немецкие дворы вокруг «единственного залога порядка общественного» [6, с.124–125] – монархического русско-австро-прусского союза. Другой задачей дипломатической миссии в Мюнхене была поддержка русского престижа как в глазах баварского правительства, так и в глазах немецкого общественного мнения. В этих целях вся предназначенная для печати информация о любых значимых событиях, происходящих в России, исходила непосредственно из канцелярии русской миссии [15, с.123–201].

Помимо контроля за баварской прессой сотрудники миссии с помощью личных связей и дружеских контактов старались в нужном направлении влиять на отношение к России в непридворных кругах баварской столицы, в модных салонах, где собиралась мюнхенская научная и литературная интеллигенция и куда, кстати сказать, был вхож и Тютчев [3, с.123–201]. В 1820–1830-х гг., будучи завсегдаем философских и литературных салонов Мюнхена, он находился в самом центре интеллектуальной элиты столицы Баварии, группировавшейся вокруг престарелого Фридриха Шеллинга – одного из виднейших представителей немецкой классической философии, идеи которого были очень популярны в России.

Молодой дипломат Ф.И.Тютчев
в Мюнхене. Середина 1820-х гг. XIX в.

В мюнхенских гостиных русский дипломат чувствовал себя вполне уверенно. Как однажды заметил о Тютчеве Михаил Петрович Погодин, «настоящею службой его в Мюнхене была не канцелярия, а беседа в обществе» [18, с.3]. На это же намекает в своих записках друг и шурин Тютчева Карл фон Пфедфель, говоря о том, что основным направлением деятельности последнего в Германии было «формировать полезные для России мнения в обществе» [12, с.600–609].

Чтобы понять смысл этой загадочной фразы, достаточно вспомнить о непродолжительной дружбе Тютчева с Генрихом Гейне, с которым он познакомился в Мюнхене в 1828 г. На тот момент Гейне придерживался даже не либеральных, а довольно радикальных взглядов,

что не помешало ему подпасть под влияние русофильских политических идей Тютчева, близких к официальной позиции русского правительства. На этот факт указывали многие исследователи жизни и творчества обоих поэтов. Так, например, уже в своей дипломной работе «Тютчев и Гейне. История встречи и поэтического взаимодействия» (1918) молодой литературовед Юрий Тынянов отмечает влияние рассуждений Тютчева о России в контексте тогдашних международных отношений на мировоззрение Гейне [26, с.11].

Оба поэта тесно общались с марта 1828 г., а в апреле началась очередная русско-турецкая война, вызвавшая бурную и неоднозначную реакцию в немецком обществе. Эта война стала следствием очередного обострения геополитического конфликта в ближневосточном регионе между великими державами, вызванного греческой войной за независимость (1821–1832) от Османской империи. Из-за гонений на христиан начавшаяся война подавалась русским правительством как крестовый поход против ислама в защиту православных греков. Несомненно, что в этот период Федор Тютчев, будучи сотрудником дипломатического представительства России в Германии, в беседах со своими немецкими конфидентами большое внимание уделял разъяснению позиции России

в «восточном вопросе» [3, с.129–131]. Вопреки создаваемому в европейской либеральной прессе образу Николая I как агрессора, вторгшегося на территорию суверенного государства, Тютчев в своих «беседах» представлял русского императора в соответствии с правительственной концепцией как бескорыстного защитника «греческих вдов и сирот», который «противоборствует» не только жестокости и варварству турецкого деспотизма, но и лицемерию его западных союзников [17, с.181–182].

Результатом «бесед» Тютчева и Гейне стал, по всей видимости, знаменитый пассаж, помещенный последним в XXX главе III части «Путевых картин». Третья часть «Путешествие от Мюнхена до Генуи» была написана Гейне в конце 1828 г. непосредственно после Мюнхена и отчасти по мюнхенским записям. Касаясь русско-турецкой войны, автор пишет неожиданные для европейского революционера строки: «В удивительной смене лозунгов и вождей, в этой великой борьбе обстоятельства сложились так, что самый пылкий друг революции видит спасение мира только в победе России и даже смотрит на императора Николая как на гонфалоньера свободы [...] Знамя (свободы. – *О.З.*) мы с Даунинг-стрит перенесли в Петербург, избрав знаменосцем императора Николая, рыцаря Европы, защитившего греческих вдов и сирот от азиатских варваров и заслужившего в этой доблестной борьбе свои шпоры» [1, т.6. с.223].

Дальше – больше. Переходя от характеристики текущей внешней политики России, вызвавшей откровенное неприятие у европейских либералов, к числу которых принадлежал сам автор, Гейне переходит к анализу ее внутреннего устройства, которое в западной прессе оценивалось как деспотическое: «Принципы, из которых возникла русская свобода или, вернее, на основе которых она с каждым днем все больше и больше развивается, это – либеральные идеи новейшего времени; русское правительство проникнуто этими идеями, его неограниченный абсолютизм является скорее диктатурой, направленной к тому, чтобы внедрить идеи подлинной демократии непосредственно в жизнь» [1, т.6. с.224].

И наконец, Гейне открыто занимает пророссийскую позицию в развернувшейся «войне перьев», объявив европейскую прессу не только врагом России, но и «врагом свободы»: «Опять враги свободы слишком явно выдали себя, посылая к небу благочестивые мольбы о спасении Турции и гибели России. Мы скоро обнаружили, кто нам друг или, вернее, кто внушает страх нашим врагам. Все, что алармисты сочиняли до сих пор об опасности, которой подвергает нас чрезмерная мощь России, – сплошная глупость. Мы, немцы, по крайней мере, ничем не рискуем. Нам грозят

владычеством русского кнута, но я охотно вытерплю и порцию кнута, если буду знать наверно, что и нашим врагам достанется то же» [1, т. 6. с. 223].

Молодой Генрих Гейне. Середина 20-х гг. XIX в.

В этом смысловом построении, по сей день приводящем в изумление исследователей творчества Гейне, он, по общему мнению, дал собственную интерпретацию логических конструкций Тютчева о политике и истории России, изложенных русским дипломатом во время мюнхенских «бесед».

Так, например, еще один литературовед «Серебряного века» Г.И. Чулков в своей статье «Тютчев и Гейне», независимо от Тынянова приходит к тем же выводам относительно третьей главы «Путевых картин»: «Мысли этой статьи как будто продиктованы Тютчевым. Они совершенно неожиданны в устах либерально настроенного немца, ибо едва ли у Гейне могло сложиться самостоятельно такое определенное мнение о загадочной России [...] Мнение, парадоксальное в устах Гейне, совершенно естественно в устах Тютчева. И странно было бы предположить обратное влияние» [28, с.363–364]. В комментариях к одноименной статье, незавершенной Ю.Н. Тыняновым, работа над которой шла в 1920–1922 гг., автор также отмечает возможную зависимость Гейне от Тютчева в его тогдашних су-

ждениях о России: «По поводу указанного мною политического влияния тютчевских бесед на Гейне мюнхенского периода вряд ли может быть сомнение» [19, с.61]. К.В.Пигарев также считает, что рассуждения Гейне соответствуют идеям Тютчева, сформировавшимся уже в мюнхенский период [16, с.61]. Наиболее видные зарубежные исследователи творчества Тютчева и Гейне – Р.Лейн и Ф.Гирт, тоже полагают, что влияние Тютчева на Гейне в этом случае неоспоримо [35, р. 151; 39, р.217; 34, р.60].

Справедливости ради отметим, что не прошло и трех лет, как вследствие жестокого подавления царскими войсками восстания в Польше в 1830/31 гг. взгляды Генриха Гейне на Россию изменились коренным образом. Но это произошло позднее и не по вине Тютчева, а русофильские рассуждения Гейне, изложенные в «Путевых картинах», благодаря таланту и растущей популярности автора продолжали оказывать «полезное для России» воздействие на читающую публику Европы еще долгие годы. И это обстоятельство является несомненной заслугой русского дипломата. Как заметил один из лучших биографов Тютчева К.В.Пигарев, «эти страницы из "Путевых картин" Гейне следовало бы занести в формулярный список Тютчева. Гейне проводил долгие часы у своего "лучшего мюнхенского друга" и конечно именно из этих бесед составил себе столь неожиданное для него представление о России» [17, с.181]. Привлечь перо Гейне на сторону России – это крупная, хотя быть может и не санкционированная свыше победа русской дипломатии в «войне перьев». И это первый известный нам пример того, что Погодин назвал «настоящей службой» Тютчева.

Отставка Тютчева и его «проект» по организации русской пропаганды в Германии в 1843 г. Но вернемся к обстоятельствам жизни Федора Ивановича в начале 1840-х гг. Не получив долгожданного места первого секретаря миссии в Мюнхене, несмотря на приложенные усилия и даже личное обращение к Нессельроде в 1835 г. [20, с.185–186], Тютчев был вынужден покинуть русское посольство в Баварии для того, чтобы занять должность старшего советника миссии в Турине. В 1839 г., после самовольного отъезда из Турина, Тютчев, испортив отношения с Нессельроде, по его настоянию подал прошение об отставке, а летом 1841 г. «за долговременным неприбытием из отпуска» он был окончательно отчислен из штата министерства иностранных дел и даже лишен звания камергера. Некоторые из современных исследователей жизни и творчества Федора Ивановича полагают, что предлог для отчисления из МИДа был чисто формальным, подлинной же причиной стало расхождение Тютчева с руководством министерства во взглядах на европейскую

политику в целом и на методы воздействия на европейское общественное мнение, в частности [27, с.216–225]. Тютчев вернулся в Мюнхен в сентябре 1839 г., но уже в качестве частного лица.

Ф.И.Тютчев. Портрет кисти Ипполиты Рехберг, 1838 г.

Одним из близких знакомцев и постоянных собеседников Федора Ивановича в Германии в тот период был Александр Иванович Тургенев, историк и общественный деятель, как и Тютчев, большой знаток политических, светских и культурных событий Европы и России. Лето 1842 г. они вместе проводили в Киссингене, модном немецком курорте. «Я много болтаю с Тютчевым, – писал А.И.Тургенев брату Николаю 25 июня 1842 г. из Киссингена, – это человек остроумный, знающий и европеец» [25, с.86]. Один из сюжетов, к которым Тютчев часто обращался в этих беседах, был связан с неумелой и крайне неэффективной пропагандой русских интересов в Германии. Особенно его раздражал отказ подчиненных Нессельроде использовать возможности влиятельных немецких изданий для размещения в них благожелательных публикаций о России. По его словам, (переданным А.И.Тургеневым в письме брату от 7 июля), аугсбургская газета “Allgemeine Zeitung”, едва ли не самая популярная в Европе, «охотно вошла бы в сношения с нами. Она это много раз

предлагала и даже сулила деньги тем, кто станет писать для нее о России, но тогда наше министерство иностранных дел кобенилось: с презрением отвергло предложение, говоря, что ему нет дела до того, что говорят или пишут немецкие журналисты о России» [7, с.149].

Однако, согласно исследованиям немецких историков, с популярностью аугсбургской газеты весьма считались в петербургских верхах [9; 36; 41]. «Вели себе читать "Аугсбургские ведомости", – писал А.И.Тургенев П.А.Вяземскому 16 января 1843 г., – и ничего другого из газет, если не хочешь терять времени» [14, с.205]. Я.Н.Толстой, парижский корреспондент III Отделения, доносил 11 июня 1838 г., что большая часть французской прессы черпала информацию именно из “Allgemeine Zeitung” [10, с.322]. По сведениям П.К.Мейендорфа, русского посла в Вене, а с 1839 г. – в Берлине, приведенным в письме к К.В.Нессельроде от 20 февраля 1837 г., “Allgemeine Zeitung” – «самая распространенная в Германии газета, составляемая с наибольшим знанием дела» – имела тогда более 8 тысяч подписчиков [40, Bd.1, S.61]. В 1845 г. ее тираж составлял более 9 тысяч экземпляров, а в 1848 г. превысил 11 тысяч [36, S.126]. В начале 1840-х гг. идея подкупа ее издателя барона И.-Ф.Котта обсуждалась как в российском внешнеполитическом ведомстве, так и в III Отделении, причем наибольшую активность в этом плане проявлял именно дипломат Тютчев [7, с.152, 169–171], а не резидент А.Х.Бенкендорфа в Пруссии К.-Ф.Швейцер. Последний же писал об издателе газеты: «Барон Котта имеет большое состояние и поэтому неподкупен; например, знаю доподлинно, что от кабинета Тьера (бывшего премьер-министром Франции с марта по октябрь 1840 г. – О.З.) делались ему предложения весьма значительные, но были отвергнуты» [38, S.235].

Из переписки Тютчева известно о нескольких конфиденциальных беседах, состоявшихся в конце лета – начале осени 1843 г. между ним и шефом III Отделения. Ввиду явной неэффективности прорусской пропаганды в Германии, Тютчев предлагал делать ставку не на агентов вроде Швейцера и нанятых ими никому неизвестных анонимных исполнителей, но на издания и общественных деятелей, уже завоевавших авторитет у европейской публики. В частности, обсуждались вопросы подкупа издателя “Allgemeine Zeitung” барона И.-Ф.Котта и вербовки видного немецкого ученого и публициста Я.-Ф.Фалльмерайера с целью «поставить на службу русским интересам перо и влияние последнего» [8, кн.1, с.281–290; 13, с.94–95; 7, с.150].

Об интересе Тютчева к Фалльмерайеру косвенно сообщает и Тургенев, упоминая в письме брату о некоем «мюнхенском ученом-путешественнике, который написал книгу о Греции, где доказал, что там преобладает славянское население; книга его совершенно в наших интересах

написана» [25, с.93]. В письме от 9 августа, ссылаясь на недавние беседы с уже покинувшим Киссинген Тютчевым, Тургенев раскрывает имя этого ученого: «...он много рассказывал мне о некоем Фалльмерайере, бывшем мюнхенском профессоре, который, говорят, является русским шпионом, и о котором передавали мне в Киссингене как о человеке, способном служить нашим интересам в немецких газетах, но чьими услугами Россия не пользуется» [25, с.93].

С известным эллинистом и востоковедом Якобом Филиппом Фалльмерайером (1790–1861) Тютчев был знаком лично: в 1831 г. немецкий ученый отправился из Мюнхена в продолжительное путешествие по Востоку в качестве консультанта и секретаря графа А.И.Остермана-Толстого – родственника Тютчева, который и пригласил Федора Ивановича посетить Баварию в 1822 г. В 1830 г. вышла в свет написанная Фалльмерайером «История полуострова Морья в средние века». Во второй части этого труда, опубликованной в 1836 г., автор обосновывал теорию славянского происхождения новоэллинов, которая была крайне негативно воспринята в ученом и литературном мире. Затем, втянувшись в политические дискуссии по поводу русско-германских отношений, Фалльмерайер опубликовал анонимно брошюру «Немецкие публицисты и европейская пентархия» [29] (Аугсбург, 1840), ставшую ответом на нашумевшее сочинение К.-Э.Гольдмана. Изданная также анонимно в Лейпциге в 1939 г. «Европейская пентархия» [31] была написана одним из подопечных Бенкендорфа по инициативе III Отделения в рамках инспирированной русским правительством пропагандистской кампании [5, с.54–79].

Якоб Филипп Фальмерайер (1790–1861), известный немецкий историк, публицист, политик, путешественник

Верный академическому стилю, Фалльмерайер в своем обзоре общественной реакции, вызванной публикацией скандальной книги Гольдмана, вышел за рамки пропагандистского дискурса и перевел обсуждение темы из плоскости реальной политики в область метафизических универсалий, рассматривая проблему германо-русских отношений в контексте прекращающейся «борьбы святых Пре-

столов Рима и Византии» и характеризуя «Европейскую пентархию» как новое свидетельство извечных притязаний «московитов» на религиозное и имперское господство в мире [42, S. 54–96]. Выделявшееся своим апокалиптическим пафосом, это сочинение Фалльмерайера в целом примыкало к тем многочисленным предупреждениям о русской угрозе, которыми европейская печать откликнулась на Восточный кризис 1839–1841 гг.

Неудивительно, что на фоне бурного роста антирусских настроений Тютчев, не оставлявший надежды на возобновление дипломатической карьеры и знавший о противоречиях между ведомствами Нессельроде и Бенкендорфа, решил обратиться к шефу жандармов с предложениями по реорганизации прорусской пропаганды в Германии. Как уже отмечалось, план Тютчева заключался в том, чтобы перевести взаимоотношения III Отделения и немецкой печати на качественно новый уровень. На фоне ожидавшейся активизации политики Николая I в германских государствах в связи с изменением ситуации в Пруссии, где летом 1840 г. на престол вступил Фридрих-Вильгельм IV, не склонный к раболепию перед своим петербургским родственником, казалось уместным предложить такую организацию прорусской пропаганды, когда ставка делалась бы не на «ушлых агентов и никому не ведомых наемников пера, но на фигуры и издания, уже завоевавшие авторитет в общественном мнении Европы» [13, с.94]. Что же касается деталей, то, пожалуй, труднее всего сейчас установить, на чем были основаны предположения Тютчева о готовности Фалльмерайера и “Allgemeine Zeitung” служить русским интересам. И если Тютчев искренне заблуждался, то выступал ли он только как распространитель подобных слухов, или сам их инициировал, стремясь выдать желаемое за действительное?

«Вербовка» Якоба Фалльмерайера как попытка реализации первой части «проекта»

Осенью 1842 г. после нескольких консультаций с гостившей тогда в Мюнхене близкой приятельницей Тютчева Амалией Крюденер, имевшей по общему признанию абсолютное влияние на шефа III Отделения, было решено апеллировать непосредственно к императору, используя Бенкендорфа в качестве посредника [7, с.145–150]. Предполагалось, что летом 1843 г. Тютчев вместе с Амалией Крюденер вернется в Петербург для личной встречи с Бенкендорфом. Пока же, находясь в Мюнхене, Тютчев работал над докладной запиской императору и параллельно пытался предпринимать некоторые самостоятельные шаги, регулярно встречаясь с Фалльмерайером.

До поездки в Россию Тютчев, разумеется, не располагал никакими полномочиями и мог лишь с помощью намеков осторожно прощупывать со-

беседника. Причем совершенно удивительной кажется сама попытка привлечь Фалльмерайера к сотрудничеству в качестве русского агента. Обладая репутацией серьезного ученого и публициста, именно он всегда выступал как оппонент историософской теории Тютчева, предупреждая в своих сочинениях об апокалиптической угрозе Западу и Римской церкви, исходящей от «москвитов, наследующих Византии» [42, S.55–56]. Видимо, гораздо более важным для Тютчева было то, что немецкий ученый одним из первых ввел в оборот саму идею «Восточной великой и самостоятельной Европы в противовес Западной» [42, S.56]. По свидетельству Фалльмерайера, в личных беседах русский поэт всегда признавал за ним приоритет в развитии теории о провиденциальном характере противостояния России и Запада, которая легла также в основу историософии Тютчева. По-видимому, такого рода тождество имело в глазах последнего гораздо большее значение, нежели радикальная противоположность их философских установок, политических взглядов и конечных прогнозов. Как известно, Фалльмерайер видел в «германстве» (Deutschtum) авангардный отряд Запада, призванный отразить нашествие сильного своей спаянностью «скифовизантийства», а Тютчев предрекал всемирный триумф «Восточной церкви» и «Православной империи». Наверное, только наивной верой в то, что немногие посвященные в «великую истину» должны установить контакт между собой поверх всех разделяющих их барьеров, объясняется устойчивое стремление Тютчева привлечь на сторону России ее неприкрытого врага.

Для осуществления своего плана Федору Ивановичу было необходимо заручиться поддержкой в высших инстанциях российского правительства. 31 мая 1843 г. он выехал из Мюнхена в Москву, а оттуда – в Петербург. В сентябре Тютчев сообщил жене, что провел пять дней в имении Бенкендорфа – замке Фалль под Ревелем. По окончании этого визита в письме родителям от 15 сентября он отметил внимание, с каким Бенкендорф отнесся к мыслям, высказанным в «известном вам проекте», и «ту поспешную готовность, с которой он оказал им поддержку перед государем. На другой же день после нашего разговора он воспользовался последним своим свиданием с государем, накануне его отъезда, чтобы довести их до его сведения. Он уверял меня, что мои мысли были приняты довольно благосклонно и есть повод надеяться, что им будет дан ход» [21, с.170–171].

Докладная записка императору 1843 г., о которой шла речь в этом письме, до настоящего времени остается найденной. Реконструируя по косвенным данным общий смысл этой политической инициативы, исследователи полагают, что речь в ней шла как о перспективах русской политики в целом, так и о программе ее политического обеспечения [7,

Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844), шеф жандармов, главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (1826–1844)

с.161–164; 16, с.111]. Между тем в этом вопросе высшая администрация проявила осторожность. Как далее следует из письма Тютчева, он получил лишь не закрепленное в официальном порядке «молчаливое разрешение на подбор кадров» [21, с.171]. Бенкендорф дал Федору Ивановичу год для конкретизации его плана и проработки практических деталей. Кроме того, он предложил ему самому активно выступать в европейской печати. Можно предположить, что такой вариант, когда политический темперамент талантливого поэта и публициста использовался бы впрямую, шефу III Отделения представлялся более надежным. Что же касается реальной поддержки деятельности Тютчева на этом поприще, как и вопроса о его статусе и регулярном финансовом обеспечении, то здесь отставной дипломат, видимо, не добился ничего, кроме обещаний.

Имея в виду «программу-максимум» (организаторскую) и «программу-минимум» (связанную с его собственным участием в полемике о России), осенью 1843 г. Тютчев вернулся в Германию. А 11 октября он уже прини-

мал в Мюнхене Фалльмерайера, который в память об этой встрече оставил в своем дневнике следующую запись: «...продолжительный секретный разговор и формальное предложение защищать пером дело России на Западе, то есть выдвигать правильную постановку восточного вопроса в противовес Западу, как и до сих пор, не насилуя своего убеждения; на будущий год Бенкендорф решит дальнейшее» [42, S.81; 7, с.152]. Таким образом, в глазах Фалльмерайера Тютчев выступает как лицо, подчиненное шефу русской тайной полиции, и беседа двух политических мыслителей приобретает черты тривиальной вербовки. До сих пор остается неизвестным, когда и в какой форме Фалльмерайер отказался служить проводником русских интересов в общественном мнении Германии, но примечательно, что во время следующей – и последней документально засвидетельствованной – встречи с Тютчевым, состоявшейся 14 ноября, эта тема более не обсуждалась [7, с.153].

Переговоры с Фалльмерайером – единственная известная исследователям попытка Тютчева реализовать «проект». Видимо, на рубеже 1843–1844 годов он потерял к нему интерес и вовсе от него отказался. Так или иначе, но теперь Федор Иванович всю энергию употребляет на написание политических статей, связывая свое карьерное будущее с заказанными Бенкендорфом выступлениями на страницах немецкой печати.

**«Политические письма» Тютчева
Густаву Кольбу как попытка
реализации второй части «проекта»**

Реализуя эту установку, 21 марта 1844 г. Тютчев опубликовал в “Allgemeine Zeitung” анонимное «Письмо одного русского», адресованное редактору газеты Густаву Кольбу (1795–1865). Поводом послужила напечатанная в этой газете статья “Die russische Armee im Kaukasus” («Русская армия на Кавказе») из анонимного цикла “Briefe einer deutschen Reisenden vom Schwarzen Meer” («Письма немецкого путешественника с Черного моря») [32, S.610–617]. Восьмое письмо этого цикла, появившееся 18 марта 1844 г., содержало критические суждения о порядке рекрутского набора в России. Замечания «немецкого путешественника» вызвали продолжительную официальную переписку. 19 марта русский поверенный в делах в Мюнхене Л.Г.Виолье заявил министру иностранных дел Баварии фон Гизе, который сразу же обратил внимание на этот эпизод министра внутренних дел фон Абеля, а тот, в свою очередь, призвал к большей осмотрительности редактора “Allgemeine Zeitung” Кольба и поручил Департаменту цензуры разобраться в этом деле [9, с.231–232].

Благодаря усилиям Г.Кольба аугсбургская газета приобрела репутацию одного из самых влиятельных европейских изданий либерального

направления. В России, где номера “Allgemeine Zeitung” регулярно изымались из обращения [2, т. 12, с. 193], ее особенно ценили в кругу западников. На страницах газеты постоянно разворачивались острые политические дискуссии. К.-Ф. Швейцер неоднократно подчеркивал в своих донесениях то обстоятельство, что публикация материалов, отражающих противоположные точки зрения по актуальным политическим вопросам, входила в расчет редакции, заботившейся о сохранении престижа и коммерческого успеха своего издания. Следуя редакционной политике, барон Котта не мог не печатать статей, неприятных России, однако он согласился на то, чтобы Швейцер «ему на них указывал, дабы впредь избегать подобных публикаций». Поэтому, хотя сотрудники газеты были настроены «архилиберально», благодаря усилиям барона Котта в газете – причем совершенно бесплатно – помещались статьи и в пользу России [38, S. 231].

Что же касается «письма» Тютчева, опубликованного в “Allgemeine Zeitung”, то во многом справедливую критику немецкого автора по поводу набора крепостных крестьян в солдаты российскому дипломату удалось интерпретировать как антирусский выпад, «отчетливо сигнализирующий об опасном помрачении» германского национального сознания: «После веков раздробленности и долгих лет политической смерти, – писал Тютчев, – немцы смогли обрести независимость только благодаря великодушному содействию России; сейчас они воображают, что смогут укрепить ее с помощью неблагодарности. Ах, они заблуждаются!» [37, Bd.VI, S. 415–416; 23, с. 109–110]. В завязавшейся дискуссии, в ходе которой в немецкой прессе неоднократно подчеркивались излишнее сгущение красок и чрезмерная экзальтация автора письма, а также оспаривался его главный тезис о «германской неблагодарности», наиболее сдержанную позицию заняла сама “Allgemeine Zeitung”, что дало повод другой газете “Kölnische Zeitung” обвинить ее в прорусской направленности [30, S. 3–5]. С наибольшей критикой автор публикаций в кельнской газете обрушился на основное положение «письма» Тютчева: тезис о будто бы противоречивых чувствах, испытываемых Германией по отношению к России. Германия, подчеркивал Тютчев, не может не сознавать, что своим освобождением от наполеоновского господства обязана именно России, но чувства благодарности за это не испытывает. Такой взгляд кельнская газета назвала «ерундой, прямой насмешкой над историей». В публикации подобных мнений она усмотрела оскорбление германского национального чувства, ибо, как утверждала газета, сама Россия будто бы была спасена от Наполеона народными восстаниями, начавшимися в Пруссии и переросшими в освободительную войну всех германских государств против господства наполеоновской армии [30, S. 4]. Как и боль-

шинство немецких изданий, “Kölnische Zeitung” возмущалась также критикой германской прессы со стороны Тютчева.

На этом сотрудничество поэта и “Allgemeine Zeitung” закончилось, и следующее свое «политическое письмо», адресованное Густаву Кольбу, Тютчев издает в Мюнхене отдельной брошюрой в середине мая 1844 г. под названием “Lettre `a Monsieur le D-r Gustave Kolb, redacteur de la Gazette Universelle” («Письмо к господину д-ру Густаву Кольбу, редактору Всеобщей газеты»). В этой статье, вышедшей позднее под заглавием “La Russie et l’Allemagne” («Россия и Германия») [24, с.1193–2019], Тютчев вновь напоминал немцам об их долге перед Россией за ту решающую роль, которую она сыграла в победе над Наполеоном, и обосновывал необходимость союза Германии и России в борьбе против революций, хаоса и анархии. Основные положения этой статьи, видимо, стоит рассмотреть более подробно, потому что, несмотря на некоторую экзальтацию и полемическую риторику, это сочинение в значительной степени отражало официальную позицию русского правительства относительно роли прессы в формировании общественного мнения.

Второе «письмо» Тютчева во многом повторяет и развивает сюжеты, затронутые в первом послании Г.Кольбу. Анализируя ситуацию в германских землях и отмечая рост русофобии, всю ответственность за это Тютчев возложил, прежде всего, на немецкую прессу. Причины негативного отношения к Российской империи он увидел не в изменении политической ситуации в стране, а в «нравственной безответственности» германских изданий, чем, с его точки зрения, единственно можно было объяснить «это пламенное, слепое, неистовое враждебное отношение, которое она в продолжение стольких лет выражает против России» [24, с.1195]. Тютчев называет распространение подобных настроений в обществе безрассудным, так как Российскую империю и правительства государств Германского союза вот уже 30 лет связывают отношения, которые «никогда не были более доброжелательными, более тесными, и никогда не существовало более искренне-душевного единомыслия между этими государствами и Россией» [24, 1195]. Тютчев не хочет замечать, что во многом именно это «единомыслие» заставляло представителей либерально-демократических кругов Германии переносить отрицательное отношение к своим правительствам на Россию. Он продолжает писать о ее заслугах в освобождении немецких земель от наполеоновской оккупации и ее роли гаранта от французского вмешательства во внутренние дела Германии. Однако Тютчев уже отметил возрастающий разрыв между лояльной политикой правительств немецких государств и общественным мнением, занятым

обсуждением идеи германского единства. Не считая внутренних причин, главное препятствие на пути к государственному объединению Германии Тютчев видел в политике Франции и полагал, что только существование России уравнивает ее давление. Он предупреждал, что враждебность к Российской империи может привести Германию «на край пропасти, где ее судьбы уже не раз подвергались крушению... так как расположение умов, которое создано и которое стараются распространить в Германии по отношению к России, еще не составляет прямой опасности, но весьма легко может сделаться таковою» [24, с.2017].

Несомненно, позиция Тютчева в этом письме была близка к мнению российских правительственных кругов, которые были озабочены ростом антирусских настроений в немецкой прессе. Эту точку зрения разделяли и многие русские интеллектуалы, жившие за границей и наблюдавшие все эти процессы собственными глазами. Так, одним из первых на публикацию Тютчева откликнулся его хороший знакомый А.И.Тургенев, писавший 19 мая 1844 г. В.А.Жуковскому: «Достань письмо, брошюру Тютчева, без имени, к Кольбу, редактору аугсбургской газеты... Очень хорошо и умно написана... в ней он нападает на немцев, кои бранят Россию... Тютчев доказывает, что союз Германии с Россией был и будет всегда благотворен для первой и что войска наши всегда готовы на ее защиту» [25, с.69]. В настроениях русских, живущих в Германии, как и в рассуждениях Тютчева, пока не чувствуется того раздражения и нетерпимости, которые станут характерными для высказываний российской прессы и официальных лиц в 1850-е – 1860-е годы. В 1844 г. Тютчев еще выступает как рассерженный патриот, оскорбленный неблагодарностью немцев и несправедливым отношением к своей родине, недоумевая при этом, как германской прессе «удалось эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда XIX века» [24, с.2015].

Согласно исследованиям А.Л.Осповата, публикации Тютчева в немецкой прессе были согласованы и с Бенкендорфом, и с Нессельроде [13, с.95–96]. Видимо, Федор Иванович рассчитывал на то, что во время новой встречи с шефом III Отделения, запланированной на осень, он получит не только «окончательное распоряжение», но и твердые гарантии своего будущего. Но карьерные планы Тютчева, построенные исключительно в расчете на благосклонность Бенкендорфа, внезапно рухнули.

23 сентября 1844 г. последний скончался, и все достигнутые договоренности, ввиду их сугубо частного характера, потеряли силу.

Возвращение в МИД и «меморандум» Тютчева 1845 г. как попытка возрождения «проекта»

Вернувшись в Россию, осенью 1844 г. Тютчев добивается аудиенции у Нессельроде, и 16 марта 1845 г. он был зачислен на службу в министерство

иностранных дел, но без конкретной должности. Проходит еще год – и Тютчев становится полноправным чиновником в ведомстве Нессельроде. Эти перемены в судьбе Федора Ивановича современники связывали с неким «артиклем», написанным для императора. По свидетельству А.И. Тургенева (в письме брату от 17 сентября 1845 г. из Москвы), Тютчев получил за составление этой записки «6000 рублей “Wartgeldt” (вознаграждения), и нынче ему обещают дипломатический пост» [25, с.81].

А.Л.Осватом и В.А.Мильчиной были найдены и опубликованы черновики этого документа, составленного Тютчевым в 1845 г. Более двух третей сочинения посвящены тезисному изложению основных положений историософии Тютчева, и лишь в самом конце автор высказывает некоторые практические предложения, которые, по мнению исследователей, должны в основном соответствовать идеям ненайденного трактата 1843 г. Таким образом, публикация А.Л.Освата и В.А.Мильчиной может дать нам некоторое представление об утерянном проекте Тютчева по организации прорусской пропаганды в Германии. Так, в меморандуме 1845 г. Федор Иванович, пусть в обтекаемой форме, вновь возвращается к идее использования влиятельных лиц и изданий для формирования положительного образа России. «Не однажды, – в частности, писал он, прозрачно намекая на Фальмерайера, – люди, знаменитые своими талантами, а также влиянием, которое они оказывают на общественное мнение, давали мне недвусмысленные подтверждения своей доброй воли, своей благосклонности к нам» [22, с.110–111]. Видимо, имея в виду “Allgemeine Zeitung”, Тютчев напоминал, что «...истинно полезно было бы... завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии, иметь там радетелей серьезных, почтенных, заставляющих публику себя слушать» [22, с.111]. В заключение Тютчев касался и своей предполагаемой роли организатора, и координатора «проекта»: «Но при каких условиях можно сообщить этим отдельным и до какой-то степени независимым друг от друга силам общее и спасительное направление? При условии, что рядом будет находиться человек умный, наделенный энергическим национальным чувством, глу-

боко преданный императору и достойно опытный в делах печати, чтобы как следует знать то поприще, на котором ему предстоит действовать. Что же до расходов, необходимых для организации за границей русской печати, то они будут ничтожны по сравнению с ожидаемым результатом. Если эта идея будет принята благосклонно, я почту за великое счастье сложить к стопам императора все, что может дать и обещать человек: чистоту намерений и усердие абсолютной преданности» [22, с.111]. Если еще и оставались сомнения, то последний пассаж со всей очевидностью подтверждает связь «артикля» 1845 г. и утерянного «проекта» 1843 г.

Как и двумя годами ранее, никаких действий по реализации предложений Тютчева не последовало. Он был поощрен за верноподданническое усердие, но оставлен в России. Тем более что идея «захвата» какой-либо уважаемой европейской газеты (вроде “Allgemeine Zeitung”), явно неприемлемая для Нессельроде, была связана с такими значительными расходами, вопреки прогнозу Тютчева, которые рачительный император не мог себе позволить. Таким образом, политические идеи и смелые инициативы поэта и дипломата остались не востребуемыми прагматическими идеологами российской монархии.

На канун революционных событий 1848 г. приходится пик подъема антирусских настроений в Германии. Нессельроде, в известном смысле, оказался прав: ни одноразовыми пропагандистскими акциями, ни подкупом целых изданий русскому правительству не удалось создать благоприятный образ России в Европе. Тем более что политика правящего кабинета в этой области была на редкость хаотична и непоследовательна.

Библиографический список

1. Гейне Г. Путевые картины. Ч. III. Путешествие от Мюнхена до Генуи. Глава XXX // Полное собрание сочинений в 12 т. / Под общ. ред. Н.Я. Берковского, М.А. Лифшица, И.К. Луппола. М.; Л.: Academia, 1935–1949. Т. 6.
2. Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письмо Третье // Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах / В.П. Волгин (гл. ред.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966. Т. 12.
3. Динесман Т. Тютчев в Мюнхене. К истории дипломатической карьеры // Тютчевский сборник. Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 123–201.
4. Заиченко О.В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. 2017. №3. С. 18–47.

5. Заиченко О.В. «Нас считают гуннами...» Рост антирусских настроений в Германии в 30–40 гг. XIX в. и ответная реакция правящих кругов России // Россия XXI. 2021. №4. С.54–79.
6. Император Николай и его сподвижники. Воспоминания графа Оттона де Бре (1842–1852) // Русская старина. 1902. Т.109. №1–3. С.115–139.
7. Казанович Е. Из мюнхенских встреч Ф.И. Тютчева (1840-е гг.) // Уралия. Тютчевский альманах (1803–1928). Л., 1928. С.142–181.
8. Летопись жизни и творчества Ф.И.Тютчева. В 3-х кн. / Отв. ред Т.Г.Динесман. М.: Литограф, 1999–2012. Кн.1: 1803–1844.
9. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х гг. // Литературное наследство. М., 1988. Т.97. Кн.1. С.231–254.
10. Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып.2. С.303–327.
11. Мильчина В.А., Осповат А.Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С.Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. №13. С.266–281.
12. Неизданная заметка барона К. фон Пфедфеля о Тютчеве // Долгополова С.А., Тархов А.Е.: История тютчевского мемориального собрания (Мураново) / Литературное наследство. Т.97. №2, 1989. С.600–609.
13. Осповат А.Л. Новонайденный меморандум Ф.И.Тютчева. (Докладная записка императору Николаю I. 1845 г.) // Новое литературное обозрение. 1992. №1. С.91–99.
14. Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И.Саитова. В 5-ти тт. СПб: Шереметев, 1899–1913. Т.4. 1899.
15. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1902.
16. Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
17. Пигарев К. Ф.И.Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т.19. 1935. С.177–218.
18. Погодин М.П. Воспоминания о Тютчеве // Московские ведомости. 1873. 29 июля. №90.
19. Тынянов Ю.Н. Тютчев и Гейне // Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977. С.29–38.
20. Тютчев Ф.И. – Нессельроде К.В. 22 октября/3 ноября 1835 г. (Перевод с фр.) // Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995. С.185–186.
21. Тютчев Ф.И. – Тютчевым И.Н. и Е.Л., 3/15 сентября 1843 г. // Федор Иванович Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Изд-во «Классика», 2003–2005. Т.4. Письма 1820–1849, С.170–171.
22. Тютчев Ф.И. Докладная записка императору Николаю I 1845 г. (публикация и примечания А.Л.Осповата, перевод В.А.Мильчиной) // Новое литературное обозрение. 1992. №1. С.104–115.

23. Тютчев Ф.И. Письмо русского // Федор Иванович Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Изд-во «Классика», 2003–2005. Т.3. С. 109–110.
24. Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Русский архив. 1893. №10. С. 1193–2019.
25. Ф.И.Тютчев в дневнике А.И.Тургенева (1832–1844). Публикация и примечания Азадовского К.М. и Осповата А.Л. // Литературное наследство. М., 1989. Т.97. Кн.2. С.38–99.
26. Фишман В. Генрих Гейне – немецкий друг Федора Тютчева // «Плавучий мост». Журнал поэзии. 2017. №2(14). С. 10–16.
27. Хевролина В.М. Внешнеполитические сюжеты в поэзии Ф.И.Тютчева // Новая и новейшая история. 2004. №3. С.216–225.
28. Чулков Г.И. Тютчев и Гейне // Искусство. 1923. №1. С.360–372.
29. [Anonym.] Deutsche Publizisten und die europäische Pentarchie. Augsburg, 1840.
30. [Anonym.] Die deutsche Antwort auf den Brief des Russen // Kölnische Zeitung. N.94. 3. Apr. 1844. S.3–5.
31. [Anonym.] Die europäische Pentarchie. Leipzig: Wigand, 1839.
32. [Anonym.] Die russische Armee im Kaukasus // Allgemeine Zeitung. Beilage. N.78, 18. März 1844. S.610–617.
33. [Anonym.] Preußen und Russland. Leipzig: Dr. von Giesecke & Devrient, 1843.
34. Conant R. The Political Poetry and Ideology of F.I.Tjutchev – Ann Arbor, 1983. 84 p. (Ardis Essay Series; N.6).
35. Gregg R.A. Fedor Tjutchev: The Evolution of a Poet – New York: Columbia Univ. Press, 1965.
36. Heyck E. “Die Allgemeine Zeitung”. 1798–1898. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Presse. München, 1900.
37. Jacobsohn S. Tjutcev-Beiträge. I. Der erste Brief Tjutcevs an Dr. G.Kolb, Redakteur der “Augsburger Allgemeinen Zeitung” // Zeitschrift für slavische Philologie. 1929. Bd.VI. S.410–416.
38. Jahn P. Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart, 1980.
39. Lane R.C. Russia and the Revolution in Tutchew’s Poetry: Some Poems of 1828–1830 // The Slavonic and East European Review, 1973, V.LI. №123, p.214–230.
40. Meyendorff P. von. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien: Politischer und privater Briefwechsel 1826–1863. Bd.1–2 / Hrsg. von Otto Hoetzch. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter & CO, 1923.
41. Padrutt Ch. “Allgemeine Zeitung” (1798–1929) // Fischer H.-D. (Hrsg.) Deutsche Zeitungen des 17. bis 20. Jahrhunderts. Pullach bei München, 1972.
42. Rauch G.J.Ph. Fallmerayer und der russische Reichsgedanke bei F.I.Tjutcev // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1953. Bd.I. Hf.1. S.54–96.

Любовь Мельникова

РОССИЯ В МИРЕ

**КОНФЛИКТ НА АФОНЕ:
«ГРЕКО-РУССКИЙ
ПАНТЕЛЕИМОНОВСКИЙ ПРОЦЕСС»
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х гг.
И ОСНОВАНИЕ НОВО-АФОНСКОГО
СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ**

УДК

94 (47).072

В статье исследуются причины, ход и итоги греко-русского конфликта, возникшего в первой половине 1870-х гг. в Афонском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Показано, что конфликт был обусловлен обострением ряда противоречий между разными этническими общинами в самой обители, общим подъемом в греческой среде антиславянских и антирусских настроений, вызванных позицией России в греко-болгарском церковном вопросе, а также действиями британской дипломатии, стремившейся ослабить российское влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Рассмотрено возникновение на Кавказе Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, ставшее одним из итогов «греко-русского Пантелеимоновского процесса».

The article examines the causes, course and results of the Greek-Russian conflict that arose in the first half of the 1870s in the Athos St. Panteleimon Monastery. It is shown that the conflict was caused by the aggravation of a number of contradictions between different ethnic communities in the monastery itself, the general rise in the Greek environment of anti-Slavic and anti-Russian sentiments caused by Russia's position in the Greek-Bulgarian church issue, as well as the actions of British diplomacy which sought to weaken Russian influence in the Balkans and the Middle East. The article considers the emergence of the New Athos Simon-Cananite Monastery in the Caucasus, which became one of the results of the «Greek-Russian Panteleimon process».

Ключевые слова: Афон; Афонский Свято-Пантелеимонов монастырь; Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь; греко-болгарский церковный вопрос; Н.П.Игнатьев.

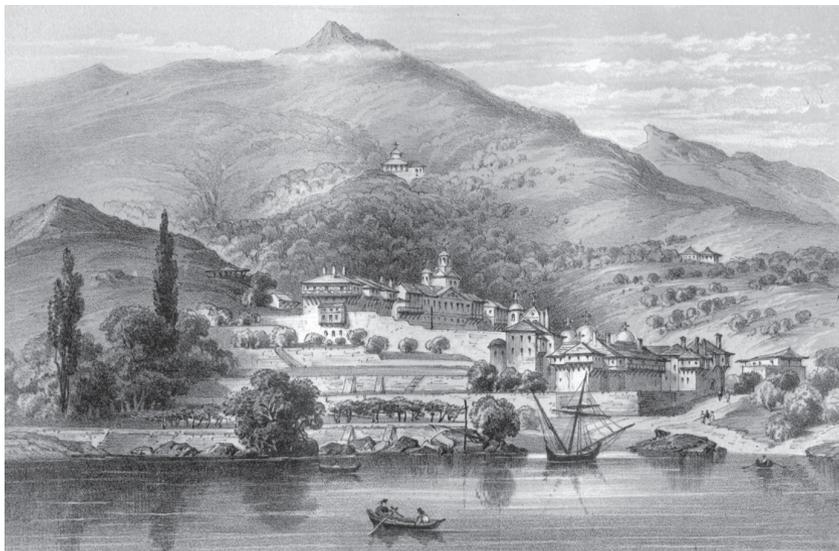
Key words: Athos; Athos St. Panteleimon Monastery; New Athos Simon-Cananite Monastery; Greek-Bulgarian church question; N.P.Ignatiev.

E-mail: melnikova-lv@mail.ru

Святая Гора Афон, как известно, является одной из величайших святынь православного мира и почитается как удел Пресвятой Богородицы – священная земля, находящаяся под особенным покровительством Божией Матери. В этом крупнейшем средоточии православного монашества, объединившем людей, принадлежащих к разным национальностям и говорящих на разных языках, вот уже более тысячи лет непрестанно возносятся к Богу молитвы иноков. Строгий устав и хранимые с древних времен на Афоне формы пустынножителства сделали Святую Гору практически эталоном жизни православного монашества. При этом Афон, всегда имевший важное духовно-религиозное значение, в XIX в. стал также предметом политического интереса великих держав, соперничавших между собой за преобладающее влияние в Османской империи. Российская дипломатия рассматривала физическое и духовное присутствие своих соотечественников на Святой Горе как одну из важных опорных точек политики Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке. Между тем положение русских иноков на Афоне осложняли обострившиеся в течение XIX столетия межнациональные противоречия (главным образом, русско-греческие), что неоднократно пытались использовать в своих интересах западные дипломатии, стремившиеся ослабить влияние России в регионе.

Русский монастырь на Афоне, или Руссик

Первые русские монахи появились на Афоне еще в XI в. К середине XIX в. основным местом их пребывания на Святой Горе стал Свято-Пантелеимонов монастырь, входящий в число двадцати привилегированных афонских монастырей, имеющих своих представителей в Протате (центральном исполнительном соборном органе управления Святой Горы). Этот монастырь, возникший в конце X в., в 1169 г. был передан «на все последующие времена» русской монашеской общине монастыря Ксилургу. Последний с этого времени приобрел статус скита, приписанного к монастырю Св. Пантелеимона. На протяжении практически всего периода своего существования Свято-Пантелеимонов монастырь именовался Русским (или Руссиком), однако национальный состав его насельников не был однородным: значительную часть братии составляли сербы и греки. В первой половине XVIII в. вследствие русско-турецких войн приток русских богомольцев на Афон резко сократился; в 1735 г. в монасты-

Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Литография неизвестного автора. 1860 г.

ре Св. Пантелеимона стали преобладать греческие монахи, которые, по выражению А. А. Дмитриевского, «мало-помалу совершенно» вытеснили русских [9, с. 79]. Из-за утраты связей с Россией монастырь пришел в экономический упадок, положение не спасло даже переселение в 1770-х гг. братии из нагорной местности на побережье. В 1830-х гг. игумен Свято-Пантелеимонова монастыря Герасим и иеросхидиакон Венедикт решили вернуть русских: в 1835 г. по просьбе прибывшего на Афон иеромонаха Аникиты (князя С. А. Ширинского-Шихматова) греки приняли в обитель около 25 русских иноков, но вскоре из-за возникших неурядиц изгнали их; в 1839 г. в монастырь были приглашены изгнанные малороссами из Ильинского скита русские монахи (великороссы) во главе с бывшим игуменом скита иеромонахом Павлом, ставшим духовником Руссика [10, с. 168–170; 181–182].

Назревание конфликта

Взаимоотношения греков и русских – двух разноплеменных обществ с различными традициями – складывались непросто. Принимая щедрые пожертвования из России, греки с большим трудом шли

на признание каких бы то ни было прав русских иноков, стараясь закрепить за собой господствующее положение в обители. Так, в 1857 г. русская часть братии, численность которой к тому времени уже превысила сто человек, после долгих прений получила разрешение два–три дня в неделю (исключая утренние чтения по воскресеньям и в двенадесятые праздники) читать на трапезе по-русски, что привело к бойкоту трапезы в эти дни многими греческими монахами [5, с. 534]. В 1858–1863 гг. среди греческого братства обители вновь усилились антирусские настроения, что было вызвано на этот раз подходом к монастырской пристани русских пароходов с паломниками, а также устройством в связи с этим неподалеку сторожки под турецким флагом, где для быстрого оформления необходимых документов практически постоянно находился османский таможенный чиновник. Волнения успокоились лишь после устранения раздражающих факторов и внезапного добровольного ухода из обители 23 недовольных греков. Дальнейшему укреплению монастырского порядка и благосостояния способствовало внимание российских властей и представителей царствующего дома Романовых: в 1866 г. Свято-Пантелеимонов монастырь посетил русский посланник в Константинополе Н. П. Игнатьев, ставший вскоре его покровителем, а в 1867 г. – великий князь Алексей Александрович, указавший как на одно из достоинств обители мирное сосуществование в ней двух разноплеменных, но единоверных братств [5, с. 536–537].

Затишье в монастыре продлилось, однако, недолго. В первой половине 1870-х гг. там разгорелся громкий конфликт, названный современниками «греко-русским Пантелеимоновым процессом». Этот конфликт наметился еще в октябре 1870 г., когда престарелый игумен Герасим объявил своим «нареченным преемником» русского члена братии – архимандрита Макария (Сушкина), что вызвало недовольство ряда афонских, а вслед за ними и внеафонских греков. По справедливому замечанию А. А. Дмитриевского, «это одно обстоятельство, взятое само по себе, едва ли бы раздуло издавна тлевшуюся [в обители. – Л.М.] искру затаенной вражды греков к русским», если бы к нему «не примешался целый ряд других фактов, с которыми так или иначе связывалось русское имя» [9, с. 162].

Главным фактором, приведшим к подъему в греческой среде антиславянских и антирусских настроений, стала позиция России по греко-болгарскому церковному вопросу, вызвавшая напряженность между Русской Церковью и Константинопольским Патриархатом.

Греко-болгарский церковный спор, в ходе которого болгарский народ вел борьбу за национальную автокефальную Церковь, в XIX в. был одним из ключевых вопросов церковно-политической жизни на Балканах и Ближнем Востоке. Россия, в сферу интересов и влияния которой традиционно входил этот регион, не могла остаться в стороне от церковно-политического конфликта. Опираясь на принцип единства православия на Востоке, усиливший, по мнению российских властей, позиции как православных народов, проживавших в исламском государстве, так и оказывавшей им покровительство России, русская церковная и светская дипломатия пыталась добиться примирения противоборствующих сторон путем взаимных уступок и достижения разумного компромисса. В основу программы действий российского посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева была положена идея о каноническом наделении Болгарской Церкви определенными правами с сохранением ее неразрывной связи с Константинопольским Патриархатом. В том же русле, хотя и с гораздо большей осторожностью, действовала и Русская Церковь, традиционно поддерживавшая тесные канонические отношения с Восточными Патриархатами, на которые во многом опиралась российская внешняя политика на Ближнем Востоке. Из-за упорства как греческой, так и болгарской сторон не все запланированное удалось осуществить. 27 февраля 1870 г. султанским фирманом был учрежден Болгарский экзархат, однако канонического признания со стороны Константинопольского Патриархата он так и не получил. Более того, 16 сентября 1872 г. Константинопольский собор Восточных Православных Церквей принял постановление о провозглашении Болгарской Церкви схизматической, изолировав ее тем самым от духовного общения с Вселенской Церковью. Российский Святейший Синод, дважды (в апреле 1869 г. и в марте 1871 г.) пытавшийся убедить Константинопольского патриарха Григория VI отказаться от идеи созыва Собора и пойти на определенные уступки болгарам, уклонился от участия в Соборе и не присоединился к его приговору, оставив без ответа послание Вселенского Патриарха Анфима VI о провозглашении схизмы. Из всех присутствовавших на Соборе представителей Восточных Православных Церквей постановление по поводу болгарской схизмы не подписал лишь патриарх Иерусалимский Кирилл II, который в ноябре 1872 г. под давлением Константинопольской Патриархии был объявлен схизматиком и низложен собственным Синодом [подробнее об этом см.: 12, с. 147–161; 13, с. 36–68].

**Греко-русский
Пантелеимоновский процесс**

Российский император Александр II, недовольный решением Константинопольского собора 1872 г. и низложением патриарха

Иерусалимского Кирилла II, в 1873 г. наложил секвестр (в пользу казны) на доходы Восточных Патриархатов с бессарабских имений их монастырей. Греческие епитропы были высланы из бессарабских метох, а монастыри получали теперь только 2/5 своих доходов через русское посольство в Константинополе и генеральное консульство в Солуни, причем по усмотрению дипломатов эти средства могли удерживаться вплоть до решения в пользу русских тех или иных спорных вопросов [10, с. 345]. Свообразным противодействием со стороны Вселенской Патриархии «молчаливому отказу» российского Святейшего Синода поддержать болгарскую схизму и упомянутому «бессарабскому секвестру» и стал конфликт, возникший в Русском Свято-Пантелеимонове монастыре на Афоне, находившемся в церковной юрисдикции Константинопольского Патриархата.

В 1873 г. на Афон прибыли архиепископ Сироса Александр (Ликур-гос), прямо призвавший греков к крестовому походу против славян, и патриаршая комиссия, получившая предписание изучить обстановку и предложить меры для защиты греческих интересов. По меткому выражению Н. П. Игнатьева, посеянные ими «семена розни» вскоре «принесли плоды» – в монастыре Св. Пантелеимона между греческими и русскими иноками разгорелась ожесточенная внутренняя борьба, воспринимавшаяся противниками России в качестве «отправной точки для греко-русской схизмы» [6, с. 381]. В греческих газетах развернулась антирусская информационная кампания, в ходе которой раздувались национальные и политические страсти: Россия обвинялась в «панславизме» и желании выдавить с Афона греческий элемент, всерьез даже обсуждался вопрос о якобы предстоявшем осуждении русских по примеру болгар [подробнее см.: 9, с. 168–175]. Притесняемая греками (ссоры и разногласия происходили непрерывно как по незначительным поводам, так и из-за разных взглядов на духовную и монашескую жизнь), русская часть братии Свято-Пантелеимонова монастыря была вынуждена поставить вопрос о разделении обители на две общины. В январе 1874 г. игумен Герасим дал на это письменное благословение, подчеркнув, что в предстоящем разделе «преимущественное право» принадлежит русским инокам, выстроившим большую часть монастыря, заплатившим долги Руссика и содержавшим на свои средства все

братство, что позволяло называть их «ктиторами обители». При этом Герасим подчеркнул, что «братство русское вошло в обитель, убежденное многими нашими усерднейшими предварительными просьбами» [10, с. 349]. Греки, желавшие сами управлять всем монастырем, не согласились с этим решением.

Вскоре, 30 января 1874 г., игумен Герасим дал русским инокам новую грамоту, подтверждавшую их выдающуюся роль в возрождении Свято-Пантелеимонова монастыря, их права и численное превосходство: «Русский монастырь сей до приглашения в него русского братства находился в совершенной бедности. Большая часть оного по недостатку средств не была обстроена, церкви были неоштукатурены и без иконостасов. Число же братства до 1840 г. едва доходило до 60 человек, но и такое малое количество монастырь не был в состоянии пропитать, а потому и вошел в большие долги. Находясь в таком ужасном положении и бедности крайней, мы вынуждены были в 1840 г. пригласить русское братство для сожительства с нами и пользоваться во всех делах монастыря теми же самыми правами, как и мы сами, чтобы таким образом дать руку помощи сему священному монастырю, коему угрожал совершенный упадок, прося усердно русскую обитель, чтобы они пеклись и заботились, как хозяева, о создании и возведении остальных монастырских строений и о всем прочем. Во всем этом они оправдали себя, хотя и с большим трудом, ибо братство русское на собственные свои средства, принесенные ими в обитель, также и присылаемые им из России от их родственников и друзей, а также и трудами, подъемлемыми ими в сборе милостынного подаяния от православных христиан в России, выстроили большую часть монастыря, а также и вне монастыря выстроили многие дома, равно и метохи некоторые выкупили, а некоторые исправили, иные и вновь выстроили. К тому же уплатили 5 000 турецких лир, а на все это братство русское истратило десятки тысяч лир. При всем том братия наши русские своими трудами и попечениями до сего времени содержат в превосходном состоянии все многочисленное наше братство, ибо в настоящее время в нашем общежитии находится греков более 200 человек, а русских более 300» [10, с. 350].

28 января 1874 г. греки избрали из своей среды трех симпракторов (помощников игумена), которые должны были помочь Герасиму в разделе с русскими, но на самом деле самовольно взяли в свои руки управление обителью, забрав монастырские документы и печать. Новые руководители монастыря приостановили строительство храма и корпуса в Старом

(нагорном) Русике, куда русские иноки собирались переселиться в случае волнений.

Оба братства обратились в Протат, откуда в обитель в марте 1874 г. прибыла шестичленная комиссия антипросопов (представителей святогорских обителей в Протате). Проведя два заседания и получив письменные требования обеих сторон, уполномоченные объявили, что разбор дела состоится после праздника Пасхи. По просьбе русских для предупреждения беспорядков комиссия издала временный канонизм, согласно которому управление монастырем оставалось прежним, никакие нововведения не допускались [10, с. 353–354].

23 апреля 1874 г. в Свято-Пантелеимонов монастырь прибыла новая девятичленная комиссия антипросопов, которая вскоре объявила свои решения, изложенные в 22 главах нового канонизма. Основные из них заключались в следующем: «1) монастырь был, есть и будет греческим; 2) во главе его всегда будет игумен из греков и турецкий подданный; 3) русским из-за языка разрешается иметь своего духовника, который определяется и увольняется игуменом; 4) русские должны составлять не более 1/3 братии; 5) казна должна быть общей, причем русские должны передать в нее все, что они имели, и что будут получать в будущем; 6) храм в Старом Русике, составляющем собственность монастыря, должен быть окончен, а новые постройки там не дозволялись» [10, с. 355]. Неудивительно, что русская братия отказалась принять это постановление. Прибывший в это время на Афон известный церковный историк и писатель-паломник А.Н. Муравьев написал от имени русских иноков протест, который, однако, не был принят в Протате. Сообщая об этом российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву в письме от 9 мая 1874 г., Муравьев подчеркнул «очень неблагоприятную» ситуацию в Русике и полную растерянность русских иноков: «Антихристы, антипросопы бурлят и шипят как змии, а наши овечки трепещут и все смиряются, что им еще больше придает духа и ярости. Антихристы ничего не хотят разбирать и допрашивать свидетелей, а только издают свои

А.Н.Муравьев.
Гравюра И.И.Матюшина по
рис. П.Ф.Борея. 1874 г.

Граф Н.П.Игнатъев.
Гравюра Ф.Меркина. 1878 г.

каноны, чтобы выжить силой русских. ...Наши не умеют даже ничего написать и боятся писать, чтобы их не побили и не сожгли. ...И Иероним¹, и Макарий – как мокрые курицы, только кудахтают» [3, с. 450–451].

Летом 1874 г. в статье «Афон Руссик» А.Н.Муравьев вспоминал об этих событиях: «При моем свидании с антипро-сопами я старался внушить им более миролюбивые и беспристрастные чувства, чуждые национального филетизма, и при этом объяснял, что с русскими нельзя окончить дело, как с болгарами, провозглашением схизмы, потому что от этого и сами греки могли бы постра-

дать, лишившись помощи и покровительства из России, и даже доходов с их бессарабских имений. Я предварял также, что и посол наш не допустит притеснять русских и что если бы даже Протат или сам патриарх, по народному пристрастию, приняли сторону возмутителей из числа греков, которых следует удалить из монастыря, то посол будет действовать чрез Порту, чтобы защитить своих соотечественников и самое достоинство имени русского. Слова мои были, однако, гласом вопиющего в пустыне пред этим безумствующим собранием, слишком проникнутым духом эллинизма и какими-то несбыточными надеждами на покровительство Запада против России» [3, с. 582–583].

В письмах и записках, адресованных Н.П.Игнатъеву, А.Н.Муравьев настаивал, чтобы тот как можно быстрее оказал поддержку русским инокам Свято-Пантелеимонова монастыря и приехал на Афон с личным визитом. В записке от 29 мая 1874 г. он подчеркивал, что неприязнь греков к русским на Святой Горе отнюдь не ограничивается греческой братией Свято-Пантелеимонова монастыря, и объяснял происходившее обострением межнациональных противоречий и накалом греческого филетизма после решений Константинопольского собора 1872 г.: «Искры неприязни давно уже, вероятно, тлелись, но схизма болгарская положила последнюю печать на эту вражду. Теперь можно сказать, это уже не болгарская, а прямо русская схизма, потому что болгары остались в тени при

¹Иероним (Соломенцов) – иеросхимонах, русский духовник Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне.

той явной ненависти, какую питают разъяренные, обезумевшие греки к русским. Они видят в них корень и силу славянства и, забывая свое бессилие, на них, собственно, обращают всю свою злобу» [1, д. 3210, л. 1]. В письме Игнатьеву от 10 августа 1874 г. Муравьев писал: «Повстанцев надобно сейчас же выгнать из Руссика, а не то плохо от них будет, и следует выбрать нового игумена. Не дай запустить этого дела; оно чем дальше, тем хуже пойдет, и потом уже не исправишь, как и болгарское, которое останется навеки нерушимо. Если теперь не ударить по лбу Афон, то все наше влияние исчезнет» [3, с. 464].

Вмешательство Н.П.Игнатьева

Не добившись ничего в Протате, русская братия Свято-Пантелеимонова монастыря обратилась в церковный суд Константинопольского Патриархата. В конце июля 1874 г. в сопровождении германского и американского послов на Афон прибыл Н.П.Игнатьев. Послы посетили Руссик, болгарский монастырь Зограф (что, по словам Игнатьева, «очень не понравилось грекам»), греческую обитель Ватопед, Андреевский и Ильинский скиты. Важное значение имело посещение ими Кареи, где располагался Протат. В письме от 8 августа 1874 г. Игнатьев сообщил Муравьеву, что от имени всех трех послов он выразил председателю Протата архимандриту Лавры Св. Афанасия Павлу «общее удивление, что вместо монахов, посвящающих себя исключительно молитве и служению Богу, встречаем на Афоне людей, поселяющих раздор и смуты и руководящихся какими-то политическими соображениями», а затем намекнул, что «если мир и тишина не водворятся на земле, находящейся под властью султана, и в монастырях, подчиненных патриарху, то, конечно, приняты будут меры, чтобы положить конец злу» [3, с. 462]. При посещении Ватопеда в ответ на вопрос греческих монахов об их бессарабских именах Игнатьев «обозвал их людьми

Не добившись ничего в Протате, русская братия Свято-Пантелеимонова монастыря обратилась в церковный суд Константинопольского

Архимандрит Макарий (Сушкин), настоятель Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Мемориальная доска на церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Фото

бессовестными», заметив, что не посмеет «просить об их нуждах государя в то самое время, как русские на Афоне ими преследуются». «Ни копейки не получите, – привел Игнатъев свои слова, – ни дерева не срубите в ваших имениях (они хлопочут теперь о разрешении рубки леса), пока русские иноки не будут вполне успокоены на Св.Горе» [3, с. 461].

В другом письме А. Н. Муравьеву, от 5 августа 1874 г., Н. П. Игнатъев подвел итоги своего визита на Святую Гору, а также отметил явный «английский след» в закулисной разжигании рассматриваемого греко-русского конфликта: «Мое появление на Афоне, в сопровождении германского и американского послов, произвело сильную демонстрацию в пользу русских иноков, мира и согласия на Святой Горе. На этих днях убедился я, что английский посол живо интересуется происходящим на Афоне и поддерживает сношения с ярыми "дервишами эллинизма", – как ты их назвал весьма верно и остроумно, – получая от архимандрита лаврского и других все документы, относящиеся до греко-русской распри (протоколы и пр.)» [3, с. 459]. По возвращении в Константинополь Н. П. Игнатъев связался с Вселенским патриархом Иоакимом II.

Благодаря стараниям Н. П. Игнатъева, поддержке патриарха Иоакима II, а также прекращению финансирования русскими иноками греческой братии монастыря оппозицию удалось подавить. Переломным моментом стала смерть игумена Герасима, наступившая 10 мая 1875 г., на 103-м году жизни. По традиции афонских монастырей, на десятый день после его кончины в обители состоялись выборы нового игумена, при этом на голосование была поставлена кандидатура «нареченного преемника» – отца Макария, под которой подписалась большая часть братии: 406 русских иноков и несколько греков. Перебаллотировка, устроенная 20 июля 1875 г. по распоряжению патриарха Иоакима II в присутствии специально посланных в обитель экзархов и уполномоченных, только закрепила результат: за архимандрита Макария высказались 415 человек, против – 118 человек. 15 октября Иоаким II утвердил Макария игуменом и укрепил за монастырем уже существовавшее наименование «Русский». Недовольным грекам было предложено покинуть обитель: 20 человек ушли добровольно, 11 – были высланы. В ноябре 1875 г. Константинопольский патриарх издал особую разрешительную грамоту, в которой отпустил братии монастыря все грехи, совершенные за весь период греко-русской распри [10, с. 360–365; 15, с. 92–94; 5, с. 564–568].

Основание на Кавказе Ново-Афонского монастыря

В то же время, желая подстраховать русских афонцев на случай возникновения у них новых конфликтов с греками и появления реальной опасности быть все же удаленными со Святой Горы, старцы Макарий и Иероним обратились к Н. П. Игнатьеву с просьбой помочь им основать на Кавказе, под «кровом России», филиальное отделение Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. По мнению старцев-основателей, новая обитель должна была стать не только «убежищем для братства в случае смут на Востоке», но также центром духовного просвещения края (при монастыре планировалось открыть школу для абхазских мальчиков) [10, с. 593–594].

8 февраля 1875 г. Игнатьев направил Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу соответствующее ходатайство, подчеркнув при этом, что речь идет лишь о предоставлении монастырю необходимой земли, без каких бы то ни было денежных пособий (новую обитель предполагалось основать на средства Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне) [2, д. 55, л. 1–2]. В июне 1875 г. Н. П. Игнатьев и обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой были уведомлены о дозволении великого князя Михаила Николаевича приехать на Кавказ трем инокам Свято-Пантелеимонова монастыря «с целью осмотра и выбора местности для основания скита афонскими подвижниками». Местное начальство должно было указать им участки в Абхазии, которые могли быть отведены для обители [2, д. 55, л. 6–7; 10, с. 597].

25 августа 1875 г. представители Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне – иеромонах Арсений (Минин), монах Агапий (Полубояринов) и рясофорный монах Иоанн (Чернояров) – прибыли в Сухум. Вскоре они выбрали для новой обители место на расстоянии около 20 верст от Сухума, близ горы с развалинами древней крепости Анакопия, при древнем полуразрушенном храме во имя Св. апостола Симона Кананита, где, по преданию, он был погребен. В декабре 1875 г. им было отведено 327 десятин земли под усадьбу и угоды, а также особый участок строевого леса [11, с. 106–107; 10, с. 598]. 10 декабря 1875 г. отец Арсений, имевший по монастырской доверенности широкие полномочия для основания новой обители, получил уведомление о соизволении Кавказского наместника на устроение «в Сухумском отделе монастыря под наименованием Ново-Афонского Симоно-Кананитского» [10, с. 599].

Менее чем через год, к октябрю 1876 г., были возведены небольшая каменная церковь, двухэтажный братский корпус с келиями, школа

(установлен пансион на 20 воспитанников), хозяйственные постройки. По свидетельству очевидцев, «число желавших поступить в школу и в мастерскую для обучения ремеслам значительно превышало то число, какое предполагалось поместить в них при начале постройки» [10, с. 603]. Церковь была освящена 17 октября 1876 г. в честь Покрова Пресвятой Богородицы, иконы для ее иконостаса были написаны в мастерской Свято-Пантелеимонова монастыря переходным афонским письмом, богослужения совершались по Афонскому уставу.

Ново-Афонский монастырь во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Дальнейшее устройство Ново-Афонского монастыря временно приостановила Русско-турецкая война 1877–1878 гг., ставшая для него тяжелым испытанием. В конце апреля – начале мая 1877 г. обитель была разорена и сожжена высадившимися на побережье близ Сухума турками, к которым присоединились также восставшие абхазцы. Что касается монахов, то почти все они еще в конце ноября 1876 г. по распоряжению властей выехали в Кутаисскую губернию, где на время военных действий разместились в Гелатском Богородичном монастыре. В обители вплоть до объявления войны оставались иеромонах Иерон и монах Иоанн, затем и они покинули ее: первый сразу присоединился к братии, а второй задержался в Сухуме, откуда уехал лишь при отступлении из-под города русского отряда под командованием генерал-майора П. П. Кравченко. При этом отцу Иоанну удалось спасти небольшое количество монастырских ценностей, в том числе храмовую икону Покрова Пресвятой Богородицы. 7 из 14 человек братии Ново-Афонского монастыря, уже находясь в Кутаисе, по предложению управляющего братством иеромонаха Арсения, на время войны поступили в распоряжение Кавказского управления Общества попечения о раненых и больных воинах с сохранением содержания от обители. Они прошли курс обучения в Кутаисском военном госпитале, а затем с 28 октября 1877 г. по 8 сентября 1878 г. работали в Тифлисском военном госпитале, администрация которого засвидетельствовала их «беспримерное усердие», «любовь к делу», «громадные услуги больным и помощь госпитальному персоналу» [14, с. 185–192; 11, с. 106–122].

После окончания войны монахи вернулись в Абхазию и восстановили разоренные постройки своей обители. 7 марта 1879 г. старцы Макарий и Иероним сообщили Н. П. Игнатьеву: «На Кавказе возобновле-

на на том же месте постройка с церковью, которая тоже освящена²; там находятся теперь двенадцать человек братии» [7, с.222]. В начале 1880-х гг. началось строительство так называемого «верхнего монастыря» – зданий на горе. В прибрежной части было решено оставить главным образом хозяйственные службы и все заведения, связанные с общественным служением обители, а новые храмы и основные братские корпуса построить выше.

31 мая 1879 г. Ново-Афонский монастырь посетили великие князья Константин Николаевич и Константин Константинович, которые остались довольны всем увиденным и пожелали монахам успеха. В дальнейшем в кавказской обители побывали многие представители царствующего дома, в том числе император Александр III. 24 сентября 1888 г. государь лично поучаствовал в заложении соборного храма Св. Пантелеимона, в чем монахи увидели знак особой милости Божией.

Новый духовный центр на Юге России

8 декабря 1879 г. император Александр II утвердил постановление Святейшего Синода «Об учреждении мужского Ново-Афонского монастыря в Сухумском отделе Закавказского края». В основу этого постановления были положены сформулированные старцами Руссика основания, главная мысль которых заключалась в том, чтобы обеспечить не только неразрывную связь новой обители с монастырем Св. Пантелеимона на Афоне, но также исключительные права на нее русской братии этого монастыря. «Монастырь наш содержится, собственно, щедротами России, – писали отцы Макарий и Иероним, – и кавказская наша обитель устрояется тоже на средства русские и с целью деятельности на пользу русских и в России... Ввиду всего этого не представляется никакого основания и никакой нужды примешивать в деятельность кавказской нашей обители находящихся в монастыре нашем греков... Это, впрочем, не то означает, что монастырь наш никогда и никого не будет допускать в кавказскую обитель, кроме только русских... Цель такого нашего ограничения есть отнятие поводов к неуместным и ненужным разным толкованиям со стороны греческой нашей братии» [10, с.608].

Основные положения упомянутого правительственного распоряжения от 8 декабря 1879 г. заключались в следующем: 1) Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь открывается как отрасль Афонского

² *Освящение церкви Покрова Пресвятой Богородицы состоялось 3 февраля 1879 г.*

Свято-Пантелеимонова монастыря и соблюдает общежительный устав афонских монастырей; 2) новая обитель «подлежит в отношении поведения ее братии наблюдению местного епархиального начальства и Святейшего Синода, а в отношении внутреннего ее строя и хозяйственной части» «действует по указанию и распоряжению Свято-Пантелеимонова монастыря», в зависимости от которого состоит; 3) настоятель новой обители избирается в первый раз из русского братства Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, в последующее время – из братии Свято-Пантелеимонова или Симоно-Кананитского монастырей; избранный настоятель утверждается Святейшим Синодом; 4) в новой обители первоначально должно состоять монашествующих до 50 человек, впоследствии, по мере необходимости и средств монастыря, их число может быть увеличено; 5) «монашеская братия в состав новой обители определяется Пантелеионовским монастырем исключительно из русского его братства»; 6) назначаемые из Свято-Пантелеимонова монастыря в новую обитель монашествующие лица, а также командируемые туда по монастырским надобностям снабжаются паспортами и видами на проезд российским посольством в Константинополе без предварительных сношений об этом со Святейшим Синодом; 7) земля, предназначенная для обеспечения содержания новой обители и школы при ней, а также все движимые и недвижимые имущества и денежные капиталы, какие могут быть в ее пользу завещаны, пожертвованы или приобретены русским братством Свято-Пантелеимонова монастыря независимо от средств последнего, должны составлять неотъемлемое достояние обители и не могут требоваться, обращаться и отчуждаться во владение или в собственность Свято-Пантелеимонова монастыря; 8) «в случае смутных обстоятельств на Востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Пантелеимонова монастыря получает убежище в новой обители, как отрасли сего монастыря, обязанной своим началом и образованием усердию его братства, и в таком случае настоятель Пантелеимонова монастыря вступает, с разрешения Святейшего Синода, в управление этой обителью, подчиняясь духовному в империи начальству, на одинаковом с русскими монастырями основании, а настоятель сей последней делается его наместником» [2, д. 55, л. 48–49 об.].

В апреле 1880 г. на Афоне состоялось избрание игумена Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Выборы проходили по жребию из пяти кандидатов, старших иеромонахов. Избран был

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Гравюра Рашевского. 1902 г.

иеромонах Иерон (Носов), который прибыл в Абхазию еще до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и принимал активное участие в возведении построек нового монастыря [7, с. 245]. Он стоял во главе кавказской обители до 1912 г.

Иноки Свято-Пантелеимонова и Симоно-Кананитского монастырей дорожили правами, полученными кавказской обителью, и старались следить за их соблюдением. Например, когда в 1887 г. епископ Сухумский Геннадий (Павлинский) избрал местом своего пребывания Ново-Афонский монастырь, старцы увидели в этом нарушение своих прав и обратились к различным высокопоставленным лицам в надежде избежать нежелательного соседства. Так, 27 января 1887 г. архимандрит Макарий писал Н. П. Игнатьеву: «Для нас теперь, собственно для Ново-Афонской обители, появился довольно крупный затруднительный вопрос – назначенному новому архипастырю на Сухумскую кафедру определено (и будто от Святейшего Синода) иметь местопребывание у нас в кавказской обители, это непредвиденное и неожиданное обстоятельство весьма нас озаботило и затруднило. Неизбежно появятся два разнородные начала в новой обители, к этому потребуются иеромонахи, иеродиаконы, певчие, долженствующие составить

его постоянный штат и ездить за ним по епархии. Тогда как чувствуется недостаток для самой обители в священнослужителях и в певчих, особенно теперь, с присоединением Пицунды³, едва могут удовлетворять благочестивые желания и духовные потребности посетителей-богомольцев; при этом не избежать и столкновений. Крайнее затруднение. Писали кое-кому из могущих, как думаем, оградить нас от сего отяготительного обстоятельства, не знаю, что Господь пошлет. ...Для видимости Вашего Сиятельства имею честь приложить к сему письму копию с постановления Святейшего Синода, высочайше утвержденного, о правах, при которых основана была наша Ново-Афонская кавказская обитель. Для нас весьма показалось неожиданным, что эти права, долженствовавшие пребыть, как думаем, в своей силе навсегда, вдруг хотят настолько изменить, и в таком непродолжительном времени...» [7, с. 361–362]. Следует отметить, что на этот раз старания старцев успехом не увенчались: епископ Сухумский Геннадий проживал в Ново-Афонском монастыре вплоть до своей кончины, наступившей 31 марта 1889 г., и был похоронен в церкви Св. апостола Симона Кананита.

К концу XIX – началу XX в. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь стал одной из известнейших и крупнейших обителей в Российской империи. В это время в монастыре было уже несколько храмов: Покрова Пресвятой Богородицы (освящен в 1876 г., возобновлен в 1879 г.) с приделом во имя Св. архистратига Михаила (освящен в 1883 г.); Св. апостола Симона Кананита (древний, возобновлен и освящен в 1882 г.); Вознесения Господня (освящен в 1894 г.); Св. великомученика Пантелеимона (соборный, заложен в 1888 г., освящен в 1900 г.) с приделами Св. Александра Невского, Св. Николая Чудотворца, Св. Марии Магдалины и Св. великомученика Георгия Победоносца. По четырем углам, образуемым братскими корпусами, построенными по афонскому обычаю в виде обширного замкнутого четырехугольника, были возведены параклисы (часовни), которые часто называют храмами: Св. апостола Андрея Первозванного (освящен в 1895 г.), во имя всех Афонских преподобных святых (освящен в 1896 г.), во имя мученика Иерона (освящен в 1906 г.) и в честь иконы Божией Матери «Избавительница» (освящен в 1909 г.). Монастырь имел многочисленные хозяйственные учреждения: мельницу, хлебопекарню, лесопильню, каменоломню, три завода (кирпичный,

³ В 1885 г. к Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю был приписан Пицундский Успенский мужской скит с древним храмом времен императора Юстиниана (VI в.).

кожевенный и алебастровый), скотный двор, водокачку, несколько мастерских (кузнечную, слесарную, сапожную и др.), ботанический сад с оранжереей. При обители действовали гостиница для богомольцев, больница с аптекой для братии, книжная и иконная лавки, упоминавшаяся выше школа с общежитием для мальчиков. К монастырской пристани регулярно прибывали паломники. В обители проживали более 500 насельников [8, с. 368–369; 10, с. 619].

Менее чем за четверть века Ново-Афонская обитель стала духовным и культурным центром Кавказа. В 1885 г. главноначальствующий Кавказской администрацией князь А.М.Дондуков-Корсаков писал обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву: «Дикое и неприступное ущелье... обращено заботами и трудами русских монахов, пришедших с Афона, в культурный оазис, из которого свет христианства разливается в Абхазии... Доброе влияние, которое колонизаторы-монахи имели на окрестное население, подавая ему пример трудолюбия и скромной жизни, великая польза, принесенная устроенной монастырем школой... вся деятельность монахов в пустынном крае – все это доказывает, что они свято соблюдают свои обязанности» [10, с. 632]. В 1899 г. К.П.Победоносцев отмечал в своем всеподданнейшем отчете: «Грузия, знаменитая в древнее время и своими святынями, и богатством монастырей своих, совсем оскудела в течение времени от частых разорений монастырями и монашеством. Лишь в последнее время усердием русских православных людей и заботами епархиальной власти основаны в Грузинском Экзархате монастырские учреждения, деятельно способствующие и к возвышению религиозного духа в населении, и к умножению обучения и духовного просвещения, и к учреждению образцовых хозяйств и разработке естественных богатств кавказской природы. Таковы, между прочими, обитель Нового Афона в Сухумской епархии и учрежденный в недавнее время в Кахетии женский монастырь на древней гробнице св.Нины» [4, с. 91].

Таким образом, греко-русский конфликт на Афоне первой половины 1870-х гг. был обусловлен как обострением ряда противоречий между разными этническими общинами Свято-Пантелеимонова монастыря, так и общим подъемом в греческой среде антиславянских и антирусских настроений, вызванных, в частности, «молчаливым отказом» российского Святейшего Синода поддержать решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы, и секвестром, наложенным недовольным этим решением Александром II на доходы Восточных Патриархатов с бессарабских имений

их монастырей. Определенную роль в разжигание конфликта внесла и британская дипломатия, пытавшаяся ослабить влияние России на Балканах и Ближнем Востоке. Тем не менее благодаря действиям Н. П. Игнатьева и стечению ряда обстоятельств России удалось укрепить свои позиции на Афоне, сохранить целостность Русского Свято-Пантелеимонова монастыря и уклониться от разрыва с Константинопольским Патриархатом. Одним из итогов «греко-русского Пантелеимоновского процесса» стало появление на Кавказе «отрасли» Руссика – Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, ставшего крупным духовным центром на Юге России.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 45. Отд. 2. Ст. 3.
3. Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И. Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019. 608 с.
4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб.: Синод. тип., 1899. 279, 83 с.
5. Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне (серия «Русский Афон XIX–XX веков». Т. 12). Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2016. 697 с.
6. Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Изд. подг. О. В. Анисимов, К. А. Вах; отв. ред. П. В. Стегний. М.: Индрик, 2015. 840 с.
7. Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2: Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афоне. 1864–1907 гг. / Автор-сост. К. Вах; науч. ред. и автор коммент. диакон П. Пахомов. М.: Индрик, 2018. 645 с.
8. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и в 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М.: изд. А. Д. Ступина, 1908. 984 с.
9. Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). СПб.: тип. С. Добродеева, 1895. 422 с.
10. История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX веков». Т. 5). Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. 802 с.

11. [Леонид (Кавелин), архим.] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. М.: тип. В. Ф. Рихтер, 1885. 143 с.
12. Мельникова Л.В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х – 1870-х гг. // Российская история. 2018. №6. С. 147–161.
13. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Издательский центр «Воевода»; Кучково поле, 2020. 400 с.
14. Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. 2-е изд. М.: Подворье Русского на Афоне Св.-Пантелеимонова монастыря в Москве, 2009. 327 с.
15. Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М. История русского Афона. М.: Индрик, 2016. 463 с.

Татьяна Филиппова

«КОНЕЦ ПРИШЕЛ ГАРЕМУ...»

«ГЕНДЕРНЫЕ» ОБРАЗЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КРИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

РОССИЯ В МИРЕ

УДК

94

Статья посвящена анализу сатирических образов Турции в отечественной сатирической журналистике начала XX века, в эпоху, когда традиционные империи Романовых и Османов переживали острый социально-политический кризис, связанный с процессами ускоренной модернизации государственного устройства. На базе нарративных и изобразительных материалов ведущих сатирических изданий своего времени автор выявляет интересный феномен: критика российскими журналистами-сатириками «обновления по-османски» становится своего рода «зеркалом» восприятия и оценки внутривнутриполитической ситуации в Российской империи в начале столетия войн и революций. «Гендерные» образы в сатирической трактовке Турции в этом контексте представляют особую «ориенталистскую» специфику критических риторик в адрес «южного соседа».

The article deals with the analysis of the satirical images of Turkey in Russian satirical journals at the beginning of the XXth century, in the epoch when the Romanovs and Ottoman empires suffered of the acute social and political crises connected with the process of rapid state modernization. On the base of narrative and visual sources of the leading satirical magazines of that time the author discovers an interesting phenomenon: Russian satirical journalist's criticism on the "Ottoman renewal" became a kind of mirror for the perception and estimation of the entire situation in Russian empire on the eve of the century of wars and revolutions. The "gender" images in the satirical interpretation of Turkey in this context demonstrate an "orientalist" specificity of the critical rhetorics in the address of the "Southern neighbor".

Ключевые слова: Османская империя; младотурецкая революция; Абдул Хамид II; сатирическая журналистика; журнал «Сатирикон»; журнал «Шут»; журнал «Осколки»; гендерные риторикки.

Key words: Osman Empire; Young Turk revolution; Abdul Hamid II; satirical journals; "The Satirikon" magazine; "The Joker" magazine; "The Splits" magazine; gender rhetorics.

E-mail: filipova2006@yandex.ru

*По цивилизации мы
должны быть европейцами,
по культуре – турками.*

Зия Гекалп, идеолог турецкого
обновления начала XX века

«Обновление по-османски»

Гендерная риторика и стилистика образов Востока в русской журнальной сатире начала XX века особо ярко и показательно проявлялась

в отношении проблематики Османской империи на закате ее существования. Бурные события Младотурецкой революции 1908–1909 годов и революционно-реформаторские преобразования младотурок обусловили пристальное внимание отечественных политиков, государственных деятелей и журналистов к внутривнутриполитическим процессам в некогда «Блистательной Порте». Ситуация в Турции стала поставщиком популярнейших сюжетов для русской журнальной сатиры в целом и политической карикатуры – в частности. Что не удивительно. Османская империя – южный сосед и традиционный геополитический соперник Российской империи – выступала в историко-культурной памяти российского общества как привычный (возможно, главный) образ/символ зарубежного Востока. В эпоху стремительного развития средств массовой информации она не могла не стать популярным медийным «продуктом» журналистских интерпретаций на страницах российской сатирической печати, переживавшей в начале XX столетия особый творческий подъем [11].

Безусловно, Восток в целом и Турция в частности в подобных сатирических трактовках оказывались не столько объектом непредвзятого анализа, сколько обобщенным политико-культурным дискурсом, примером попыток приобщения Азии к достижениям европейской цивилизации. Постараемся на материале наиболее профессиональных и популярных в русском обществе сатирических изданий своего времени¹ выявить характер, особенности и мотивацию «женской», гендерной трактовки и соответствующей визуализации образов Турции эпохи модернизации, связанной с событиями Младотурецкой революции.

¹ Автор опирается главным образом на публикации в сатирических журналах-еженедельниках «Шут», «Стрекоза», «Сатирикон», наиболее популярных в тогдашнем российском обществе, отличавшихся умеренным свободомыслием и широко распространявшихся не только в столицах империи, но и в провинции.

Исследователи не раз отмечали внутреннюю противоречивость «мужского» восприятия «восточной женщины» как социокультурного стереотипа (причем и в России, и на Западе), что проявлялось в несколько парадоксальном сочетании представлений о ее особом, «активном» эротизме с расхожей версией о ее забитости и безгласности. Гарем в этом контексте выступал наиболее интригующим объектом для интерпретаций положения восточной женщины. Западный автор отмечает в связи с этим, что на протяжении длительного времени «черные евнухи и белые жены христианских дипломатов оставались для Европы двумя главными источниками сведений о турецких гаремах, пока те не начали исчезать на рубеже XIX–XX вв.» [5, с.83]. Отмечая подобный дефицит надежных сведений о реальном положении и роли женщин на Востоке, проницательный Селим Челеби высказал любопытное предположение: «Прекрасные воительницы, поэтессы, правительницы населяют страны арабского, тюркского, персидского эпоса столь обильно, что приходит в голову крамольная мысль – мужчины Запада не переводили восточные сказания о мудрых и прекрасных женщинах вовсе, либо делали это явно недостаточно» [17, с.47].

Социокультурный и историко-психологический подтекст подсознательных мужских интенций, мотивирующий противоречивую, зачастую мифологизированную трактовку этой темы, предопределил высокую эмоциональную насыщенность соответствующих образов в их гендерном исполнении, а также их «пограничное» бытование как в «серьезных», так и в сатирических проявлениях – между трагедией и фарсом, высоким драматизмом и низким глумлением. Безусловно, в данном случае речь пойдет не столько о трактовке положения женщины в мусульманском мире, сколько об идейном «конструкте» ее образа как символа «подчиненного» положения в обществе, а также о «женщине» как обобщенном символе Востока в его «неравноправных» (в духе трактовок Эдварда Саида) отношениях с миром Запада.

Первые же проявления младотурецких реформ в Турции (1907–1908), так долго воспринимавшейся в России и мире как государство – синоним восточной отсталости и азиатской косности, вызвали целую лавину публикаций о том, что сатирические журналы назвали «обновлением по-османски». Эта ситуация еще раз подтвердила важную психосоциальную особенность восприятия «другого» («чужого», «иного»): его образ – это всегда в значительной степени «автопортрет», пусть и с другим оценочным знаком [11, с.16–18; 25, с.91; 26, с.89]. Ведь новая динамика политических перемен на Босфоре примечательно совпала с ускоренны-

ми процессами модернизации в России – политико-государственными и социально-экономическими преобразованиями под влиянием Первой русской революции и столыпинской программы реформ. Интеллектуальное, политико-культурное освоение этих новаций (в том числе и на чужом опыте) было одной из задач печати, в том числе и сатирической.

Острый интерес и повышенное внимание к ситуации в Турции, стартовав с началом младотурецких преобразований, развивались и дальше – на опасном фоне «Боснийского кризиса» 1908 года, региональных войн (Итало-турецкой 1911–1912 годов, Первой и Второй Балканских войн 1912–1913 годов) и первых признаков приближения глобального конфликта – Первой мировой войны. Общность проблем развития традиционных империй в начале XX века, связавшая в тугой узел такие явления, как война, внутренний кризис, революция и внешняя угроза, закономерно привлекла внимание российской печати и общества к турецкому политико-государственному опыту.

Положение Османской империи в контексте мировых процессов, предопределившее неизбежность младотурецких преобразований, британский исследователь-империолог Доминик Ливен характеризует следующим образом: «Все проблемы, досаждающие другим империям, присутствовали здесь в гипертрофированной форме. Если правитель какой-либо тогдашней империи хотел представить кошмарные последствия для своей державы в будущем, ему достаточно было только взглянуть на Османскую империю. Каждая империя опасалась ослабления своего могущества, потери территорий, неспособности конкурировать с иностранными державами и последующей утраты контроля над национальными меньшинствами, но нигде этот процесс не зашел так далеко, как в Османской империи» [7, с.262–263].

Начало XX века с особой наглядностью подтвердило традиционную репутацию этого государства как «больного человека», оказавшегося в новых обстоятельствах не готовым учитывать реалии международной и внутривнутриполитической жизни [15, с.212–214]. Верховная власть «Блистательной Порты» так и не смогла изменить формат отношений между центральной властью, местными элитами, подданными иных конфессий и архаичным аппаратом управления империей [9, с.244; 7, 252–254], что привело страну в состояние хронического кризиса.

Несмотря на настроения многих современников, живших в ожидании перемен и негативно оценивавших «плоды» тридцатилетнего правления стареющего султана Абдул Хаида II, ряд исследователей все же отмечают позитивные элементы той эпохи, из которых подспудно формиро-

вались основы будущих преобразований. Так, оценивая личность и дела султана, по привычке воспринимавшиеся как традиционное воплощение репрессивной османской политики, западный исследователь обращает внимание на то, что «абдулхамидовский деспотизм породил удивительный парадокс. Антилиберальный и brutальный в своих методах, Абдул Хамид тем не менее открыл путь более либеральному будущему Турции. Фундамент был заложен, сцена подготовлена, действующие лица обучены» [22, с.581].

Исследователь А. Т. Сибгатуллина на основании османских мемуарных источников упоминает такие позитивные черты личности Абдул Хамида, как «дисциплина в организации дел и распорядке дня, глубокая вера и богобоязненность, терпеливость и щедрость, любовь к детям, смелость и хладнокровие, ответственность за страну и за близких», а также приводит любопытную деталь, придающую интересный ракурс теме нашей работы: «Султан Абдул Хамид стал первым правителем, которого современники-турки запечатлели в карикатурах» [16, с.43].

Дух перемен витал в воздухе, которым дышала интеллектуальная элита позднесманской Турции. Очередной парадокс позднесманской истории: младотурки, готовившие свой приход к власти под лозунгами «Единения и Прогресса», сами были детищем абдулхамидовской политики в области образования и военной подготовки. Их революционное выступление в июле 1908 года, принуждение султана восстановить действие конституции 1876 года, созыв парламента, попытка контрпереворота в апреле 1909 года, низложение старого султана и парламентские выборы нового, безвольного Мехмеда V обозначили событийную канву «обновления по-османски». Этот динамичный и одновременно противоречивый процесс своеобразно отразился в творчестве российских журналистов-сатириков, позволяя читателям проводить аналогии с не менее противоречивыми обстоятельствами первого конституционно-парламентского опыта в собственной стране.

Впрочем, пределы младотурецких преобразований, как и любого реформаторского курса, не затрагивавшего в полной мере фундаментальные устои империи, были вскоре в полной мере осознаны в России и отражены в печати². Российские сатирические издания, не раз испы-

² От внимания российских журналистов не ускользнул факт: перемены в отношении режима к собственной печати, поначалу объединившей защитников преобразований, в дальнейшем имели иную направленность. Если в 1910 году в Османской империи выходило 130 периодических изданий, то к началу Первой мировой войны их осталось 70, а в 1915 году – всего 6. Исследователь отмечает, что к 1914 году «уцелели только оффициозы младотурецкой партии "Единение и Прогресс", служившие целям пропаганды

тывавшие на себе (так же, как и турецкие) приливы и отливы цензурных послаблений со стороны государства, по горячим следам событий в Стамбуле начали формировать сатирические образы новой власти, неизменно находя повод для юмористической трактовки «дел турецких». И реформаторские начинания новых властей, и закат власти некогда грозных османских султанов все чаще попадают на главные страницы российских сатирических журналов.

Рис. 1

«Конституционная Венера»

В этом смысле показателен обложечный рисунок под названием «Рождение новой конституционной Венеры из вод Босфора» в журнале «Сатирикон», этом признанном лидере отечественной сатирической печати. Маленькая, жалкая фигурка Абдул Хамида II на фоне султанского

агрессии, шовинизма и религиозного фанатизма». Разумеется, не пережила политического курса стремительно правящих реформаторов и турецкая сатирическая печать, робко заявившая о себе в предшествовавшую эпоху [13, с.91–92].

дворца демонстрирует чувства растерянности и опасения: перед султаном величественно и надменно встает из вод Босфора женская аллегорическая фигура в античном хитоне и во фригийском колпаке, этой устойчивой эмблеме революции и освобождения. Старенький, тщедушный правитель не без испуга размышляет по поводу этого угрожающего «явления»: «Вот единственная женщина, которую я не желал бы видеть в своем гареме» [2, 1908, №186 обложка].

Примечательно, что карикатура несколько предвосхищала события, отражая реальность ситуации весны 1908 года, когда младотурки еще только стремились к власти, а их активность была сосредоточена главным образом в Салониках, откуда они распространяли идеи конституции и представительного правления, резко критикуя султанскую власть в целом и Абдул Хамида II – в частности.

Как здесь, так и далее сюжетным центром многочисленных интерпретаций исследуемой темы в сатирической журналистике становился именно гарем, институт, сконцентрировавший для западного восприятия наиболее явные признаки чуждости, инаковости (если не сказать порочности) восточной семейной жизни и общественного устройства в целом [18, с.53]. Зададимся вопросом: как, с помощью каких медийных стратегий социокультурные образы из сферы интимной жизни осман превращались в инструменты сатирической критики Турции и ее политического режима на очередном витке модернизации, связанном с приходом к власти младотурецкой партии «Единения и Прогресса» и с началом фундаментального реформирования государственного уклада.

Эндрю Уэткиффт, автор монографии со знаковым названием «Неверные. История конфликта между Христианством и Исламом», упоминает о широко распространенном стереотипе «нравственной ущербности» Востока (в данном случае – турецко-османского) как о само собой разумеющейся черте его восприятия Западом. «Представление о том, что турецкая и мусульманская добродетель были оттеснены на задний план пороком, имеет глубокие корни. В пьесах, новеллах и поэмах на протяжении всего XVIII и начала XIX веков мусульманский мир, обычно изображаемый как мир турок, стал своего рода ключевой точкой для изображения разнузданной страсти или изощренной жестокости» [24, с.238].

Своего «восточного соблазна» в форме изрядной мифологизации темы не избежало и русское общество, несмотря на то, что имело, как говорится, «под боком» свой собственный, конкретный Восток, деловито осваиваемый Империей отнюдь не в романтических тонах. Наиболее популярны были «заемные» с Запада образы и образцы, особенно –

по части визуальной репрезентации восточной экзотики. Изображения обитательниц сералей кисти Энгра и Брюллова на стенах кабинетов (вплетенную с турецкими коврами и ятаганами) услаждали взоры строгих чиновников, эстетствующих помещиков и богатеющих купцов, заочно приобщая просвещенных обитателей гиперборейских просторов к волнующей неге турецких бань и запретным радостям гаремов...

Меж тем, хорошо известный в России XIX века путешественник и писатель Жерар де Нерваль отмечал на опыте своих восточных путешествий, что «все происходит здесь (в гареме. – Т.Ф.) гораздо проще, чем это рисуется извращенному воображению европейцев. Количество жен у турок подчинено идее продолжения рода. Турецкое население очень ослабло в результате войн в прошлом веке. Отвага погубила этих людей, как это случалось с франкскими народами в средние века» [8, с.414].

Предписания Корана в сочетании с повседневной практикой основанного на шариате османского общества создали сложную систему семейно-брачных отношений, в которых строго регламентированное многоженство мотивировалось древними историческими и социокультурными традициями, а также актуальными задачами выживания социума на определенных стадиях его развития. Эти обстоятельства, понятные профессиональным исследователям мусульманского Востока, ускользали от обыденного восприятия этого социального феномена³, тревожившего воображение обывателя и порождавшего волнующие мифы о нравах «сладолюбивых турок»...⁴

Впрочем, обладавшие культурной интуицией путешественники отмечали не только социальную обусловленность институционализации многоженства, но и особую природу этики в отношении полов, присущую миру исламской цивилизации. «Их верования и обычаи настолько отличны от наших, что мы часто можем судить о них, исходя только из наших представлений об испорченности нравов. Достаточно сказать, что мусульманский закон не считает грехом чувственность; напротив, она необходима для существования этого южного населения, которое

³Близкий, избранный круг женщин (кадын) со статусом – социальным, но не юридическим – жен султана был всегда немногочислен [21, с. 2]. Количество жен с этим статусом колебалось от четырех до восьми [23, с. 65].

⁴На ином конкретно-историческом материале, но в сходной исследовательской «оптике» С. С. Аверинцев комментирует ситуацию критики и неприятия подобных инокультурных и иноконфессиональных нравов христианским Западом: «Западная традиция скорее допускала отсутствие стыдливости в материях плотских, чем духовных; скорее «Декамерон», чем тантризм» [12, с. 39].

много раз косили чума и войны, – писал тот же Жерар де Нерваль. – Но при этом отношения мусульман к своим женам вопреки сладостным картинам, созданным нашими писателями восемнадцатого века, полны достоинства и даже целомудрия» [8, с.414].

Опора на османские источники и ряд западных свидетельств [5, с.89–90] позволяет увидеть еще один ракурс проблемы, поскольку, «несмотря на все строгости в отношении секса, неожиданно выясняется, что в социальном поведении османов существовало достаточно терпимости, смягчавшей строгие предписания ислама. Возможно, толерантность пришла из дворца, со двора султанов, которые, будучи пресыщены всеми чувственными удовольствиями, могли держать свои бдящие очи открытыми лишь наполовину» [5, с.89].

Этот аспект темы, связанный с исторической реальностью существования главного – султанского – гарема (едва ли не важнейшего из «министерств» при дворе османского правителя прошлых столетий), возвращает нас к основному объекту – сатирическому образу «турка» как *иногочуждого-врага* на страницах российской печати. Конечно же, реальный султанский гарем как «цивилизационный системообразующий фактор, по крайней мере, регионального уровня» [17, с.47], был весьма далек от того карикатурного, довольно забавного воплощения «восточного сладострастия», каковым он предстал на страницах отечественных сатирических изданий.

Джеймс Клуг рисует совершенно иной образ этого социального института: «Если не во всех деталях, то в принципе это заведение, должно быть, в значительной степени походило на привилегированную закрытую школу для девочек, какие появились в XX веке в Англии. В таких школах резвые юные ученицы, находившиеся во всех других отношениях под строгим присмотром, прекрасно проводили время и сохраняли о своем пребывании в "альма-матер" самые добрые воспоминания даже в преклонном возрасте. Единственная ощутимая разница, помимо отсутствия евнухов, заключалась в причине, которая привела в сераль всех его обитательниц. В этом заведении их готовили вовсе не к тому, чтобы они стали женами и матерями тех, кто принадлежал к правящей касте, а к тому, чтобы они, время от времени отдаваясь своему повелителю, убажали его как можно более изощренными ласками. Возможно, последняя цель не отражала в соответствии с представлениями, бытовавшими на Западе, такого высокого идеала, как первая; и тем не менее для ее достижения требовалась не менее тщательная подготовка» [5, с.73].

Реалии последнего этапа существования султанского гарема (начало XX века) несколько уточняли заключение Дж.Клуга относительно перспектив воспитания и обучения в нем: определенная категория его обитательниц, получив разностороннее образование, все-таки покидала стены этого заведения в качестве жен сановников и османской знати. Традиционно существовали и другие веские причины, по которым султанский гарем можно было покинуть на законных основаниях⁵.

Тем интереснее постараться выяснить, что именно в этом сколь экзотическом, столь и строго регламентированном институте⁶ более всего забавляло русских сатириков, становясь для журналистов выигрышным способом (или метафорой) для продвижения многочисленных критических клише в трактовке образа государства Османов.

Киоск для султана

Надо отметить, что большинство наиболее популярных русских сатирических изданий начала XX века отдали дань «гаремным» сюжетам в своих карикатурах, фельетонах, стихах и анекдотах, посвященных внутренним проблемам Турции и ее отношениям с Россией и другими соседями по Евразии. Занятно, что одним из первых сатирических откликов на Младотурецкую революцию стала карикатура в одном из майских номеров журнала «Сатирикон». Опечаленный султан, чье портретное сходство с Абдул Хамидом II вполне уловимо, тоскливо смотрит вслед своему гарему, покидающему султанский дворец. Самодовольные, нагруженные вещами одалиски, не без иронии и злорадства поглядывая на бывшего повелителя, удаляются, оставляя позади и султана, и свое прежнее пристанище. Подпись под картинкой поясняет: «Младотурки

⁵ Если в течение девяти лет женщина не была избрана султаном, она имела право покинуть гарем, получив приданое и документ, подписанный султаном, подтверждающий ее статус свободного человека. К тому же дочери султанских жен и одалисок, особый клан и «золотой запас» сераля, могли покинуть его, став женами важных сановников. А те, в свою очередь, обретали почетное звание дамадов – султанских зятьев [14, с. 43].

⁶ Джеймс Клуг со всей определенностью утверждал, что «представление о гаремах, господствовавшее в Европе вплоть до начала XX в., неизменно связывалось с образом сладострастного старого распутника, развлекающегося среди сотен полуобнаженных юных дев. Для Турции такая сцена являлась гораздо большей редкостью, чем для Италии периода Возрождения или для крепостнической России XIX в. Турки, как правило, имеют гораздо более серьезные взгляды на жизнь, чем, скажем, египтяне или арабы. Несмотря на то, что турецкие гаремы так часто фигурировали в европейской художественной литературе, живописи и балете, факты говорят о другом. Турки всерьез заинтересовались гаремами после того, как овладели Константинополем и увидели, что этот институт пользовался большой популярностью у византийских христиан» [5, с. 79].

потребовали от султана распущения гарема». Неутешный султан горько сетует на жизнь, комментируя происходящее: «Европеец, потерявши одну жену, горько плачет! Что же делать мне, потерявшему сразу триста жен!!!» [2, 1908, №19, с.4].

Рис. 2

Развернутой метафорой стартовавших в Турции преобразований служит серия карикатур, показывающих, сколь разительно меняется быт султана по мере его «европеизации» под контролем младотурок. Вместо обольстительных гурий – в дымке кальяна, в неге подушек и пышных перин – отныне османского правителя окружают европейские «учительницы», строгие, сухопарые, несимпатичные и немолодые (аллегория плотного и разностороннего присутствия западных держав в Турции начала XX века). В изголовье жесткой кровати некогда грозного султана теперь развешаны младотурецкие плакаты, а в изножии лежит... томик Карла Маркса! [2, 1908, №19, с.8].

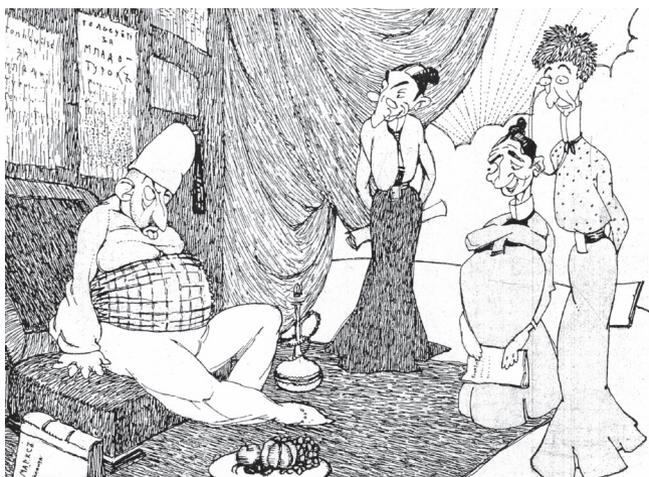

Рис. 3, 4

В разных вариациях этот сюжет был популярен у отечественных сатириков. Причем именно гаремная тема сопрягалась у них с самыми актуальными для османской ситуации темами – кризисом правительственных структур, политическим курсом младотурецкой партии, одиночеством традиционной власти перед лицом надвигающихся перемен. Так, в «Сатириконе» читаем стихотворную реплику под названием «В Турции», простодушно обыгрывающую двойное значение слова *диван*, пришедшего из турецкого языка в русский:

*Бродит понуро султан,
 Весь содрогаясь от страха,
 Тяжко вздыхает: «яман!»
 Молит он жарко Аллаха.
 С ним приуныл и гарем
 (Место, кейфуют где турки):
 В нем не играют совсем
 Гурии с евнухом в жмурки.
 Что ж так печален султан,
 Что же так гурий кручинит?..
 Весь развалился диван...
 Немец – и тот не починит [2, 1908, №3 об. с.3].*

Примечательно, что в связи с *гаремно-диванной* темой здесь появляется образ *немца*; позднее, как увидим, ему предстоит стать постоянным персонажем – символом «маскулинности» – в сатирических публикациях на турецкую тему.

Дежурной шуткой из журнала в журнал переходит обыгрывание еще одного слова – *киоск*, пришедшего в русский язык из турецкого, но приобретшего несколько иное значение. В очередной карикатуре из рубрики «Дела турции» под заголовком «Темрога mutap-tur» изображен турецкий султан, сидящий за прилавком в *киоске*. С грустным видом он продает, судя по надписи на крыше киоска, минеральную воду, покуривая при этом кальян (также устойчивый штамп в визуализации «турецкости»). Как бы извиняясь перед читателем, султан поясняет: «Младотурки теснят меня, отбирая мои доходы. Скоро у меня останется один Ильдиз-Киоск, и с помощью его я буду зарабатывать себе пропитание» [2, 1908, №18, с.16].

Рис. 5

Тогдашнему российскому читателю, более сведущему в реалиях южного соседа, шутка сатириков была понятна. А для нынешнего следует сделать пояснения. В свое время Абдул Хамид II перенес султанскую резиденцию вместе с гаремом из дворца Долмабахче в дворцовый комплекс «Йилдыз» («Звездный»). Он был выполнен в европейском стиле в виде ряда павильонов (*киоски* – по-турецки) и иных сооружений, служивших местами отдохновения для правителя и обитательниц его гарема⁷. Каламбур с обыгрыванием двусмысленности слова *киоск* – место султанских усад, ставшее банальной «торговой точкой» – нацелен был на то, чтобы лишний раз отметить деградацию прежней власти и незавидное положение османского правителя в результате младотурецкого «обновления».

Образы гарема и одалисок в контексте европеизации «по-османски» подхватывает поэт-сатирик, в ритме частушки сообщая читателю не вполне достоверную новость с берегов Босфора:

*Конец пришел гарему, –
Султан рехнулся, знать, –
И будут одалисок
Уж фрейлинами звать!
А евнухи, за штатом,
Чтоб время не терять,
Меняльные конторы
Уж стали открывать* [3, 1909, №44, с.8].

В иных тонах – истерической тревоги и психоза – изображает сатирик, скрывающийся под псевдонимом «Мирза-Али-Селям-Киселям», поведение низложенного османского правителя в фельетоне «Сумасшедший султан среди одалисок». Поясняя то, что и так было хорошо известно тогдашнему читателю – маниакальный страх Абдул Хамида II перед возможностью покушения на его жизнь, автор в своем не слишком ост-

⁷Дж. Круг так описывает особенности этого дворцового комплекса: «Йидыз Сарай, или Звездный дворец, располагался на холмах выше дворца Чираган и не являлся дворцом в обычном смысле, но представлял собой конгломерат киосков и павильонов, разбросанных в близлежащих лесах и садах. В правление Абдул-Гамида II он подвергся коренной реконструкции. На его территории существовали керамические мастерские, мебельная фабрика, швейный цех, театр, библиотека, обсерватория, музей фауны, картинная галерея, госпиталь, клиники, аптека, лесопилка, ветлечебница и даже зверинец. Для детей султана были построены также ясли и школа». Тот же автор уточняет, что после свержения Абдул-Хамида в 1909 году во дворце Йилдыз, «любимой резиденции низложенного султана, новые власти обнаружили 370 женщин и 127 евнухов. Нескольких фавориток Абдул-Гамид взял с собой в Салоники, где он жил в ссылке» [5, с.79–80].

роумном, но показательном фельетоне иронизирует по поводу его привычной фобии, якобы распространившейся даже на отношение к женам и одалискам. Они-то и пытаются (без особого успеха, впрочем) отогнать тревожные мысли от повелителя:

«Одна из них, уже не молодая, но еще пышная и аппетитная на европейский вкус, подсаживается к нему и наклоняется. Султан инстинктивно протягивает вперед руки и нечаянно вскрикивает:

- Бомбы! Бомбы! Сохрани меня, Аллах!
- Великий повелитель, какие бомбы? Это моя преданная грудь, на которой так любила отдыхать твоя мудрая голова...
- Врешь! Зачем у тебя лицо занавешено этою тряпкою?..
- Так повелевает Коран...
- Прочь ее! Ты, может быть не женщина, а закутавшийся в чадру заговорщик...»

Далее действие в гареме разыгрывается с нарастающим драматизмом: следующую наложницу султан подозревает в дурных намерениях, потому что она подползает к нему на животе (как заговорщик, по-пластунски!); еще одну – в том, что в шароварах она прячет кинжал или пистолет; другую – в том, что румяна и сурьма на ее лице наверняка отравлены... Успокаивается сумасшедший султан, лишь когда с помощью евнухов загоняет недоумевающих прелестниц в бассейн, приговаривая:

«– Хорошенько, хорошенько трите! Щетками, щетками!!! А-а! Хотели меня отравить? Врете! Не удастся!..» [1, 1912, №26, с. 5]

Борьба младотурок (впрочем, не вполне последовательная) с наиболее реакционными и архаическими проявлениями абдулхамидовской эпохи неизменно интриговала российских журналистов-сатириков, особенно их интересовала дальнейшая судьба султанского гарема. Сокращение расходов на содержание этого дорогостоящего института, конфискация личных средств низложенного султана в пользу государства и решение превратить султанский дворец Йилдыз в музей часто воспринимались наблюдателями как конец института гарема как такового [19, с.499]. На деле же произошло лишь радикальное сокращение численности его обитательниц⁸, многие из которых, как отмечалось, были успешно выданы замуж или же избрали иную судьбу⁹. Однако сама интерпретация темы оказалась юмо-

⁸ Окончательная ликвидация гарема как института произошла лишь в эпоху преобразований, связанных с именем Кемаля Ататюрка.

⁹ Ноэль Барбер описывает строго регламентированную процедуру возвращения обитательниц султанского гарема своим родственникам, прибывавшим из разных местностей, главным образом, из черкесских селений. «В зале у противоположных сторон восседали дамы из гарема и одетые в традиционную одежду, вооруженные представители горных

ристически столь выигрышной, что прочно и надолго заняла свое место на страницах сатирических изданий – вплоть до Первой мировой войны.

Рис. 6

«Мусульманка без шаровар»

Впрочем, не только султанские гаремные страсти занимали внимание сатириков. Положение рядовых турчанок в условиях реформ, проводившихся младотурками, часто становилось поводом для ироничного сочувствия «прекрасному полу» и едких насмешек в адрес новых вла-

племен. По вежливому, но строгому приглашению представителя младотурецкого правительства женщины одна за другой – кто с протестами, кто с молитвами – впервые в жизни открывали свои лица перед чужими мужчинами, чтобы узнать своих родных, отцов и братьев, или быть ими узнанными. Таким образом семьи воссоединялись, и после слез и прощаний бывшие одалиски, изнеженные от дворцовой жизни существа, отправлялись – кто с облегчением, кто с сожалением – в родные горные селения с их суровым жизненным укладом» [20, с.192]. Сходные взгляды и сведения находим в работе Алив Литлэ Крутье, знавшей «изнутри» турецкий гарем на излете его существования. Известно о существовании шести последних женщин из гарема Абдул Хаида II, которых некому было приютить, поскольку у них не оказалось родственников [6, с.168].

стей. Социальный и культурный смысл младотурецких преобразований (в смысле европеизации общественной и частной жизни турок) вызывал большие сомнения у авторов сатирических изданий, облекаясь в многочисленные фельетоны и карикатуры, стихи.

Так, на страницах журнала «Шут» «Турция» в образе полуобнаженной женщины, уже не юной, но в полном расцвете сил, в ужасе взмахивая руками, покидает бассейн – в ее обнаженные ноги впились многочисленные пиявки-младотурки, сосущие ее кровь [3, 1909, №25, с.8–9].

Журнал «Осколки» в рубрике «Злобы дня восточной жизни» помещают сатирические рассказы-миниатюры под общим заголовком «Целомудрие в конституционной стране». В одном из них, «Мусульманка без шаровар», повествуется о том, как в некоем восточном государстве под названием «Фиговая империя», несмотря на введенную конституцию и новые нормы жизни, власти издали закон, который воспретил мусульманкам перенимать моды европейских женщин. Разумеется, местная администрация не замедлила использовать этот закон в свою пользу...

На улице Стамбула задерживают женщину, одетую в модное узкое платье.

« – Пожалуйте в янычарию!

– За что?

– За государственное преступление! Вы знаете, какой указ издал султан?

– Я его еще не читала...

– Незнанием закона отговариваться нельзя! Пожалуйте в янычарию, там вам его почитают...»

Дальше – больше. В «янычарии» несчастной предлагают тут же снять, вопреки ее возмущению, «неположенное» платье и переодеться в солдатские шаровары, дабы привести «отступницу в правоверное состояние». Обнаружив, сколь соблазнительно мила оказалась нарушительница традиционных правил приличия, главный «янычар», угрожая ей тюрьмой, откровенно намекает, что наказания можно избежать, а заодно избавиться от него и своего мужа (недоглядевшего за нравственностью супруги). Причем легким способом – поцелуем и не только... Получив желаемое, «янычар» отпускает женщину, приказывая, чтобы муж ее, торговец драгоценными камнями, прислал бы ему «десяток крупных янтарей». В ответ на удивление наивной прелестницы: «Это за что же еще?» – представитель новой власти важно и веско отвечает:

«– В виде штрафа. Ведь ты не станешь же ему говорить, что уже купила свой грех... Поэтому он должен знать, что преступления не оста-

ются без наказания, ибо это доказало бы слабость власти» [1, 1912, №30, с.5].

Собственно, ради этой последней фразы с упоминанием «слабости власти» и был, похоже, написан фельетон, полный несурзаиц вроде упоминания «янычар»¹⁰ и «янычарии».

Пресловутые (мифические!) «янычары» в том же качестве полиции нравов фигурируют и во втором фельетоне. Они приходят с обыском в дом (в отсутствие его хозяина) и, застав хозяйку дома одетой подобающим, традиционным образом, на всякий случай учиняют в ее комнате обыск. Обнаружив в шкафу европейскую шляпку и перчатки, старший «янычар» начинает пугать и эту женщину тюрьмой, но готов за поцелуй «и не только» пересмотреть свое решение... Получив желаемое, он призывает своих людей и передает им шляпку и перчатки со строгим поручением:

«— Предайте сии предметы сожжению... Что же касается до этой женщины, то она невиновна! Из моего допроса выяснилось, что шляпка и перчатки принадлежат не ей, а другой женщине, которая успела бежать...» [1, 1912, №30, с.5]

Лицемерие в вопросах веры и традиционных ценностей в сочетании с похотливыми домогательствами и злоупотреблением официальными должностями становятся в русской сатире популярной темой остро в адрес младотурецкого режима, декларирующего свои западнические устремления, но на деле консервирующего прежние нравы и потакающего новым порокам. Женская же тема по-прежнему предоставляет выигрышные поводы для того, чтобы в саркастическом ключе осветить сомнительную, на взгляд сатириков, «европеизацию» Османской империи.

Журналисты исправно муссируют тему турецкого брака как института, неуступчивого веяниям вестернизации. Характерный пример: в одном из сатирических рассказов в журнале «Осколки» прогрессивный юноша Мустафа, до брака либерально настроенный в отношении положения женщин в обществе, после женитьбы запрещает своей жене показывать лицо даже его ближайшему другу. Более того, он выгоняет приятеля из своего дома за то, что тот напоминает ему о его прежних свободолобивых воззрениях на супружество [1, 1913, №4, с.4]. А в другом фельетоне описывается, как модный турецкий литератор прозападного толка горюет оттого, что у него нет средств завести собственный гарем, ибо откуда еще творческой личности взять вдохновение для создания новых, передовых литературных произведений? [1, 1912, №52, с.5] Напомним:

¹⁰ *Институт янычар, ставших в западном восприятии олицетворением «традиционных» турецких жестокостей, был ликвидирован султаном Махмудом II 16 июня 1826 года.*

к этому времени с начала младотурецких преобразований уже прошло пять лет. И новые власти продолжали активно продвигать свой образ принципиальных реформаторов государства и общества.

Очевидно, что «женская» тема на страницах русских сатирических журналов не только служила инструментом критики ситуации, при которой османская элита, по словам исследователя Н. Киреева, «в своем большинстве не видела необходимости замены религиозных правовых основ существования государства, общества и личности на светские» [15, с.214], но и помогала разглядеть коррозию самих реформ, непродуманность их замысла по «заемным» западным лекалам, непоследовательность в деле их осуществления.

**«Рвут меня ухажеры
на части...»**

Отметим еще одну важную особенность «гендерных» приемов в трактовке сатириками турецкой темы в связи с приходом к власти младотурок.

Стратегии визуального воспроизведения образа самой Турции менялись примечательным образом. Если в начале 1908 года в сатирических изданиях государство и страна все еще олицетворялись в образе султана, то послереволюционная реальность отразилась на страницах журналов в образе Турции-женщины. Обобщенный портрет ее можно описать так: молода, миловидна, растеряна, неосмотрительна, встревожена, готова к уступкам и при этом одновременно лукава и опрометчива...

Характерно, что именно чувство растерянности – вплоть до отчаяния – нагнеталось в изображении женской «ипостаси» Турции по мере того, как авторам – писателям, поэтам и художникам – отечественных сатирических изданий становилось все яснее нарастание кризисных явлений в стране при новой власти. Ни низложение абдулхамидовского режима, ни возврат к конституционному правлению, ни расширение прав парламента сами по себе не способны были, как оказалось, эффективно разрешить давно назревшие внутренние проблемы османского государства и общества. Тем более, что, по словам современного исследователя, «младотурецкие лидеры, некогда начертавшие на своих знаменах лозунги свободы и равенства, оказавшись у власти, тут же принялись ограничивать политические права населения», и что, «пожалуй, лишь первые действия младотурок, направленные на ограничение власти султана и ликвидацию влияния дворцовой камарильи, носили прогрессивный характер» [9, с.242]. Нерешенность социальных проблем в масштабах империи, обострение национального вопроса, превращение по-

лиции и жандармерии в основу младотурецкой диктатуры, ужесточение отношения к прессе [9, с.243–244] – все эти отличительные особенности эпохи младотурецкого правления не ускользнули от внимания русских авторов-сатириков, вылившись в потоки карикатур, стихов, фельетонов.

Рис. 7

Особенно характерна была визуализация Турции в женском образе для журнала «Шут» с присущей ему прямолинейностью в трактовке международных тем и сюжетов. Так, осенью 1908 года на его страницах появляется стереотипно-миловидное изображение «Турции» – волоокой восточной красавицы, с отрешенным видом наблюдающей небескорыстные ухаживания иностранных «поклонников» (в данном случае – Австрии и Болгарии). Сокровенные мысли красавицы автор стихов перекладывает на мотив «жесточкого ромansa»:

*Избегать я стремлюся напасти:
Мне не мало пришлось претерпеть, –
Рвут меня ухажеры на части,
Мне и больно, и сладко смотреть...
Очень лестно, конечно, участие,
Но доверить им страшно боюсь:
Обещает мне Австрия счастье.*

*Предлагает мне Серб свой союз.
Но мне чужется, что-то иное
В этой дружбе скрывается тут...
Знаю я, мое тело больное
Все на части они разорвут [3, 1908, №44, с. 5].*

За нарочито наивной надрывностью этих строк проступает геополитическая ситуация на Балканах, лишь обострившаяся в связи с установлением режима младотурок. Тектоника приближающихся войн – Итало-турецкой и двух Балканских – уже угадывалась, грозя империи Османов дальнейшими внешними потерями и внутренними катаклизмами. Любопытно, что в «любовном треугольнике», составляющем композицию карикатуры, художник сочувствует именно *женщине-Турции*, а отнюдь не саркастически изображенным «ухажерам» – самоуверенной, надменной Австрии¹¹ и хитрой Болгарии, нагущивающей аппетит для будущих завоеваний...

Впрочем, параллельно в журнальной сатире существовала и иная трактовка женской темы. Своеобразный ракурс ей придает демонстрация того, что на языке культурной антропологии можно было бы обозначить как смену гендерных ролей в режиме сексуального до-

Рис. 8

¹¹ Не довольствуясь лишь экономическим присутствием в Османской империи (с конца XIX века здесь существовал франко-австро-венгерский Салоникский банк, а в начале XX века появилось отделение Венского банка в Турции, что существенно усилило финансовую зависимость Блистательной Порты от империи Габсбургов), Австро-Венгрия в октябре 1908 года, воспользовавшись младотурецкой революцией, осуществила аннексию Боснии и Герцеговины.

минирования. Так, приход к власти младотурок и торжество конституционного правления изображается на карикатуре в виде странной процессии. На спине старого, согбенного под тяжелой ношей Абдул Хамида II со строгим видом восседает молодая турчанка с надписью «Конституция» на своих одеждах. Приближенные султана пытаются помочь ему выдержать эту нелегкую ношу... А чуть поодаль за всем происходящим со спокойным видом наблюдает бравый, самоуверенный младотурок [3, 1908, №35, обложка].

Ситуацию неустойчивого равновесия между силами младотурок и сторонниками прежнего режима зимой – весной 1909 года журнал изображает как случай на переправе: панически заломившая руки женщина-Турция верхом на лошади (с надписью «Реакция») тонет, все глубже погружаясь в воды революционного потока... [3, 1909, № 16, с. 13].

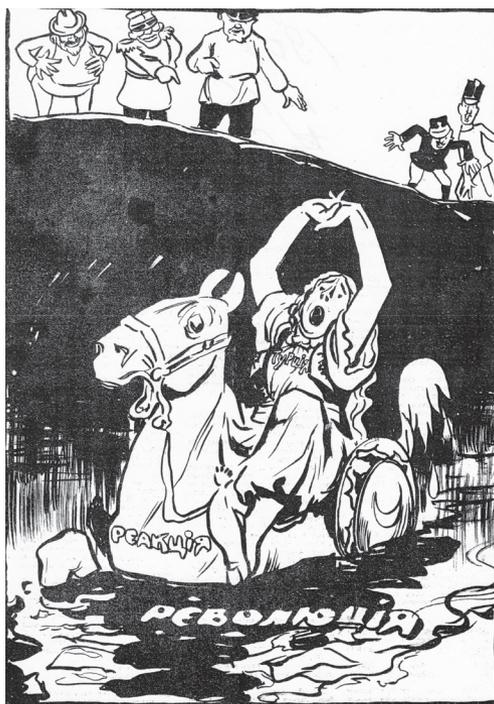

Рис. 9

Рис. 10

Смысловой кульминацией темы служит рисунок, отражающий окончательную победу младотурецкого режима над силами реакции. Карикатурист рисует полуобнаженную (как знак раскрепощенности?) молодую женщину под стягом с надписью «Конституция»: не без кокетливого изящества она попирает ногой павшего ниц падишаха, жалобно взывающего к ней:

– Милая женушка, не будь сурова. Клянусь быть верным тебе до гроба [3, 1909, № 32, с. 5].

«Друг Михель»

Однако, пожалуй, с особой яркостью «женский» образ Турции при младотурках в трактовке русских журналистов-сатириков выступает при обращении к теме турецко-германских отношений, их явно неравноправного, «асимметричного» характера.

Особые отношения Германии с Турцией охотно и не без основания подчеркивало большинство сатирических изданий. Так, в начале осени 1911 года на обложке журнала «Шут» была помещена примечательная карикатура под заголовком «Истинный друг» с пояснением для читателя особенностей внешнеполитической ситуации и связанных с ней опасений, давших сатирику информационный повод:

«Ожидается аннексия Англией Египта и провозглашение независимости Крита. Здесь уверяют даже, что в случае объявления независимости Крита, Греция и Болгария согласно заключенному секретному договору немедленно произведут вторжение в Эпир и Македонию. Ал-

бания провозгласит автономию, а Австрия на основании тайного договора с Францией, Россией и Англией, займет новобазарский Санджак, якобы для охраны албанской автономии».

Сложность понимания всей этой «кухни» большой политики сатирики компенсировали прозрачностью карикатурных намеков. На рисунке – Турция в женском образе, одетая в традиционную одежду, просительльно склоняется перед неряшливым, небритым «Михелем» в ночном колпаке и с трубкой во рту (собирательный образ немецкого бюргера во всей своей неприглядности). Он с досадой отстраняет от себя покорную просительницу, напуганную алчностью государств-соседей, заранее делящих ее территории. Не без издевки сатирик пытается передать и характерный немецкий акцент речи турецкого «покровителя»:

«Турция. Михель! Ты мне истинный друг?

Михель. О! та!..

Турция. И ты сильный? Тебя все боятся?

Михель. О! та!..

Турция. Но почему не крикнешь ты им всем, ведь они меня всю растащат!?..

Михель. Фот клюпий женщин! Как бы я крикнул, если у меня во рту трупка?» [3, 1911, №40, обложка]

Рис. 11

Отметим, что фактор германского присутствия в государстве Османов (в «гендерной» риторике трактовки турецкой темы) точно отражал политическую злобу дня. Формат отношений Германии с Турцией в начале XX века и в самом деле отличался от характера отношений последней с другими европейскими державами и тем более с такими близкими соседями, как растущие национальные государства Балкан. И если страны Антанты по-прежнему разрабатывали планы раздела Османской империи на сферы влияния, то государственные власти и крупный капитал Германии стремились осуществлять свое доминирование в ветшающей империи иным путем. Они вели курс на сохранение целостности Турции, чтобы в нераздельном виде получить этот «почетный приз» в ходе масштабного финансово-экономического и военно-политического проникновения на Ближний Восток.

Этим объясняется тот факт, что после свержения Абдул Хаида германский кайзер Вильгельм II, не раз демонстрировавший личные симпатии к этому султану и его режиму, вынужден был наладить покровительственные (но не бескорыстные) отношения с младотурецкими властями. И даже позволял себе с высокомерной иронией называть Турцию на немецкий манер – «Энверланд», по имени одного из ее новых лидеров, большого германофила Энвер-паши [22, с. 600–604].

Присутствие германских военных советников в высшем командовании турецкой армии, масштабное железнодорожное строительство на Ближнем Востоке, массивное проникновение немецкого капитала в экономику Турции – все эти инструменты геостратегического проникновения Германии наглядно свидетельствовали о том, что «друг Михель» умело манипулировал с пользой для себя внешней незащищенностью и внутренней слабостью «покорной просительницы».

«Женско-гаремная» тема, на некоторое время истощившаяся, снова возвращается на страницы сатирических изданий весной 1913 года под влиянием Балканских войн и их сокрушительных последствий – прежде всего финансовых – для распадающейся державы Османов. «Сатирикон» наглядно обыгрывает финансовый крах турецких властей из-за растущей зависимости от денежных займов у Австро-Венгрии. На рисунке перепуганная одалиска отшатывается от своего уже не слишком властного повелителя, в образе которого без труда угадывается грузный, безвольный султан Мехмед V:

– Милая! У меня столько огорчений – утешь меня, разденься, сбрось эти покровы...

– О, повелитель! Я бы сделала это, но боюсь, что все, что я сниму, ты заложишь австрийцам... [2, 1913, №18, с. 9].

Рис. 12

Апофеозом темы служит талантливо выполненная обложечная карикатура последнего номера «Сатирикона» за 1913 год под названием «Святочный роман на Босфоре». Здесь все наполнено прозрачными намеками – и жалкого вида елка с венчающим ее полумесяцем (вместо рождественской звезды), и могучая фигура германского кайзера с саблей наперевес, и лукаво-покорное лицо «Турции» в образе услужливой одалиски, прикидшей к усатому, бравому немецкому «кавалеру». В его шаржированном изображении легко угадывается германский император Вильгельм II. Талантливый рисунок, выполненный в авангардно-плоскостной стилистике модерна, сопровождаются многозначительными словами лукавой и одновременно жалкой прелестницы:

«Все мои картонажи я уже раздарила... А тебе, милый, я подарю... себя!» [2, 1913, №52, обложка].

Сарказм и досада русских сатириков имели свои основания. Итоги завершившейся почти полгода назад Второй Балканской войны и недавний Албанский кризис еще туже затянули узел нерешенных проблем на Балканах, неминуемо приближая нежелательный для России мировой конфликт. Распад же Балканского союза, случившийся не без деятельного участия Австро-Венгрии и Германии, развеял надежды России на создание консолидированной силы, способной и ослабить Турцию, и предотвратить усиление позиций Габсбургов и Гогенцоллернов в регионе. Этот огорчительный для России исторический момент, сыгравший свою роль в приближении Первой мировой войны, а также предопределивший позицию Турции в ее ходе, и был запечатлен карикатуристом Е. Анненковым в описанном выше рисунке. Империя на Босфоре, волей-неволей вынужденная раздавать соседям свои территории в качестве вынужденных «подарков», с лицемерным энтузиазмом вручала свое стремительно худеющее «тело» в крепкие руки германского империализма...

Рис. 13

Начавшаяся через восемь месяцев Первая мировая война подтвердит опасения российских журналистов.

Тревожный контекст экономической и политической экспансии европейских держав (и более всего – Германии) в Турции драматизировал «женскую» тему в материалах российских сатириков. Он придавал восприятию западного («мужского») доминирования в восточном пространстве критический характер. Запад в лице Германии и Австрии осуждался за продуманную агрессию в регионе, а Турция, напротив, за необдуманное безрассудство – готовность решать свои внутренние проблемы с небескорыстной иностранной помощью.

***

Характерно, что в своих журнальных воплощениях образ «восточной женщины» – султанской одалиски, неверной (и верной) жены, аллегории Турции, метафоры «конституции», жертвы европеизации – трактуется русскими сатириками, как правило, в «страдательном залоге». Этот образ предстает как *объект* вынужденных перемен, как *жертва* внутренних неурядиц, внешней алчности, собственной недальновидности и *западного соблазна*, легко переходящего в откровенное политическое насилие. Так же и сам «Восток», ассоциируемый с «женским» аспектом, выступает в «страдательном залоге» в «ролевых играх» нового века. На место романтическому «восточному соблазну», этому давнему конструкту европейской ориенталистской мысли, приходит соблазн западный – рациональный, жесткий, потребительский...

Похоже, лишь женская хитрость и экзотическое обаяние служат защитой, да и то слабой, этой многоликой «турчанке» перед лицом железной поступи XX века, свидетельствуя об определенном джентльменстве российских сатириков. Неглумливо, с долей сочувствия и понимания отобразили они «женскую» ипостась турецких проблем в эпоху запоздавшего османского «обновления» на фоне западного «мужского» доминирования. Сама же Турция в «оптике» русских сатириков все чаще видится как жертва времени. Времени модернизации, вызовам которой не соответствовали ни возможности, ни способности сторонников преобразований. Примечательные параллели с ситуацией в России, не менее кризисно переживавшей в начале XX века свое социально-политическое обновление, были очевидны и для авторов, и для читателей сатирических изданий.

Чем важна и актуальна для современного исследователя эта тема? Тем, на наш взгляд, что частный культурологический сюжет «женского» воплощения образов Турции в русской журнальной сатире того времени выводит нас на более широкую тему, которую можно формулировать следующим образом: «гендерная» риторика сатирических образов как парафраз специфических проблем модернизации Востока. Впрочем, и не только его.

Рис. Миссь.

Библиографический список

1. «Осколки». Сатирический еженедельник.
2. «Сатирикон». Сатирический еженедельник.
3. «Шут». Сатирический еженедельник.
4. Казиев Ш.М. Повседневная жизнь восточного гарема. М.: Молодая гвардия, 2006. 266 с.
5. Клуг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004. 336 с.
6. Крутье А.Л. Гарем: царство под чадрой. Пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС. 2000. 262 с.
7. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Издательство «Европа». 2007. 688 с.
8. Нерваль Ж. де «Путешествие на Восток». М.: Наука. 1986. 481 с.
9. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука. 1990. 280 с.
10. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир. 2006. 646 с.

11. Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI. 2012. 384 с.
12. Аверинцев С.С. Западно-восточные размышления, или о несходстве сходного // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука. 1988. С.37–40.
13. Желтяков А.Д. Режим печати при младотурках // Проблемы истории Турции. Сб. ст. М.: Наука. 1978. С.82–92.
14. Ильхан А. Гарем // Восточная коллекция. 2001. №3 (6). С.40–50.
15. Киреев Н. Проблема утверждения в Турции светской модели общества // От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А.Ф.Миллера. М.: Муравей. 2003. С.210–218.
16. Сибгатуллина А.Т. Султан Абдул Хамид II в фотоматериалах, документах и воспоминаниях // Восточный архив. 2011. №1 (23). С.42–44.
17. Челеби Селим. Когда гарем бывал доволен // Родина, 1998, №5/6. С.47–48.
18. Эрдоган С.Н. В «Дом радости» ведет единственная дверь // Родина, №5/6. С.52–53.
19. Akgündüz, Ahmet. Osmanlı'da harem. İstanbul, Sander Kitabevi & Jonathan, 2000. 520 p.
20. Barber N. Lords of the Golden Horn. L.: Pan Books Ltd. 1976. 285 p.
21. Devis F. The Ottoman Lady. A Social History from 1718 to 1918. N.-Y. – L., Greenwood Press, 1986. 325 p.
22. Kinross, J.P. The Ottoman Centuries. The Rise and Fall of the Turkish Empire. İstanbul, Sander Kitabevi & Jonathan, 1977. 638 p.
23. Ohsson de I.M. Tableau général de l'Empire ottoman. Paris, 1824. Vols. VII. <https://www.loc.gov/item/05007776/> Дата обращения: 09.07.2021.
24. Wheatcroft A. Infidels. A History of the Conflict between Christendom and Islam. L., Penguin Books Ltd., 2004. 427 p.
25. Coupe W.A. Observations on a Theory of Political Caricature // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11. P. 79–95.
26. Kemnitz Th.M. The Cartoon as a Historical Source // Journal of Interdisciplinary History. 1973. Vol.4. P.87–99.

Благотворительность –
отличный фундамент для
постройки чего бы то ни было.

Луиза Мэй Олкотт

Твой учитель не тот, кто тебя
учит, а тот, у кого учишься ты.

Ричард Бах

Елена Ковальская

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА И КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ РУКАВИШНИКОВ

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

94 (47) 08

В статье рассматриваются взаимоотношения великой княгини Елизаветы Федоровны и московского городского головы К.В.Рукавишников. Они сотрудничали на поприще благотворительной деятельности с 1893 по 1915 г. Елизавета Федоровна и ее супруг великий князь Сергей Александрович составили Рукавишникову протекцию у царской четы, что открыло ему возможности сотрудничества с императрицей Александрой Федоровной в благотворительной сфере. Наиболее тесные контакты Елизаветы Федоровны и Рукавишникова приходятся на 1900–1905 гг., когда он руководил двумя организациями великой княгини: Елисаветинским благотворительным обществом и Исполнительной комиссией по размещению раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока. После 1905 г. Елизавета Федоровна неоднократно обращалась к нему за помощью в разработке программ деятельности ее новых организаций. Фактически Рукавишников можно назвать наставником великой княгини.

The article is devoted to the history of relations between Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and the head of the Moscow municipality K.V.Rukavishnikov. They collaborated in the field of charity from 1893 to 1915. Elizabeth Feodorovna and her husband Grand Duke Sergei Alexandrovich provided Rukavishnikov a patronage of the royal couple, which led to his cooperation with Empress Alexandra Feodorovna in the charitable sphere. The closest contacts between Elizabeth Feodorovna and Rukavishnikov occurred in 1900–1905, when he headed two organizations of the Grand Duchess: the Elisabeth Charitable Society and the Commission for accommodation of wounded soldiers, evacuated from the Far East. After 1905, Elizabeth Feodorovna repeatedly turned to Rukavishnikov for help in developing the strategic programs of her new organizations. In fact, Rukavishnikov can be called the mentor of the Grand Duchess.

Ключевые слова: Великая княгиня Елизавета Федоровна; К.В.Рукавишников; благотворительность; Москва; Московская городская дума; Елисаветинское благотворительное общество; Русско-японская война; Первая мировая война.

Key words: Grand Duchess Elizabeth Feodorovna; K.V.Rukavishnikov; charity; Moscow; the Moscow City Duma; the Elisabeth charitable society (“Elisavetinskoe blagotvoritelnoe obshchestvo”); the Russo-Japanese War; the First World War.

E-mail: ekovalskaya@mail.ru

*«...всегда явятся добрые
сердечные люди»*

К.В.Рукавишников

Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918) и Константин Васильевич Рукавишников (1848–1915) вошли в историю России как выдающиеся благотворители конца XIX – начала XX вв. Не менее 22 лет, с 1893 по 1915 гг., они сотрудничали на поприще общественной деятельности.

Деловые контакты этих двух людей были predeterminedены тем, что в 1893–1897 гг. Рукавишников, будучи Московским городской головой, был подотчетен супругу великой княгини, московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. В обязанности Константина

Васильевича входили не только регулярные доклады великому князю, но и представления Елизавете Федоровне [26, с.4; 29, с.2; 30, с.3; 35, с.4; 36, с.3; 41, с.3; 43, с.3; 48, с.2; 49, с.2; 54, с.3]. Рукавишников от имени Го-

Великая княгиня Елизавета Федоровна, 1898 г.

К.В.Рукавишников

родской думы ежегодно посылал ей поздравительные телеграммы по случаю именин или дня рождения, в ответ она благодарила «за внимание и трогательные пожелания» [27, с.3. См. также: 28, с.3; 34, с.2; 38, с.2; 46, с.3; 47, с.2]. Они общались на различных общественных мероприятиях, приуроченных к открытиям, юбилеям и годичным актам различных организаций [24, с.3; 31, с.2–3; 32, с.2; 39, с.3; 40, с.3; 42, с.2; 52, с.3]. Общая тема для беседы была: благотворительная деятельность. Если Елизавета Федоровна только начинала свое служение на социальном поприще (по существу с 1891 г., когда ее супруг был назначен московским генерал-губернатором), то Константина Васильевича по праву уже можно было назвать профессиональным благотворителем. Находившийся на его попечении с 1875 г. Рукавишниковский исправительный приют был к тому времени уже повсеместно признан уникальным учебно-воспитательным заведением для малолетних преступников.

Первые совместные благотворительные проекты

Постепенно у Рукавишникова сложились доверительные отношения с великокняжеской четой [14, с.232].

Он не только получал значительное содействие со стороны Сергея Александровича, но и сам активно участвовал в проектах, инициированных им и его женой. Первым таким проектом стал Московский комитет по призрению сирот и оказанию пособий семьям умерших от холеры. Он был создан в 1893 г. для борьбы с последствиями холеры, начавшейся в Поволжье летом 1892 г. Во главе комитета была поставлена Елизавета Федоровна, в числе членов был К.В.Рукавишников [25, с.3]. Эпидемия не получила в Москве широкого распространения, и в 1897 г. комитет был закрыт. Неизрасходованные средства в сумме 6585 руб. были переданы Московской городской думе для дальнейшего попечения о сиротах, умерших от холеры в 1892–1893 гг. [53, с.3].

В 1894 г. Константин Васильевич привлек внимание великокняжеской четы к создаваемой думой сети городских попечительств о бедных [16, с.340]. Супруги поддержали этот проект финансово: средства, полученные от московских базаров 1895, 1899 и 1903 гг., проходивших под покровительством Елизаветы Федоровны, частично были переданы на развитие попечительств [20, с.83–96]. В 1896 г., в дни коронационных торжеств, под покровительством великой княгини в Верхних торговых рядах был проведен праздничный концерт в пользу данных попечительств (организатор – правление Верхних торговых рядов) [44, с.2].

В мае 1896 г. Городская дума приняла решение открыть убежище для детей-сирот, потерявших родителей во время Ходынской катастрофы. 2 июня, спустя две недели после трагедии, Рукавишников представлял этот проект царской семье, гостившей в те дни в имении Ильинском у великокняжеской четы [11, с.335]. Покровительницей этого учреждения стала императрица Александра Федоровна, а почетной попечительницей – Елизавета Федоровна. Фактически функции великой княгини сводились к контролю за строительством здания и затем за деятельностью самого учреждения. 25 июня Рукавишников показывал великой княгине выделенное под строительство место [45, с.2]. Убежище было открыто 3 ноября в присутствии великокняжеской четы, представителей Думы во главе с Рукавишниковым и др. [50, с.2; 84, с.1].

Не менее трех раз, в 1895, 1904 и 1914 гг., Рукавишников принимал Елизавету Федоровну в своем исправительном приюте для малолетних преступников. В первые два визита великая княгиня была вместе с Сергеем Александровичем. Приют произвел на них «очень хорошее впечатление» (из дневника великого князя, 15 февраля 1895 года) [11, с.280]. Для Ели-

Рукавишниковский исправительный приют для малолетних преступников
на Смоленской-Сенной площади

¹Телеграмма императрице Александре Федоровне об открытии убежища была отправлена от имени К.В.Рукавишникова [51, с.3].

заветы Федоровны это были не просто визиты вежливости. В 1897 г. она стала почетной председательницей Московского дамского благотворительно-тюремного комитета. Эта организация, среди прочего, заботилась о выпущенных из заключения несовершеннолетних, занималась призреванием детей до освобождения их родителей из-под стражи. Значительно позднее, в 1910 г., Елизавета Федоровна ввела в программу обучения сестер Марфо-Мариинской обители милосердия специальный курс для ознакомления «с тюремной жизнью, бытом преступников и способами облегчения их нравственных страданий» [83, с. 8]. В 1914 г. великая княгиня стала почетной гостьей на 50-летнем юбилее Рукавишниковского приюта [75, с. 3].

Личные отношения

Постепенно, благодаря деловым контактам, у Рукавишникова сложились доверительные отношения с великокняжеской четой. Супруги не раз принимали его у себя дома [2, л. 9, 151 об.]. В 1897 г., когда Константин Васильевич отказался баллотироваться на второй срок на пост московского городского головы, Сергей Александрович, хотя и довольно резко отреагировал на его решение², тем не менее сохранил с ним дружеские отношения. 20 апреля 1897 г. великокняжеская чета присутствовала на свадьбе дочери Рукавишникова Елены Константиновны с лейтенантом 7-го флотского экипажа В. В. Гаврилюком [55, с. 3]³. Причем высокие гости были не только на венчании, но и заехали домой к Константину Васильевичу. Как сказал об этом в письме Сергей Александрович: «...одним словом, всячески ублажали семью Рукавишникова» [1, л. 19 об. – 22]. В декабре 1900 г. Сергей Александрович по просьбе Константина Васильевича ходатайствовал за его зятя В. В. Гаврилюка перед великим князем Константином Константиновичем, главным начальником военно-учебных заведений. Из письма Сергея Александровича: «Я ненавижу просить, но отказать в данном случае было мне немислимо» [89, с. 218].

Елисаветинское благотворительное общество

В декабре 1900 г., вскоре после кончины председателя совета Елисаветинского благотворительного общества Б. А. Нейдгарта, Елизавета

² Из дневника вел. кн. Сергея Александровича (18 февраля 1897 года): «Принимал Рукавишникова – вернулся – отказывается от городской головы – не понимаю, к чему была вся это комедия! Глупо!» [3, л. 53].

³ В 1918 г. брак В. В. и Е. К. Гаврилюк был расторгнут [9].

Федоровна назначила на вакантный пост Рукавишникова. В это время Константин Васильевич уже был знаком с делами общества. С 1893 г. он являлся членом его совета и почетным членом [80, с. 128]. Неоднократно принимал участие в заседаниях, проходивших под председательством великой княгини [33, с. 4; 37, с. 3]. Официально Рукавишников в должности председателя совета был утвержден его покровителями: императрицей Марией Федоровной (22 февраля 1901) и Николаем II (20 ноября 1901 года) [77, с. 10]. В качестве награды за председательствование в обществе Константин Васильевич получил чин тайного советника [77, с. 46].

Елисаветинское благотворительное общество, открытое в 1892 г., представляло собой разветвленную организацию с сетью Елисаветинских столичных и уездных комитетов, детских приютов и яслей для законнорожденных детей бедных родителей. Ежегодно в приютах находилось около 600 детей. На 1900 г. это общество являлось главной организацией великой княгини.

Первое, что Константин Васильевич сделал на посту председателя, – провел ревизию. В своем докладе от 24 мая 1901 г. он сообщил Елизавете Федоровне и совету общества об обнаруженных недостатках. Во-первых, устройство детей в приют имело «случайный характер». Во-вторых, сами приюты открывались «не во исполнение плана, а по случайным соображениям». В-третьих, отсутствовали «какие-либо твердые правила работы». В-четвертых, помощь неимущим родителям фактически не оказывалась. Одной из причин сложившейся ситуации, по мнению Рукавишникова, было то, что у общества «на первых порах главная забота была сбор капитала» [8, л. 5–6]. Надо сказать, что того же мнения придерживался и состоящий при великой княгине М. П. Степанов. В переписке с Н. М. Аничковым, отвечая на упрек коллеги о малом капитале Императорского православного палестинского общества, в качестве неправильной постановки дела привел в пример именно Елисаветинское благотворительное общество: «...Если бы мы все думали о капитале, то у нас теперь ничего не было, да и притоков не было бы. Т. е. не было бы доверия. Когда в Москве, в начале 90-х годов, открылось Елисаветинское Благод[ворительное] Общество и Нейдгарт, председатель Совета, решил, что надо думать собирать капитал, – результат вышел так, что и капитала порядочного нет и пожертвований нет, так как все видели, что результатов деятельности нет» (26 августа 1907 года) [13, с. 375–376].

Первым делом Константин Васильевич предложил навести порядок при приеме и переводе детей из приюта в приют и разработать де-

тальный план развития общества. Рукавишников предлагал для начала установить два основных критерия: возраст детей для приема и срок воспитания. По его мнению, все приюты необходимо было разделить на шесть типов: для грудных (до 1 года), малолетних (до 4 лет), дошкольного возраста, приюты-школы (от 7 до 12 лет) и ремесленные приюты для младшего (12–13 лет) и старшего (14–18 лет) возрастов. Общество также должно оказать помощь детям в трудоустройстве после достижения ими 18 лет. Константин Васильевич заключал: «Не сомневаюсь, что содержание, воспитание и обучение 600 детей потребует и массу денег, и массу труда, но я твердо верю, что при верной постановке и правильном, живом ходе дела, а в особенности при сердечном отношении к нему Августейшей Попечительницы, в Москве, по Ее призыву, всегда найдутся нужные средства, всегда явятся добрые сердечные люди» [8, л. 10об.]. На докладе Рукавишникова стоят резолюции великой княгини: «Согласна. Елисавета» и совета Общества: «1 июня 1901 г. Совет Доклад этот одобрил с тем, чтобы в грудном приюте дети содержались до двухлетнего возраста. Председатель Рукавишников» [8, л. 5].

Предложенный план преобразований был кардинальным, поскольку общество на тот момент призревало только детей дошкольного возраста. Предстояло не только реорганизовать имевшиеся приюты по возрастным критериям, но и учредить новые – для детей школьного возраста, причем в последнем случае общество должно было взять на себя помимо содержания и воспитания образовательный процесс. Общество теперь могло принимать детей только до 2-х лет (отступления от этого критерия допускались лишь в исключительных случаях). В связи с этим совет общества к выполнению плана решил приступать постепенно, начиная с 1902 г. На годичном заседании общества под председательством Елизаветы Федоровны были утверждены следующие сроки открытия учреждений: в 1904 г. – устройство дошкольных приютов, к 1907 г. – учреждение приютов-школ, в 1912 г. – ремесленных приютов и в 1918 г. – первый выпуск принятых по новому положению детей из ремесленных приютов [59, с.2]. К сожалению, задуманное не удалось воплотить в жизнь.

Константин Васильевич, предлагая такой план развития, прекрасно знал механизм его реализации: воспитанники его Рукавишниковского приюта для малолетних преступников совмещали обучение в начальной общеобразовательной школе с профессиональной подготовкой в ремесленных мастерских. После окончания приюта им помогали найти работу [86, с.364].

Еще более недостатков Константин Васильевич выявил в работе Елисаветинских приходских комитетов. Они занимались сбором средств, оказывали финансовую помощь нуждающимся семьям, при некоторых из них работали приюты и ясли. Комитеты были открыты при приходах Московской епархии Русской Православной Церкви. Всего в 1900 г. их было 227. Координация их работы осуществлялась через благочиния, в подчинении у которых находились сами приходы. Рукавишников пришел к заключению, что «такая постановка дела на практике оказалась неудачной; Елисаветинские комитеты за редким исключением не проявляют, в сущности, никакой живой деятельности... Она свелась не к заботе о помощи родителям, а главным образом, к накоплению средств и к устройству приютов». Из доклада Константина Васильевича от 2 июля 1901 г.: «...у священников и так забот и хлопот много, им некогда, не по силам <...>; с прихожан так много разных сборов, что новый подбор является затруднительным, а часто прямо невыносимым; трудно в приходах находить людей, которые согласились бы идти в церковные старосты, а желающих идти работать в комитеты совсем не найдешь; иноверцы и иностранцы не принимают участия <...> Эти причины поставили сразу Комитеты в неблагоприятные условия и осудили их на полное бездействие». Константин Васильевич приходит к выводу, что комитеты возникли лишь потому, что «сверху, от начальства, в силу устава Общества, явилось приказание лицам, и не думавшим об Елисаветинском Обществе, образовать комитеты и начать работать». Именно поэтому, по мнению Рукавишникова, этот проект был обречен: «Дело не могло иметь успеха; оно явилось на местах тяготой, как бы насильно навязанной». Рукавишников констатирует, что нередко комитеты, в которых заседания вовсе не проводятся, поскольку в них числятся только два человека: это священник и староста, и то потому только, что, согласно уставу, обязаны быть его неперемненными членами: «Сами себя назначают, один – председателем, другой – казначеем, и комитет будто бы сформирован; делается затем сбор с прихожан или отчисляется что-либо из средств, часто ничтожных, приходского попечительства о бедных, и этим оканчивается вся деятельность Комитета» [8, л. 11–13 об.]. Рукавишников предложил в корне изменить сам подход. По его мнению, работать в подобных комитетах должны лишь те, у кого есть мотивация оказания благотворительной помощи. «Если такие люди есть в Комитетах, то они должны быть сохранены, если нет – закрыть» [8, л. 14]. Сперва Елизавета Федоровна и совет

одобрили это предложение Рукавишниковова [8, л. 11], однако в конечном итоге было принято решение все-таки сохранить имевшуюся сеть комитетов, предприняв определенные шаги «с целью оживления их деятельности» [57, с. 4; См. также: 8, л. 52–54 об.].

Поскольку предложенная Рукавишниковым программа преобразований была кардинальной, то, прежде чем приступить к ее реализации, необходимо было внести соответствующие изменения в устав. Для этого необходимо было получить согласие Елизаветы Федоровны, Сергея Александровича [8, л. 74–77], членов совета и общего собрания общества, Ведомства учреждений императрицы Марии (в ведении которого было общество), его покровителей – Николая II и императрицы Марии Федоровны. Процесс согласования устава занял три с половиной года (с мая 1902 г. по 27 октября 1905 г.). Одной из причин задержки был вопрос об источниках финансирования организации. Так, Константин Васильевич, заручившись поддержкой великой княгини и общего собрания общества, ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями о включении параграфа об установлении денежного сбора в пользу общества в церквах Московской епархии раз в год: «В один из праздничных дней, по соглашению с епархиальным начальством, взамен доходов от увеселений и зрелищ, которыми Общество более не полагает пользоваться» [8, л. 94 об.]. Канцелярия по учреждениям императрицы Марии, в свою очередь, подала запрос в Святейший Синод. Обер-прокурор К. П. Победоносцев отказал: «...разрешение сборов... в каждом данном случае зависит от Местного Преосвященного и Святейшего Синода по ходатайству учреждения, а посему включение... не допускается» [8, л. 106]. Рукавишников продолжил настаивать на своем [8, л. 108]. В итоге в устав был внесен параграф, устраивавший все заинтересованные стороны. Обществу предоставлялось право «ежегодно ходатайствовать о разрешении епархиальным начальством (подчеркнуто мною. – Е.К.) производить в один из праздничных дней сбор в пользу Общества в церквах Московской епархии» [90, с. 14]. Из устава 1892 г. был также исключен §7, в котором говорилось, что Общество «ни в коем случае не испрашивает субсидии из средств Ведомства учреждений императрицы Марии» [91, с. 3]. Рукавишникову посоветовали убрать этот параграф на следующем основании: «Кто знает: не придется ли обращаться к субсидии?» [8, л. 76]

Параллельно с работой над уставом Рукавишников руководил текущими делами общества. Так, 18 мая 1901 г. был открыт приют имени

великого князя Сергея Александровича, 30 января 1902 г. – приют имени Елизаветы Федоровны. Великая княгиня присутствовала на обоих открытиях [56, с.2; 58, с.3]. Всего при Константине Васильевиче было открыто пять новых социальных заведений [81, с.20]. В 1903 г. общество приобрело участок при селе Петровско-Разумовском для устройства приютов-школ (их открытие было запланировано на 1907 г.). Параллельно был разработан проект школьных зданий, учебные программы [78, с.4–5]. Поскольку строительные работы требовали значительных капиталовложений, был организован специальный фонд для сбора средств. В 1904 г. проект был временно заморожен, как оказалось, навсегда. Вплоть до 1917 г. общество заявляло о своем желании приступить к строительству зданий, но сначала помешала Русско-японская война, вызвавшая финансовый кризис, затем Первая мировая [23, с.21–24; 21, с.6–7].

Обратим внимание, что имя Рукавишникова значится в списке крупных спонсоров общества. Всего за годы председательства он пожертвовал не менее 4183 руб., в т.ч. в кассу совета – 3000 руб., на устройство канцелярии – 1183 руб. [19, с.31]. В 1902 г., в связи с 10-летним юбилеем общества, члены совета и сотрудники во главе с Рукавишниковым передали в неприкосновенный капитал 15000 руб., проценты с которого предназначались на содержание трех детей, так называемых стипендиатов. Стипендии были именными, две – имени Елизаветы Федоровны и одна – имени Сергея Александровича. Константин Васильевич, сообщая об этом великой княгине, просил принять эти стипендии «как слабое выражение глубочайшего уважения и сердечной почтительной признательности за все то добро», которое она оказала обществу [58, с.3]. Со своей стороны великая княгиня в специальном рескрипте ни имя К.В.Рукавишникова объявила ему и всем сотрудникам общества благодарность за «полезную и плодотворную деятельность» [60, с.2].

Константин Васильевич покинул пост председателя совета общества «по расстроенному здоровью» в 1905 г. В отчетах общества приведены разные даты его отставки, в одном стоит 15 октября [80, с.1], в другом – 9 декабря [79, с.10]. Скорее всего, Рукавишников отошел от дел 15 октября, поскольку в тексте после даты отставки имеется уточнение: «всего лишь за 12 дней до утверждения Государем Императором нового устава Елисаветинского Общества» – того самого устава, который разработал и согласовывал во всевозможных инстанциях Константин Васильевич.

**Учреждения, созданные
в годы Русско-японской
войны**

В годы Русско-японской войны Елизавета Федоровна создала целый ряд учреждений, деятельность которых была направлена на оказание помощи армии и раненым. Ведущей организацией был Особый комитет для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке (был открыт 12 февраля 1904 года). В его работе приняли участие многие известные московские благотворители, общественные и церковные деятели. Всего в состав главного исполнительного органа Комитета вошли 16 человек [82, с.4–5]. Елизавета Федоровна назначила председателем заведующего Двора великого князя Сергея Александровича графа Г.Г.Менгдена, товарищем председателя –

Состав Комитета и Исполнительной Комиссии.

А. А. Малюков, В. В. Петров, С. В. Пучков, А. А. Корнилов, И. К. Фоль-Венцель, В. А. Вахрушев, Граф П. С. Шереметьев,
А. Ф. Молеров, И. И. Виноградов, И. П. Муромов, И. К. Фоль-Мельс, А. И. Гусков, Ф. Д. Самарин, А. А. Воронин,
И. А. Александров, А. Д. Самарин, К. В. Рукавишников, Е. И. В. Великая Нингия Граф Г. Г. Менгден, Е. И. В. Великая Нингия
Князь Н. Н. Оболенский, Н. И. Гусков, Елизавета Феодоровна, В. Ф. Давыдовский.

Состав Особого комитета великой княгини Елисаветы Феодоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности и Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока в Русско-японскую войну. В первом ряду сидят К.В.Рукавишников (пятый слева) и великая княгиня Елизавета Федоровна. После февраля 1905 г.

К. В. Рукавишникова. Назначение Константина Васильевича на столь ответственную должность устраивало не всех. Так, князь В. М. Голицын, бывший на тот момент Московским городским головой, на страницах своего дневника за 1904 г. прокомментировал назначение следующим образом: «У Великой Княгини открыт Комитет, которым она думает спасти дело: поставлен он, по-видимому, для того, чтобы дать Рукавишникову возможность сыграть... роль» [5, с. 714]. Предположение Голицына ошибочно: фактически во главе комитета стояла сама великая княгиня. Именно она председательствовала на собраниях, утверждала общие решения, распределяла финансы. Константин Васильевич, как товарищ председателя, принимал активное участие в заседаниях комитета [61, с. 4; 62, с. 2; 63, с. 3]. В июне 1904 г. при комитете была открыта Исполнительная комиссия по бесплатному размещению больных и раненых воинов. Елизавета Федоровна назначила ее председателем К. В. Рукавишников. Комиссия занималась созданием сети частных лазаретов – этот проект для того времени был новаторским. В целом по всей России в ее распоряжение было предоставлено 1696 лазаретов, большая часть которых находилась в Московском военном округе (которым командовал великий князь Сергей Александрович). В итоге было использовано 807 лазаретов; медицинская помощь была оказана 25535 нижним чинам и 1350 офицерам [85, с. 22, 24, 99]. Вместе с К. В. Рукавишниковым великая княгиня регулярно инспектировала эти лечебные учреждения (не менее девяти раз за вторую половину 1904 г.) [64, с. 3; 65, с. 3; 66, с. 3; 67, с. 3; 68, с. 3; 69, с. 3; 70, с. 4; 71, с. 4; 72, с. 4; 74, с. 4; 85, с. 265]. Во время визитов Константин Васильевич давал великой княгине подробные пояснения [См., например, с. 67, с. 3]. Очевидно, что подобные посещения стали для великой княгини своего рода практической школой по созданию собственных аналогичных учреждений. Отметим, что тогда К. В. Рукавишников и Елизавета Федоровна также открыли собственные лазареты [85, с. 32, 36]. Точнее, основные тяготы по устройству лазарета Рукавишниковых взяла на себя супруга Константина Васильевича Евдокия Николаевна. Под хирургический лазарет они отдали весь второй этаж своего дома на ул. Большой Никитской [88, с. 175]. Елизавета Федоровна посетила их лазарет 19 сентября 1904 г. [66, с. 3]. После войны этот лазарет был преобразован в хирургическую лечебницу.

Распределение раненых по лечебным учреждениям также находилось в компетенции Исполнительной комиссии. Так, в письме к своей сотруднице М. А. Васильчиковой от 28 августа 1904 г. в связи с предстоящим открытием в Новороссийске Елизаветинской санатории для офицеров

Елизавета Федоровна писала: «...мы назначим точную дату, когда Рукавишников сможет прислать больных – я видела, что их много – особенно солдат, офицеров мало. Почему бы не направить туда солдат – это бы показалось им раем, а у офицеров всегда могут быть претензии. Может, Вы оттуда по Вашим впечатлениям могли бы мне телеграфировать: "Пришлите 10 солдат вместо офицеров"» [4, л. 5–5 об. – на фр. яз.]⁴

Приобретенные Елизаветой Федоровной знания и опыт в полной мерегодились ей в годы Первой мировой войны, когда ей, как главе Особого Комитета по объединению работ об эвакуации раненых и больных воинов, было поручено Николаем II инспектировать лечебные учреждения Москвы и Московской губернии.

4 февраля 1905 г. был убит великий князь Сергей Александрович. Елизавета Федоровна была настолько потрясена горем, что на несколько месяцев (до мая) отошла от руководства благотворительными организациями. 8 февраля она нашла в себе силы принять депутацию из трех раненых Листвянского госпиталя. Те поднесли ей икону Спасителя и адрес. Обращение раненых зачитал сопровождавший их К.В.Рукавишников. Вероятнее всего, именно он и организовал эту встречу. Великую княгиню тронул этот шаг, она «благодарила солдат, милостиво приняла икону и просила их самих пойти возложить икону на тело Великого Князя» [73, с.3].

После Русско-японской войны В сентябре 1905 г. Особый Комитет великой княгини был реорганизован в Комитет по оказанию помощи жертвам русско-японской войны.

В его состав Елизавета Федоровна пригласила своих прежних сотрудников по Особому комитету: председателем назначила графа Г.Г.Менгдена, товарищем председателя – Н.К. фон Мекка. К.В.Рукавишников на этот раз был избран в члены комитета. План реорганизации комитета составил Константин Васильевич. Сначала его одобрила Елизавета Федоровна, затем проект обсуждался на заседании комитета, на котором и были утверждены дальнейшие шаги [82, с. 103]. 18 марта 1906 г. комитету по распоряжению Николая II было доверено распределение государственной финансовой поддержки демобилизованным воинам, впадшим в нищету. В связи с этим из казны было получено 500 000 руб. Комитет рассматривал ходатайства, которые, в случае их одобрения, пересыла-

⁴Елизаветинская санатория была создана по инициативе и под руководством великой княгини Елизаветы Федоровны [См. подробнее: 18, с. 137–145].

лись губернаторам вместе с соответствующими суммами [82, с. 103–117]. Обратим внимание, что на разосланном губернаторам циркуляре стоит подпись К. В. Рукавишникова (он подписал этот документ за председателем) [82, с. 116]. На наш взгляд, это свидетельствует об активном участии Константина Васильевича в делах комитета, несмотря на то, что он уже не являлся товарищем председателя.

Одной из главных задач преобразованного комитета стало устройство убежища для воинов-инвалидов. Убежище было названо в честь великокняжеской четы Сергиево-Елисаветинским, поскольку Сергей Александрович еще при жизни завещал особый капитал для пострадавших на Русско-японской войне, а Елизавета Федоровна взяла на себя обязанности попечительницы [82, с. 141]. Руководящие посты заняли Н. К. Вендрих (председатель попечительного комитета), А. Д. Самарин (товарищ председателя) и Н. И. Прохоров (казначей). Рукавишников был назначен членом попечительного комитета (с 1909 г.).

Таким образом после 1905 г. Константин Васильевич постепенно отошел от текущего руководства организациями великой княгини. Это было связано с его переездом в Петербург. Тем не менее Елизавета Федоровна по-прежнему прибегала к нему за помощью, прежде всего, во время создания или реорганизации учреждений, разработки конкретных проектов.

Настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия великая княгиня Елизавета Федоровна. 1914 г.

По свидетельству настоятеля сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова, великая княгиня обсуждала с К. В. Рукавишниковым устройство Марфо-Мариинской обители милосердия. Из дневника протоиерея Георгия от 3 марта 1918 г. (в этот день он был на обеде у Елизаветы Федоровны): «Я сидел на лево от великой княгини; шла непринужденная беседа о текущих событиях <...> Меня она очень подробно расспрашивала о Новом Афоне и проживающей сейчас в Сухуме семье покойного К. В. Рукавишникова, бывшего Московского городского головы, кото-

рого великая княгиня и ее покойный супруг очень любили. От великой княгини я узнал, что покойный Константин Васильевич написал первый проект Марфо-Мариинской общины» [15, с. 195]. Уточним, Елизавета Федоровна работала над уставом обители лично (о чем свидетельствует серия документов за 1908 г.), помимо проекта Рукавишникова она использовала проект протоиерея Митрофана Сребрянского и др. [12, с. 269, 313, 330–332, 350, 351, 356, 358–361, 382, 383, 387; 87, с. 109–111]. Столь серьезный подход к уставу со стороны великой княгини объясним. Елизавета Федоровна создавала новый тип обители в лоне Русской Православной Церкви. В письме Николаю II от 6–15 января 1912 г. она охарактеризовала свой проект как «...не совсем монастырь, но и, конечно, не просто община [сестер милосердия] светск[ая]» [12, с. 662].

В годы Первой мировой войны

Первая мировая война побудила Елизавету Федоровну вновь обратиться к К. В. Рукавишникову, несмотря на разделявшее их расстояние. По приглашению великой княгини Константин Васильевич стал членом ее Комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Вероятно, это было сделано для координации благотворительной работы, поскольку Константин Васильевич являлся председателем Особого Петроградского комитета великой княжны Ольги Николаевны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. У обоих комитетов совпадали цели и задачи, их деятельность была разграничена по географическому признаку. Комитет Елизаветы Федоровны действовал во всех регионах России, за исключением Петрограда, Финляндии и Кавказа, а Ольгинский комитет – в Петроградской губернии, и с января 1915 г. в Финляндии.

Обратим внимание, что Елизавета Федоровна приветствовала назначение К. В. Рукавишникова на пост председателя Ольгинского комитета. Своим близким друзьям из петроградского великосветского общества она советовала присоединиться к работе именно этой организации. Из ее письма графине Н. Ф. Карловой (19 августа 1914): «Так счастлива, что Вы можете Ольге (вел. княжне Ольге Николаевне. – *Е.К.*). Если возможно, навестите сегодня Рукавишникова, я бы так хотела, чтобы Вы с самого начала знали обо всех деталях работы» [13, с. 83]. Из письма великой княгини Е. Н. Струковой (20 августа 1914): «Часто думаю о тех страдальцах, которых поддерживаю. Идите к Рукавишникову, если Вы желаете работать в Петербурге. У моей племянницы Ольги отдельный

комитет для Петербурга и Правительства, но у нас общая цель, и мы работаем с моей сестрой (имп. Александрой Федоровной. – *Е.К.*), только помимо Москвы у меня вся Россия» [13, с. 83].

Комитет Елизаветы Федоровны с первых же дней развернул широко-масштабную деятельность, в то время как работа Ольгинского комитета, согласно выводам Н.Л. Матвеевой, свелась к приему пожертвований великой княжны Ольги Николаевны. Исследовательница объясняет это тем, что Константин Васильевич был уже тяжело болен [22, с. 50–51]. Впрочем, Рукавишников находил силы присутствовать на заседаниях Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (в подчинении у которого были оба названных комитета), где имел возможность лично обсудить с великой княгиней насущные вопросы [7, л. 200 об., 224 об.].

Протекция великой княгини Елизаветы Федоровны К. В. Рукавишникову

Очевидно, что назначение Константина Васильевича на пост председателя Ольгинского комитета зависело от одобрения его кандидатуры императрицей Александрой Федоровной. Царская чета была знакома с Рукавишниковым еще со времен его руководства Московской городской думой (23 мая 1896 г. Николай II посетил думу, Константин Васильевич произнес приветственную речь [11, с. 330]). К царскому двору К. В. Рукавишников был приближен в 1904–1905 гг., во многом благодаря протекции Елизаветы Федоровны и ее супруга. Из воспоминаний А. И. Гучкова: «Рукавишников пользовался большим доверием со стороны великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Сергея Александровича, которые ему верили, любили и составили блестящую репутацию в глазах государя и сестры» [10, с. 35].

В основе доверительных отношений Константина Васильевича с великокняжеской четой была не только их совместная общественная деятельность, но и единые политические взгляды. Они были консерваторами. В 1900-е гг. Константин Васильевич, также как и великий князь Сергей Александрович, одной из главных причин общественных волнений считал слабость самодержавной власти. Свои взгляды он (как и великий князь) высказал лично Николаю II. По словам Ф. Д. Самарина, инициатором его аудиенции у императора была великая княгиня Елизавета Федоровна. Из воспоминаний Ф. Д. Самарина о К. В. Рукавишникове (конец 1904 – начало 1905): «<...> Он (К. В. Рукавишников. – *Е.К.*) совершенно согласился со мной в оценке общего политического положения и в без-

условно отрицательном отношении к "освободительному движению". Разделял он и мысль о необходимости протеста против воззрений, которые так громко и решительно высказывались в обществе. Но он чрезвычайно пессимистически смотрел на все наше внутреннее положение. Он считал, что вся беда в слабости и бесхарактерности Государя, в отсутствии у него ясного политического сознания и в неумении его твердо выражать и проводить свою волю. Он фактически перестал быть самодержцем, как же можно ожидать, чтобы он отстоял принцип самодержавия от все возраставшей общественной воли? Рукавишников рассказал мне при этом, что он незадолго перед этим был у Государя и по его желанию подавал ему записку, в которой весьма определенно высказал те же взгляды. По-видимому, это произошло по желанию Вел. Кн. Елизаветы Федоровны. Но именно тут Рукавишников убедился, что от Государя нельзя ждать серьезного отпора революционной волне» [6, л. 11 об. –12]. Таким образом, объяснимо, почему в разгар Первой русской революции Николай II уже видел в К.В.Рукавишникове человека, на которого он мог полагаться. Из дневника императора (27 мая 1905): «Имел большой прием... Вечером у нас сидел Рукавишников, бывший Московский городской голова» [17, с.37].

Протекция К.В.Рукавишникова перед великой княгиней Елизаветой Федоровной

Очевидно, что со своей стороны Константин Васильевич также имел возможность оказывать протекцию другим лицам перед великой княгиней. Обратим внимание, что в 1904 г. директор Рукавишниковского приюта Н.К. фон Вендрих вошел в состав Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока во время Русско-японской войны (напомним, ее председателем был К.В.Рукавишников). Николай Карлович настолько хорошо себя зарекомендовал, что в сентябре 1905 г. был назначен членом Комитета великой княгини для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке, в сентябре 1907 г. – председателем строительной комиссии, потом – председателем попечительного комитета Сергиево-Елисаветинского трудового убежища. В 1908 г. был назначен секретарем Московского городского отдела Общества помощи погорельцам г. Москвы и Московской губ. – еще одной организации великой княгини. По словам Ф.Д.Самарина, «его деятельность (Н.К. фон Вендриха. – *Е.К.*) во время войны (Русско-японской. – *Е.К.*) и после нее в комитете Великой Княгини была поистине

изумительна. Это был целый подвиг любви, несмотря на отсутствие всяких проявлений чувствительности и на неизменную деловитость тона» [6, л. 16об.]. Иными словами, К.В.Рукавишников после переезда в Петербург в 1905 г. оставил организации великой княгини в надежных руках.

* * *

К.В.Рукавишников умер в Петергофе 30 ноября 1915 г., был похоронен в Москве, на кладбище Новодевичьего женского монастыря. 2 декабря 1915 г. была совершена заупокойная литургия и отпевание Константина Васильевича, на службах присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна. На гроб возложили венки от Елисаветинского благотворительного общества и от Комитета великой княгини по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну [76, с.3; 81, с.19]. Фактически Елизавета Федоровна проводила в последний путь своего наставника.

Подводя итоги

К.В.Рукавишников и великая княгиня Елизавета Федоровна сотрудничали на благотворительном поприще не менее 22 лет. К моменту их знакомства великая княгиня только начинала свое социальное служение, в то время как Константин Васильевич был уже профессиональным благотворителем. Фактически он выступил в роли наставника великой княгини, познакомил ее с системой оказания помощи заключенным; показал, каким образом следует усовершенствовать работу Елисаветинского благотворительного общества. В годы Русско-японской войны К.В.Рукавишников разработал беспрецедентный проект создания сети частных лазаретов, который был осуществлен благодаря великой княгине. Впоследствии Елизавета Федоровна неоднократно привлекала Константина Васильевича к разработке проектов ее новых учреждений. В 1904–1905 гг. она оказала ему протекцию перед царской четой. В результате он стал сотрудничать в благотворительной сфере с императрицей Александрой Федоровной. В начале Первой мировой войны Елизавета Федоровна и Константин Васильевич развернули масштабную благотворительную работу: великая княгиня – в Москве, а К.В.Рукавишников – в Петрограде. Елизавета Федоровна смогла консолидировать общественные усилия по организации помощи раненым и семьям военнослужащих, в то время как силы Константина Васильевича были уже

на исходе. Однако это никоим образом не могло умалить его авторитет в глазах великой княгини – для нее он оставался учителем.

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф.644. Оп.1. Д.206.
2. ГА РФ. Ф.648. Оп.1. Д.32.
3. ГА РФ. Ф.648. Оп.1. Д.33.
4. ГА РФ. Ф.5849. Оп.1. Д.86а.
5. НИОР РГБ. Ф.75. Кн.24.
6. НИОР РГБ. Ф.265. К.124. Ед. хр. 3.
7. ЦГА Москвы. Ф.113. Оп.1. Д.16.
8. ЦГА Москвы. Ф.114. Оп.1. Д.200.
9. ЦГИА СПб. Ф.678. Оп.1. Д.61.
10. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 142 с.
11. Джунковский В.Ф. Воспоминания (1865–1904). М.: Издательство им. Сабашниковых, 2016. 816 с.
12. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884–1909 гг.) / Авт. – сост. А.Б.Ефимов, Е.Ю.Ковальская. СПб.: Алетей, 2009. 848 с.
13. Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. 1905–1918 / Авт. – сост. Е.Ю.Ковальская: В 2 т. М.: Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), 2016. Т.1: 1905–1913. 848 с.
14. Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. 1905–1918 / Авт. – сост. Е.Ю.Ковальская: В 2 т. М.: Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), 2016. Т.2: 1914–1918. 776 с.
15. Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы / Сост.: И.В.Плотникова. М.: Новоспасский монастырь, 2018. Кн.5: 1895–1899. 751 с.
16. Голубцов Георгий, прот. Поездка на Всероссийский Церковный Собор: Дневник (29 января – 18 апреля 1918 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С.121–269.
17. Дневники императора Николая II, 1894–1918: В 2 т. М. РОССПЭН, 2013. Т.2. Ч.1: 1905–1913. 823 с.
18. Зорина А. Судьба Елизаветинской санатории // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск: Новороссийский исторический музей-заповедник, 1996. Вып.2. С.137–145.

19. Исторический очерк развития благотворительной деятельности Елисаветинского общества в Москве и Московской губернии за 20 лет с 1892 по 1912 год: (С 5-ю прил.). М.: Тов-во скоропечатни А.А.Левенсон, 1912. 36 с.

20. Ковальская Е.Ю. Роль великой княгини Елисаветы Федоровны в организации московских благотворительных базаров // Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елисавета Федоровна: московский период: XVI–XVIII Елисаветинско-Сергиевские чтения, Москва, 2013–2015 гг.: избр. ст. / Отв. ред. А.В.Громова. М.: Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, 2017. С.83–96.

21. Краткий очерк благотворительной деятельности Елисаветинского Общества в Москве и Московской губернии за 25 лет с 1892 года по 1917 год / авт. А.Перепелкин, 27 февраля 1917 г. М.: Товарищество скоропеч. А.А.Левенсон, 1917. 10 с.

22. Матвеева Н.Л. Благотворительность семьи Романовых. М.: МГООУ, 2004. 81 с.

23. Материалы по вопросу – Кому помогало и сколько детей призревало в своих приютах, убежищах, яслях и очагах: Елисаветинское благотворительное Общество в Москве и Московской губернии за 20 лет своих действий с 1892 по 1912 год: Приложение к Историческому очерку развития благотворительной деятельности Елисаветинского общества в Москве и Московской губернии за 20 лет, с 1892 по 1912 год / Сост. А.Перепелкин. М.: Товарищество скоропечатни А.А.Левенсон, 1914. 47 с.

24. Московские ведомости. 1893. 5 мая. №122. С.3.

25. Московские ведомости. 1893. 8 мая. №125. С.3.

26. Московские ведомости. 1893. 3 сентября. №241. С.4.

27. Московские ведомости. 1893. 7 сентября. №246. С.3.

28. Московские ведомости. 1893. 24 октября. №293. С.3.

29. Московские ведомости. 1893. 24 декабря. №354. С.2.

30. Московские ведомости. 1894. 21 января. №21. С.3.

31. Московские ведомости. 1894. 2 мая. №119. С.2–3.

32. Московские ведомости. 1894. 13 мая. №130. С.2.

33. Московские ведомости. 1894. 17 мая. №134. С.4.

34. Московские ведомости. 1894. 7 сентября. №245. С.2.

35. Московские ведомости. 1894. 21 декабря. №350. С.4.

36. Московские ведомости. 1895. 9 февраля. №40. С.3.

37. Московские ведомости. 1895. 13 мая. №131. С.3.

38. Московские ведомости. 1895. 13 сентября. №252. С.2.

39. Московские ведомости. 1895. 18 декабря. №348. С.3.

40. Московские ведомости. 1895. 29 декабря. №358. С.3.

41. Московские ведомости. 1896. 4 января. №4. С.3.

42. Московские ведомости. 1896. 8 января. №8. С.2.

43. Московские ведомости. 1896. 9 января. №9. С.3.

44. Московские ведомости. 1896. 12 июня. №159. С.2.

45. Московские ведомости. 1896. 26 июня. №173. С.2.
46. Московские ведомости. 1896. 11 сентября. №250. С.3.
47. Московские ведомости. 1896. 22 октября. №291. С.2.
48. Московские ведомости. 1896. 26 октября. №295. С.2.
49. Московские ведомости. 1896. 3 ноября. №303. С.2.
50. Московские ведомости. 1896. 4 ноября. №304. С.2.
51. Московские ведомости. 1896. 6 ноября. №306. С.3.
52. Московские ведомости. 1896. 23 декабря. №353. С.3.
53. Московские ведомости. 1897. 12 февраля. №43. С.3.
54. Московские ведомости. 1897. 25 марта. №83. С.3.
55. Московские ведомости. 1897. 22 апреля. №109. С.3.
56. Московские ведомости. 1901. 19 мая. №136. С.2.
57. Московские ведомости. 1901. 7 декабря. №337. С.4.
58. Московские ведомости. 1902. 31 января. №31. С.3.
59. Московские ведомости. 1902. 19 мая. №136. С.2.
60. Московские ведомости. 1902. 8 августа. №216. С.2.
61. Московские ведомости. 1904. 13 февраля. №43. С.4.
62. Московские ведомости. 1904. 18 июня. №166. С.2.
63. Московские ведомости. 1904. 23 июля. №201. С.3.
64. Московские ведомости. 1904. 25 августа. №234. С.3.
65. Московские ведомости. 1904. 5 сентября. №245. С.3.
66. Московские ведомости. 1904. 20 сентября. №260. С.3.
67. Московские ведомости. 1904. 30 сентября. №270. С.3.
68. Московские ведомости. 1904. 18 октября. №288. С.3.
69. Московские ведомости. 1904. 22 октября. №292. С.3.
70. Московские ведомости. 1904. 5 ноября. №306. С.4.
71. Московские ведомости. 1904. 7 ноября. №308. С.4.
72. Московские ведомости. 1904. 2 декабря. №333. С.4.
73. Московские ведомости. 1905. 9 февраля 1905. №40. С.3.
74. Московские ведомости. 1905. 20 мая. №136. С.4.
75. Московские ведомости. 1914. 22 мая. №117. С.3.
76. Московские ведомости. 1915. 3 декабря. №278. С.3.
77. Отчет Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1901 год (X год деятельности). М., 1902. 103 с.
78. Отчет Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1903 год (XII год деятельности). М.: Т-во «Печатня С.П.Яковлева», 1904. 82 с.
79. Отчет Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1905 год (XIV год деятельности). М.: Типо-Литография А.Н.Виноградова, 1907. 80 с.

80. Отчет Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1906, 1907 и 1908 годы (XV, XVI и XVII годы деятельности). М.: Типография И.Люндорф, 1909. 152 с.

81. Отчет Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1915 год (XXIV год действий Общества). М.: Тов-во скоропечатни А.А.Левенсон, 1916. 90 с.

82. Отчет Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, 12 февраля 1904 г. – 1 сентября 1907 г. М.: Тов-во скоропечатни А.А.Левенсон, 1908. 192. 41 с.

83. Отчет Марфо-Мариинской обители милосердия за 1910 год. М.: Синодальная типография, 1911. 32 с.

84. Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Городского убежища для сирот за 1896–1897 гг. М.: Городская Типография, 1898. 19 с.

85. Отчет состоявшей при Особом Комитете Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока в Русско-японскую войну, 14 июня 1904 года – 1 апреля 1906 года: [С прил.]. М.: Тов-во скоропечатни А.А.Левенсон, 1907. VIII, 392, 59 с.

86. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская Дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 735 с.

87. Подвижники Марфо-Мариинской обители милосердия / Под ред. прот. А.Шаргунова. М.: Новая книга, [1999]. 144 с.

88. Рукавишникова Евдокия Николаевна (1849–1922) // Москвичи в Первой мировой войне / [Авт. – сост. Н.А.Филаткина]. М.: Патриот, 2014. С. 173–176.

89. Софьин Д.М. Великий князь Сергей Александрович: Путь русского консерватора. Б. м, б. г. [2016]. 240 с.

90. Устав Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии. М.: Типо-Литография А.Н.Виноградова, 1905. 20 с.

91. Устав Елисаветинского благотворительного общества в Москве. М.: Городская Типография, 1892. 15 с.

Приятно воспоминание
о невзгодах минувших.

Вергилий

На пути своих исканий
не бойся бед – в свое время
они сменяются радостью.

Хафиз Ширази

Олег Волобуев

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

ДОРОГАМИ
СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.
1945–1948*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929

В представленном фрагменте воспоминаний описаны отроческие и юношеские годы, проведенные автором после окончания войны в Запорожской области. Этот нарратив включает в себя жизнь у родственников в Пологах, пребывание в детском доме в Каменке Днепровской и учебу в Запорожском техникуме сельскохозяйственного машиностроения. Текст содержит ряд бытовых зарисовок, а также эпизодов из жизни молодого человека, отражающих этапы его взросления.

The presented fragment of memoirs describes the adolescent years spent by the author after the end of the war in the Zaporozhye region. This narrative includes living with relatives in Pologi, staying in an orphanage in Kamenka Dneprovskaya and studying at the Zaporozhye Technical School of Agricultural Engineering. The text contains a number of everyday sketches, as well as episodes from the life of the young man, reflecting the stages of his growing up.

Ключевые слова: послевоенная повседневность; Пологи, Каменка Днепровская, Запорожье; семилетняя школа, детский дом, техникум; социальная адаптация и формирование личности.

Key words: post-war everyday life; Pologi, Kamenka Dneprovskaya, Zaporozhye; seven-year school, orphanage, technical school; social adaptation and personality formation.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

*Продолжение. Начало см.: Журнал «Россия XXI», 2021, №2.

**Пологи. Лето 1945 –
лето 1946-го**

Тетя Люся прилагала все усилия, чтобы вернуться в Ялту. Для переезда в военное время надо было получить разрешение, т.е. иметь официальные

бумаги, дающие право на это. Выбраться из Ново-Ивановки мы смогли только летом 1945 г., когда получили вызов от Михаила Фомича Королевского, младшего брата моего дедушки. Он жил не в Ялте, а в городе Пологи, Запорожской области. При жизни Константина Фомича братья поддерживали тесные родственные отношения. Для тети Люси Пологи были пересадочной станцией. Она, как только появилась такая возможность, отправилась в Ялту. Я временно остался на попечении родственной семьи. Тетя Люся надеялась найти в Ялте работу, решить вопрос с жильем и тогда забрать меня. К тому времени на нервной почве она стала плохо слышать. Кроме того, опять-таки на той же почве, в ее характере и поведении стали усиливаться странности. Все это мешало общению с людьми и налаживанию жизни.

В Пологах я провел год. Своих детей у Михаила Фомича не было. Его супруга Людмила привечала родственников. Вместе с нами в их по тем временам сытном доме временно проживали одесситы – девушка Лия с матерью. Кем они приходились тете Людмиле, не помню. Но помню из разговоров, что отец Лии был советским разведчиком и находился на нелегальном положении в США. Вскоре они уехали в Одессу. Все стремились после миграций военного времени вернуться в родные места.

Пологи находились в 88 км от Бердянска. Это был степной городишко, обязанный своим появлением на свет железной дороге, соединявший Александровск (Запорожье) с Мариуполем и Донбассом. Вся жизнь городка и его развитие связаны были с тем, что он превратился в значительный железнодорожный узел. Работал Михаил Фомич в железнодорожной поликлинике давно, и его знали в городе и окрестностях как опытного и внимательного к людям медика.

В отличие от Ново-Ивановки в южных районах Украины была другая природная и социокультурная среда. Пологи располагались в степной зоне на левом берегу реки Конки – притока Днепра. В свое время река была пограничной между территориями, занятыми Россией и принадлежавшими Крымскому ханству. Эти земли, к югу от Конки, называли Северной Таврией. Ее маркерами были на западе низовья Днепра, на севере – Запорожье (в прошлом – Александровск), на востоке – река Берда с городом Бердянском. В период существования Таврической губернии на этих землях располагались три материковых уезда Таврической губернии – Днепровский, Мелитопольский и Бердянский.

В отличие от почти моноэтнического украинского Коломакского района Северная Таврия была многонациональной. После включения Крымского ханства в состав России Приазовский край заселялся выходцами из русских и украинских земель. В частности, первыми насельниками села Пологи на правом берегу Конки были полтавские крестьяне. Приазовский край также заселялся крымскими греками и армянами, болгарами и немцами. Общим для всех стал русский язык. Большая часть населения говорила на том диалекте русского языка, который позднее на Украине начали именовать суржи́ком (не побоюсь назвать его диалектом)¹. Украинской речи я в Пологах не слышал. Тетя Людмила упорно выводила из моего речевого оборота украинские слова и исправляла произношение и ударения. Похоже, что она в прошлом была учительницей начальной школы.

В связи с теми этнополитическими боями на истощение, которые идут в настоящее время, хочу отметить одну роковую особенность национального миропонимания (вне зависимости чье оно), столь распространенного до сих пор. Оно заключается в том, что мы привыкли этнически маркировать каждый клочок земли, игнорируя тот исторический факт, что в ряде случаев заселение той или иной территории происходило не одним этносом, и вопрос о том, кто пришел и осел раньше, не является аргументом и мандатом на право владения. Просто следует принимать во внимание не только государственную юрисдикцию, но и исторически сложившийся состав населения. Возникают этнически межполюсные зоны. Такими зонами были Северная Таврия, Крым, да и все Северное Причерноморье и Приазовье.

В Пологах я окончил шесть классов. Там в школе встретил своего первого духовного друга Виктора Латышева, мы увлекались поэзией и делились литературными интересами. Мы с увлечением читали и обсуждали прочитанное. В частности, вышедшие еще в годы войны выпуски приключенческого романа «Тайна профессора Бураго». Тогда же я в каком-то литературном журнале наткнулся на роман Джеймса Олдриджа «Морской орел», действие которого разворачивается в годы Второй мировой войны на острове Криг. С Виктором у меня некоторое время шла переписка, но затем угасла. Время «друзей надолго» еще не наступило.

Учился я прилежно, во всяком случае по предметам гуманитарного цикла был в передовых рядах. «Ловил» несколько раз нашу учительницу истории на неточностях, но ни с кем из соучеников на этот счет не распространялся, не хотел ее подводить. По рекомендации школы дважды выступал

¹ Суржик, на мой взгляд, по своей типологии и процессу исторического формирования близок к такой лингвистической категории, как койне, складывающейся на основе «перемешивания» близкородственных языков.

по местному радиовещанию. Один раз наизусть читал отрывок из «Они сражались за родину» Шолохова, другой раз – сцену битвы из поэмы «Полтава» Пушкина («Горит восток зарею новой...»). Пушкинские строки с некоторыми издержками помню до сих пор.

Но вот с тетей Людмилой отношения никак не налаживались. Не то что они были плохими, они, точнее, были никакими. Михаил Константинович со мной разговаривал редко. Много работал, несмотря на преклонный возраст. Кроме того, пациенты приходили к нему консультироваться и на дом. Он им не отказывал. Медиков на гражданке не хватало. Не знаю, мешал ли я ему. Но, думаю, что ритм его жизни нарушал. Тете Людмиле же хлопот доставлял. Изголодавшийся за военные годы, тайком раскрывал банки с домашним вареньем, чтобы полакомиться. По наивности полагал, что делаю это незаметно. Совесть не мучила: ведь банок было много.

Меня надо было не только кормить, но также мыть и обстирывать. Да и отвечать за четырнадцатилетнего подростка престарелым супругам было тяжеловато. Тетя Люся регулярно писала из Ялты, но за мной не приезжала. Переписка с отцом прервалась. Я возлагал, не без основания, вину за это на тетю Людмилу. Под ее диктовку мной было написано по глупости письмо, в котором я жаловался, что у меня нет чего-то из одежды и обуви. Мой случай не мог не беспокоить родственников. И тетя Людмила стала предпринимать меры по моему жизнепристройству.

Не могу сейчас вспомнить, кто мне показал секретаря обкома, приехавшего в Пологи. Такие приезды областного начальства были заметным событием местного значения. Говорили, что это новый секретарь Запорожского обкома партии. Шел он в сопровождении «свиты» по прокаленной летним солнцем пыльной улице. В облеченном властью человеке была какая-то раскованность. Мне показалось, что компания была слегка навеселе. Но не исключаю и ошибочного впечатления: южане ведут себя темпераментно, говорят громко и часто нараспев. Я не мог и предполагать тогда, что это событие – приезд первого в области лица, посланца ЦК Коммунистической партии – обернется очередным поворотом в моей судьбе. Впрочем, Леонид Ильич Брежнев официально тогда еще и не вступил в должность первого секретаря Запорожского обкома. Избрание состоялось 30 августа 1946 г.

Описанный мной эпизод относится, скорее всего, к августу, но накануне избрания, когда Брежнев знакомился с областью, которую ему предстояло возглавлять в течение года. В четвертой книге его «Воспоминаний», названной очень точно «Возрождение», так рассказывается об этих днях: «Шло жаркое лето 1946 года. В тот год партия направила меня в Запорожье. Мне

поначалу было поручено ознакомиться со всеми делами области, обратив особое внимание на строительство и сельское хозяйство. ЦК партии выдал мне соответствующий мандат, и я, не теряя времени, выехал в область» [1, с. 123]. Так, еще не сняв военную форму, Леонид Ильич оказался на дорогах разрушенной войной Северной Таврии. И колесил по ним в течение года. Есть у него и упоминание Пологовского района, которое относится к весне 1947 г. В период сева Леонид Ильич возвращался из Бердянска в Запорожье и на полпути вздумал заночевать в прошлогоднем стоге сена (штрих к характеристике личности), чтобы к семи утра быть в Пологах. Прибыв туда, Брежнев узнал, что в передовой статье газеты «Правда» резкой критике подвергся партком «Запорожстроя» за низкие темпы восстановительных работ. Услышав эту новость, Брежнев заметил: «Значит, будет звонить Сталин. Надо ехать».

Кто конкретно говорил обо мне с будущим секретарем обкома, не ведаю. Но первичный импульс исходил от моих родственников, чего они и не скрывали. Им удалось добиться моего устройства в детский дом. Откровенно говоря, эту весть я воспринял весьма оптимистично. Тяготило положение зависимости от людей, хотя – не могу пожаловаться – относились они ко мне с сочувствием и благожелательностью, но – и это тоже я понимал – рады были избавиться от навязанного им и не вполне прижившегося хлопчика.

Уже будучи взрослым, я не раз возвращался к личности человека, сыгравшего значительную роль в моей судьбе. Не раз в период продолжительного пребывания Леонида Ильича Брежнева на посту генсека я в частных разговорах высказывал свои соображения на этот счет. И почти каждый, с кем я делился, советовал написать Брежневу. Делать этого я не стал. А разговоры такие прекратил. Считал, что напоминание может быть истолковано как завуалированная просьба о покровительстве. До сих пор временами остаюсь в сомнении, правильно ли я поступил, что не написал. И до сих пор меня интересует его личность, его человеческая сущность. Нет, не его «деяния» на посту генсека, а именно Личность.

Порой я вчитывался в «Воспоминания» Л.И.Брежнева, надеясь обнаружить сквозь завесу политической риторики человеческую сущность генсека. Прочитирую из них фрагмент: «...Просто приятно бывает открыть для себя хорошего человека – рабочего, колхозника, строителя, агронома, художника, журналиста, ученого. Я никогда не жалел на это времени...» [1, с.142]. Обратим внимание на глагол «открыть» и определение «хорошего человека». «Открыть» можно только то, что интересно и важно. Рассказывают, что незадолго до смерти Леонид Ильич попросил, чтобы его посетил Николай Сличенко и спел что-нибудь есенинское.

В один из дней меня «собрали» и отправили на новое местожительство. В Запорожском обкоме меня «принял» один из ответственных товарищей, которому было дано «свыше» поручение заняться моим делом. Переночевал я в его просторной квартире. В семье было две дочери примерно моего возраста, с которыми я провел «гостевое время». На следующий день меня отправили в Каменско-Днепровский детский дом. Больше я с Запорожским обкомом ни прямо, ни косвенно не общался. Да и в обкоме, полагаю, обо мне не вспоминали.

**Каменка-на-Днестре.
Август 1946 – август 1947-го**

Детский дом в Каменке-на-Днестре встретил меня пустынной тишиной. Почти все его воспитанники трудились в подсобном хозяйстве. Подсобные хозяйства тогда имели многие предприятия и учреждения. Они создавались в военные годы и оказались необходимыми и в первое послевоенное время. Времена были голодными, а обеспечивала население продовольствием карточная система. Детский дом располагал довольно значительным хозяйством, летом и осенью шли заготовки картофеля, овощей, фруктов на зимне-весенний период. Зато весь год можно было готовить борщ и варить по сезону из свежих или сушеных фруктов компоты. Подсобные хозяйства предприятий и организаций, возникшие в годы войны, представляли собой уникальное явление в мировой экономике. Начало их повсеместному появлению положило постановление Совнаркома СССР от апреля 1942 г. Заметим, что лечебные учреждения, детские дома и ясли, дома инвалидов налогами не облагались и использовали продукцию своих подсобных хозяйств полностью на свои нужды. Роль подсобных хозяйств в степной Украине в связи с голодом 1946–1947 гг. не уменьшилась по сравнению с военным периодом. В соседней с Запорожской Николаевской области, согласно сведениям облисполкома с грифом «сов. секретно», на февраль 1947 г. насчитывалось 56200 больных дистрофией детей и 1500 взрослых. В детских домах благодаря государственному снабжению и подсобным хозяйствам таких случаев не было. В июне 1947 г. в той же Николаевской области финансовый отдел информировал облисполком и обком КП(б)У, что с июля финансирование 41 тысячи детей и 9 тысяч взрослых не предусмотрено из-за отсутствия хлеба в сети общественного питания [3]. Мне повезло (спасибо Л.И.Брежневу!), что в период засухи 1946 г. я попал в специальный детский дом для детей военнослужащих.

Поселок городского типа Каменка-на-Днестре (с 1945 г. пгт Каменка Днепровская, с 1957 г. получил статус города) в то время выглядел как село.

Располагался он между Днепром и Белоозерским лиманом, образованным устьем речки Великая (Большая) Белоозерка. Места эти славились своими овощами и фруктами. Сейчас в городе установлены памятники Огурцу и Арбузу. Изменилась и топография города после создания огромного водохранилища – так называемого Каховского моря. Заглядываю в Википедию. Сведения по Каменке Днепроградской, похоже, заканчиваются 2012–2014 гг. По населению на 2011 г. в городе проживает 13653 человек. Официальные языки – украинский и русский. Фактически 95% населения, согласно Википедии, составляют русскоговорящие жители.

Детдом был предназначен для детей, чьи родители в войну погибли, потерялись (пропали без вести и т. п.) либо стали инвалидами, почему он и именовался специальным. Питание было по тем временам очень хорошим. Было достаточно такого ценного продукта, как хлеб, и готовили вполне прилично блюда из государственных поставок и продуктов своего подсобного хозяйства. Производилась регулярная смена постельного и нижнего белья. Все были одеты и обуты. Зимой не мерзли. По суровым меркам нормативных оценок повседневной жизни того времени можно сказать, что ни в чем не нуждались.

Знакомство с детдомовской жизнью началось с того, что несколько ребят завлекли меня на пустырь и предложили поменяться тапочками. Мои новые кожаные ушли к одному из них, а мне достались чьи-то обноски. После такого неравноценного обмена я был принят детдомовской средой как свой. Мои потери были платой за вхождение в нее и одновременно проверкой на «вредность». Усвоивший в военные годы «уроки жизни» я понимал, что плакаться и жаловаться есть нарушение моральных норм мальчишеского коллектива.

Нельзя сказать, что у меня не было конфликтов. Один раз я, – сейчас не помню из-за чего и даже с кем из детдомовцев, – крепко подрался. И, обиженный, ушел в ночь из детского дома. Забрел я тогда в абрикосовый сад (Ах! Какие замечательные абрикосы были в Каменке Днепроградской!) и попался на глаза сторожу. Так у него до утра и пробыл. Он меня успокоил разговорами, и утром я вернулся в детский дом. Все, кто знал обстоятельства моего ночного отсутствия, не подавали вида, что знали о каких-то нарушениях режима. Был я очень обидчивым пареньком, и эта черта характера не шла мне на пользу. Плохо, если с годами и опытом гипертрофированная обидчивость не проходит. Мешала и чрезмерная вспыльчивость. Один из детдомовцев, с которым у меня сложилась взаимная симпатия, часто поддразнивал меня и говорил: «Ты зажигаешься, как спичка, сразу».

Волобуев (слева) и Курило, Каменско-Днепровский детский дом

В школу ходили детдомовцы вместе с ребятами из Каменки. Большинство детей были переростками для тех классов, в которых они учились. Особенно в детдоме гордились одним воспитанником, которому удалось получить десятилетнее образование и поступить в вуз. При мне семилетнее образование удалось завершить только троим детдомовцам, включая меня. Зато богатый улов ежегодно черпали из детдома ФЗУ (фабрично-заводские училища). Один из моих сверстников Петренко покинул детдом и был принят в школу юнг в Дербенте. Оттуда он прислал мне письмо с фотографией в морской форме. Я позавидовал ему и сам стал задумываться, а не пойти ли по его пути.

Переписывался я с тетей Люсей, которая обосновалась в Ялте. С ее психическими и мировоззренческими особенностями, с ее глубокой религиозностью и неполным пониманием специфики советского общества, трудно было найти себе место в послевоенной жизни. Но я твердо решил закончить семилетку, оставаясь в детском доме. В идеале мне хотелось быть не с кем-то, а самостоятельным. Под этим углом зрения (отнодь не идеологическим) я рассматривал свое вступление в комсомол, как своего рода один из ритуалов инициации, как этап взросления. Чудом сохранилась моя открытка тете Люсе, датированная декабрем 1946 г., в которой я поздравлял

Петренко, юнга Каспийского пароходства, воспитанник Каменско-Днепровского детского дома

ее с Новым годом и сообщал, что стал комсомольцем.

Я никогда не сожалел, что провел год в Каменско-Днепровском детдоме, несмотря на то, что были обиды, драки и другие сложности. С начала детдомовской жизни я больше ни от кого персонально не зависел, не считал, что кто-то что-то должен мне, получил право на самоопределение после окончания семилетки. В детдомовском коллективе – и в этом определенный парадокс – я завершил свое становление в качестве индивидуалиста.

Не помню ни одной художественной книги, прочитанной в детдомовский период. Похоже, в этот год такое удовольствие мне не выпадало.

Но я завел общую тетрадь в полутвердой обложке, в которую записывал детдомовский фольклор. Это были блатные и полублатные песни. Назову несколько из них. «Парень в кепке и зуб золотой»² на сюжет знаменитой «Мурки». Ее героиня Любка, как и Мурка, любила и по приказу угрозыска «убрала» своего парня. «Гоп со смыком, это буду я» – непонятный тогда мне припев, давший название песни. Этот залихватский припев завораживал звучанием и непонятностью³. «Два громаилы» с обличительным выпадам против коррупции в правосудии: «А направо прокурор, по глазам он суший вор. А налево заседатель – он карманный выгребатель». И закончу этот перечень сентиментальной и не блатной «Девушкой из маленькой таверны», которую полюбил «суровый капитан».

Подводя итоги моей детдомовской жизни, не могу не отметить, что у меня сохранились о ней теплые воспоминания. Как-то ко мне напросилась на разговор аспирантка из Перми, которая работала над диссертацией о школьном образовании в послевоенные годы. Рекомендовал ее коллега из Пермского пединститута профессор А.Б.Суслов. Она очень удивлялась

² Золотая коронка на зубе, фикса на воровском жаргоне, – знак принадлежности к блатному миру.

³ «Гоп со смыком», по истолкованию, означает неожиданное бандитское нападение с целью ограбления, которое должно психологически подавить у жертвы волю к сопротивлению.

моим в целом положительным оценкам послевоенной советской школы и, в частности, тому, что я никогда не был пионером. Да не до пионерской работы было в школах, которые в период войны пережили вражескую оккупацию⁴. Здания требовали ремонта, школы надо было отапливать, некому было преподавать, не было учебников и тетрадей. Дети в меру своих возможностей помогали выживать семьям. Никаких школьных так называемых «линеек» по утрам не было. Никаких пионерских сборов я также не помню. Тщетно эта аспирантка добивалась от меня информации о воспитательной работе. Трудового воспитания и так было более чем достаточно. Для идеологической пропаганды хватало жизненных примеров: не вернувшихся в свои семьи отцов и братьев, разрушенных домов и школ, тяжелой, индивидуальной и коллективной, ноши военных и послевоенных бед и лишений. Другое дело, что не доставало квалифицированных учителей. Их не слишком много и сейчас, но уже по другим причинам.

**Запорожье.
Сентябрь 1947 – июль 1948**

И вот в моих руках Свидетельство об окончании семилетней школы. С детдомом буду прощаться, но куда поступить – это очень неясный

для меня вопрос. Информация была тогда поставлена плохо. Денег у меня не было. Оставалось только искать среднее учебное заведение в Запорожье. В детдоме мне рекомендовали сдать документы в техникум сельхозмашиностроения при заводе «Коммунар». Будет профессия, устроишься там же, в Запорожье на завод. Станешь человеком. Завод, основанный еще в середине XIX в., был известен в СССР своими комбайнами (пионер в этом деле). Эти машины, как и завод, назывались «Коммунар». В послевоенное время завод сохранил свой производственный профиль. Первая партия новых комбайнов была выпущена в 1947 г. Позже завод был преобразован в автомобилестроительный, но это уже, как говорят, другая история.

Итак, началась моя новая, уже не школьная, жизнь в индустриальном Запорожье. Техникум, в который я поступил, по всей видимости, не имел общежития. Для меня и еще одного учащегося с выразительной фамилией Корж, тоже бывшего воспитанника другого детского дома, сняли комнату в частном жилом фонде. В то время строго следовали

---

⁴ Нашел в Интернете фотографию хора девочек детдома имени Крупской из Каменки Днепропетровской 1953 г. Все в пионерских галстуках, а над ними на втором плане лозунг «Слава Сталину!» За 5–6 лет после моего пребывания в этом детдоме (не уверен, что при мне он носил имя Н.К.Крупской), наверное, многое изменилось, в том числе и в отношении воспитания и досуга [2].

требованию обязательно предоставлять воспитанникам детского дома жилье, казенное или съемное.

Дом, где мы вдвоем жили в течение года, находился в так называемом Южном поселке (недалеко от железнодорожной станции Запорожье-2), типичном рабочем поселке, застроенном частными одноэтажными домами. Хозяевами его были женщина с сыном, репатриантом, угнанным в Германию в период оккупации. Сын был старше нас лет на семь и вернулся в СССР с подорванным здоровьем. Война не прошла бесследно ни для взрослых, ни для детей, у моего сокомнатника было повреждено несколько пальцев на руке.

Жить стало легче после денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г. Я не согласен с той ее негативной оценкой, которая получила распространение в постсоветское время, когда на первый план стали выдвигаться денежные потери населения в результате реформы. Конечно, определенная часть населения понесла убытки, но у большей части населения ничего за душой, кроме мизерных трудовых зарплат, не было. Эти люди с пустыми карманами выиграли: инфляция

была приостановлена, в магазинах появились продовольственные товары по ценам выше, чем по «карточкам», но ниже так называемых коммерческих (продажа в магазинах по коммерческим ценам) и рыночных.

Корж, учащийся 1-го курса техникума сельскохозяйственного машиностроения в Запорожье, воспитанник Нововасильевского детского дома.

Комбайн «Коммунар»

Но и до денежной реформы и после приходилось экономить. Питались мы главным образом дома. Готовили сами на хозяйской кухне. В общем, в нашей – назову ее студенческой – семье царили мир и взаимопонимание, но без благоденствия. Время от времени я ездил в гости, в свой Каменско-Днепровский детдом. Встречали меня там душевно, и оттуда я привозил крупы, сухофрукты и другие дары. Детдом заботился о своих питомцах и помогал им, как мог, особенно за счет своего подсобного хозяйства. Надо сказать, что отношение к детям войны было сочувственное. Приведу один из таких эпизодов. Сапожник, починивший мою порванную обувь, узнав в разговоре со мной, что я бывший детдомовец, не взял с меня ни гроша. Иногда через весь город, растянувшийся вдоль Днепра, я ездил на трамвае к нашим знакомым «на правый берег». Это были ялтинцы, две сестры, которые, как и мы, перебрались из голодной Ялты на Украину. Многие люди, прошедшие войну, может и не отличались сентиментальностью, но не задумывались, когда надо было помочь.

Конечно, были и другие люди, которых ожесточила война и которые готовы были жить за счет усугубления страданий других. В детский дом я ездил в поезде до Никополя (87 км от Запорожья), расположенного на правом берегу Днепра, и оттуда переправлялся в Каменку речным паромом. Ездил, разумеется, «зайцем», обычно в тамбуре вагона⁵, а то и повиснув на подножке. Таких «зайцев» тогда было немало. Одна из позднеосенних или ранневесенних поездок чуть не закончилась для меня трагически. Было в ночное время холодно, а я висел на подножке и не мог попасть в тамбур. В тамбур набился «народ», и засевшие в нем никого больше не хотели туда пускать. Наконец – это было, когда поезд проезжал остров Хортицу – дверь приоткрылась, и я только-только ступил на тамбурную площадку, как сильным толчком меня выбросило наружу. Мне повезло, так как я одной рукой держался за поручень, на котором завис, вцепившись в него мертвой хваткой. Подо мной был глубокий овраг, а поезд мчался по перекинутому через него железнодорожному мосту. На следующей остановке мне удалось пристроиться в тамбуре другого вагона. В который раз судьба не дала мне погибнуть.

Учащиеся техникума были разновозрастными. Близких товарищей среди них я не обрел. Среди преподавателей техникума были классные специалисты. Особенно я бы выделил учителей математики и химии. Так, преподаватель математики (предмет, который был мне всегда чуждым) поражал придуманными им задачками, «взятыми из жизни» («я сегодня ехал в трамвае мимо строящегося дома и подумал, какие формулы надо применить, что-

⁵ У меня был универсальный ключ от тамбура, четырехгранный, полый изнутри.

бы высчитать...») Преподаватель химии сумел за несколько первых уроков дать нам понимание химических связей и реакций. Благодаря ему, я быстро усвоил азы химии и преодолел к ней отвращение, которое питал в седьмом классе (единственная тройка по химии). Но был один учебный предмет, который мне не давался – черчение. Я почему-то не мог сообразить, как процируют на чертеж даже простейшие предметы. При всем старании прямые линии у меня скособочивались и причудливо перекрещивались.

В Запорожский период я увлекся научно-популярной литературой. Меня заинтересовало происхождение жизни на Земле. А конкретнее: материалистическая эволюционная теория, или объяснительная модель академика А.И.Опарина. Его термин «коацерваты» – коллоидные сцепления в первичном белково-нуклеотидном синтезе – прочно отложился в моей памяти. Еще одним увлечением стал двухтомник «Избранное» К.Маркса и Ф.Энгельса, который я купил на свои скудные средства. Для меня привлекательны были их исторические произведения, такие как «18 брюмера Луи Бонапарта». Читал я их с удовольствием, не все понимая, в течение длительного времени. Простудировал (именно простудировал, как тогда мог) я и «Манифест Коммунистической партии». Сейчас я бы отнес его по жанру к научно-популярной литературе, к изложению авторами разработанной ими гипотезы о развитии человеческого общества с его утопическим финалом. Но материалистическая трактовка развития общества была мною схематично усвоена: просто и блестяще! Просто и блестяще классики писать умели.

Один раз мне пришлось быть в Запорожском драматическом театре на постановке пьесы по мотивам «Овода» Э.Л.Войнич. Инсценировка по мотивом романа было много, начиная с лондонской оперы 1898 г. «Овод» исключительно драматичен по сюжетной линии. А его герой романтичен и предан революционным идеалам. Переживание судьбы героя трогало до слез. Это первое в моей жизни посещение театра произвело неизгладимое впечатление. Овод как герой сродни Павлу Корчагину по характеру, духу, по индивидуальности. Книги о них очень действуют в определенном возрасте в силу романтического порыва и идеалистического флера, которые скрывают их художественное несовершенство.

Прошел учебный год пребывания в техникуме. Я понимал, что техническая специальность – это не мое не то что призвание, но даже дело. Я для него не гожусь, и оно не годится для меня. Надо было принимать решение. И я его принял, ни с кем не советуясь: подал заявление на отчисление из техникума.

Куда ехать, было ясно. В Крым, в Ялту. Куда поступать – тоже. В Ялтинскую школу юнг. Отсутствие денег на поездку меня не беспокоило. В те вре-

мена для таких, как я, это не было проблемой. Нарушенный и разрушенный войной порядок жизни восстанавливался медленно.

Наступил тот летний поздний вечер, когда с легкой котомкой, в которой вмещались смена белья, недельный продовольственный паек и средства гигиены, да еще двухтомник Маркса и Энгельса (последнее сегодня звучит фантастично), я выбрал подходящий товарняк на железнодорожном вокзале и пустился в не первое в моей жизни путешествие. Ночью ехать на товарняке, как говорили тогда, было «в самый раз»: шансы попасть в руки дорожной милиции были незначительны. Уже в полутьме я разглядел, что на той же открытой платформе с противоположной стороны пристроился еще один путешественник. Положил котомку под голову и вздремнул. Ранним утром товарняк сделал остановку в Мелитополе, я соскочил с поезда и целенаправленно двинулся на перрон, где обычно можно было налить себе кипяточку. Там я обнаружил своего попутчика по платформе, который как-то быстро исчез со своим утренним кипятком. Когда я собрался позавтракать, то выяснилось, что мой попутчик ночью вытащил из моей котомки часть кускового сахара. Было немножко обидно, но он оказался правильным пацаном и действовал по принципу «делиться надо». Почти на сутки пришлось задержаться на станции Новоалексеевка. Я и еще один парень скрывались в пустых товарных вагонах на запасных путях. Сейчас Новоалексеевка – конечная станция Приднепровской железной дороги. Между Крымом и Украиной железнодорожное сообщение через перешеек прервано.

Вскоре удалось добраться до Джанкоя. Это уже был Крым в его степном варианте. От Джанкоя до Симферополя я победоносно промчался на каком-то скором пассажирском поезде. Конечно, не в вагоне, а на его подножке. Теплый ветер раздувал рубашку. Настроение было радостное, на подьеме. После длительных скитаний я, наконец, вернулся в родные места.

Библиографический список

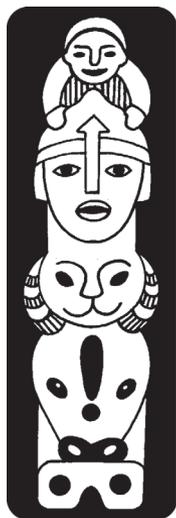
1. Брежнев Л.И. Воспоминания. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 539 с.
2. Индустралка – новости Запорожья. Электронный ресурс. URL: <http://iz.com.ua/zaporoje/zaporozhskie-kanikulyi-1949-goda-unikalnyie-foto> (дата обращения 05.07.2021).
3. Мельник М.А. Голод на Украине 1946–1947 гг. // Державный архив Николаевской области. Электронный ресурс. URL: <http://mk.archives.gov.ua/pubonsite/93-pubgolod4647.html> (дата обращения 04.07.2021).

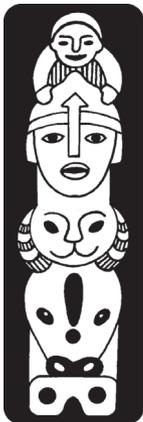
Я целиком за свободу самовыражения, при условии, что она будет под строгим контролем.

Алан Беннетт

Цензор: человек, наделенный редкостным даром вычеркивать и вырезать именно то, что мы хотели бы увидеть, услышать или прочесть.

Эндрю Маккензи

Кирилл Юдин

**«КИНО... НЕ
МОЖЕТ БЫТЬ
АПОЛИТИЧНЫМ»:**

**КОНТРОЛЬ НАД
СОВЕТСКИМ
КИНОИСКУССТВОМ
(1928–1941 гг.)**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94(47).084.6

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений партийно-государственной власти и советской кинематографической интеллигенции. В центре внимания исследования – процессы контрольно-цензурного, репрессивного и информационно-идеологического воздействия на крупнейших деятелей культуры и работников кинопромышленности. Показывается, что выбранный хронологический отрезок имеет условно-символические границы. Делаются выводы о функционировании следующих методов и форм контроля: институциональная многоликость, социальная мобилизация, политизация повседневности и медиапространства. Обосновывается их общесистемный и универсально-долговременный, метаисторический характер применения. Их интенсивность повлияла на состояние современной коллективной / социальной памяти и восприятие кинофильмов, обладавших высокой идейно-художественной ценностью, но косвенно способствовавших идеализации сталинской эпохи в научной историографии и общественном сознании.

The article examines the problems of the relationship between the party and state authorities and the Soviet cinematic intelligentsia. The research focuses on the processes of control and censorship, repressive and informational and ideological impact on the largest cultural figures and workers in the film industry. It is shown that the selected chronological segment has conditionally symbolic boundaries. Conclusions are made about the functioning of the following methods and forms of control: institutional diversity, social mobilization, politicization of everyday life and media space. Their system-wide and universal-long-term, metahistorical nature of their application is substantiated. Their intensity influenced the state of modern collective / social memory and the perception of films that had a high ideological and artistic value, but indirectly contributed to the idealization of the Stalinist era in scientific historiography and public consciousness.

Ключевые слова: советская культура; сталинизм; киноискусство; интеллигенция; социальная мобилизация; политико-идеологический контроль; цензура.

Key words: Soviet culture; stalinism; cinematography; intelligentsia; social mobilization; political and ideological control; censorship.

E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. происходит усиление партийно-идеологического контроля над всеми формами культуры. Начинает доминировать «фактор Сталина». Кремлевский диктатор выступал главным «экспертом», судьей-арбитром и «патриархом-цензором», приобретавшим исключительное право «интервенций без правил» [56, с. 10, 11] в рамках осуществляемой «онтологической режиссуры», предполагавшей идеологическую сегрегацию, разделение общества на «своих» и «чужих» [61], представителей подлинной советской интеллигенции и носителей «буржуазных» интеллектуально-политических «извращений». «Вредительство буржуазной интеллигенции, – был убежден И.В.Сталин, – есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма» [8, с. 387–388].

**Теоретический
и историографический
контекст**

Проблемам взаимодействия власти и кинематографического сообщества, приобретшего в период сталинской диктатуры остроконфликтный и напряженный характер, в исследовательской литературе всегда уделялось существенное внимание. На протяжении длительного времени происходило формирование и непрерывное обновление историографического поля. В опубликованных работах отечественных исследователей: Р.Н.Юренева [62; 63], Н.М.Зоркой [23; 24], Е.С.Громова [18], Е.А.Добренко [20], К.Э.Разлогова [41], В.И.Фомина [26; 33], А.В.Федорова [54], зарубежных авторов: Ж.Садуля [43], Е.Теплица [50], Д.Янгблад [68], П.Кенеза [65], П.Бабитского и Д.Римберга [64; 67], Д.Миллер [66], коллективных монографических трудах [27] по истории советского кино феномен сталинизации медиапространства преимущественно рассматривался в широком культурном, теоретическом [60], политико-идеологическом контексте, взаимосвязи сложившейся системы управления страной и организации киноиндустрии.

Был дан импульс для активно развивающегося направления исследований и области знаний – исторической имагологии, позволяющей через призму образно-визуальных конструктов успешно дополнять картину, углублять представление о специфике информационно-политического воздействия сталинского режима на интеллектуальное пространство. Это работы В.Э.Багдасаряна [11], А.В.Федюка [55], А.В.Зябликова [25], Н.Б.Лебиной и М.В.Тереховой [32], В.А.Сомова [47], А.В.Озерского [37], Г.П.Сидоровой [45], М.И.Косиновой [29], Т.Ю.Дашковой [19], В.В.Солovieвой [46], Н.Ю.Спутницкой [48] и других, затрагивавших материально-технические аспекты, агитационно-пропагандистские, культур-

но-просветительские, аксиологические, коммуникативные функции сталинского взрослого и детского кинематографа как инструмента конструирования повседневности, коллективной памяти и идентичности.

В целом, все исследователи с разными концептуальными вариациями единодушны во мнении о высокой востребованности киноискусства 1930-х – начала 1940-х гг., превратившегося в «бюрократический монолит» [66, p.183] для трансляции ценностей и установок «новой имперской идеологии в ее советской версии (так называемого, сталинского времени)» [51, с.204], что сопровождалось принудительным двойным «укрощением» нигилизма кинематографической и научной интеллигенции через образы «правильных» и «неправильных» ее представителей [16]. «Ни одна картина, – отмечала Т.В.Гаврилова, – тем более идеологического характера, не могла избежать корректировки. Даже такой, казалось бы, далекий от политики фильм, как "Челюскин", посвященный полярной экспедиции Отто Шмидта, столкнулся с рекомендацией: "Больше отразить внутреннюю жизнь лагеря Шмидта на льду, в частности, роль партийной группы"» [17, с.24]. Сформировалась, обоснованно полагают Н.Б.Лебина и М.В.Терехова, «советская кинематографическая автаркия <...> – иерархическая система кинопроизводства и контроля не только над содержанием, но и их художественной формой» [32, с.92].

В то же время, как представляется, некоторые сюжеты, а именно – особенности применения контрольно-цензурных технологий, влияние институциональных факторов, проявившихся в виде деятельности специальных ведомств внутрипартийного надзора при выстраивании кинополитики в довоенный период, – требуют дополнительного изучения.

Усиление контроля над советским киноискусством

Важную роль в установлении таких политико-технологических параметров сыграло первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии, состоявшееся в марте 1928 г. Еще до свершения «звучковой революции» категорически подчеркивалось, что «кино, как и всякое другое искусство, не может быть аполитичным» [7, с.430–431]. Перед советской кинематографией была поставлена грандиозная цель – превратить художественный фильм в «средство коммунистического просвещения и агитации, орудие партии в деле воспитания и организации масс вокруг основных задач строительства социализма...» [7, с.436]. В проекте постановления Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ от 13 сентября 1931 г. устанавливались императивы по искоренению «политиче-

ски слабой» кинопродукции, содержащей в себе «формалистские, реакционно-попутнические тенденции» [3, с.431]. Аналогичные установки были озвучены и зафиксированы в Уставе РОСАППК, закрепленные специальным постановлением ЦК ВКП(б) «О советской кинематографии» от 8 декабря 1931 г. [3, с.421–429, 440].

Таким образом, можно говорить о конструировании желаемого и предпочтительного для властей сталинского режима, облике кинематографического интеллигента, верифицирующего свой статус на основании главного критерия – умения сочетать «высокохудожественное мастерство и технику с выдержанным политическим содержанием» [3, с.441] результатов творчества. «Кино, – был убежден И.В.Сталин, – в руках Советской власти представляет огромную, неопенимую силу. Обладая исключительными возможностями духовного воздействия на массы, кино помогает рабочему классу и его партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы на борьбу за социализм, подымать их культуру и политическую боеспособность» [10, с.51]

Как отметил в своем докладе, сделанном на VI Всесоюзном производственном совещании по художественному фильму в январе 1935 г., начальник ГУКФ Б.З.Шумяцкий, советские кинематографисты должны были стремиться к созданию «больших произведений», а также «монументальности главенствующего образа» [58, с.5, 21]. В качестве достойных примеров таковых приводились картины: «Чапаев», «Юность Максима», «Летчики», «Пышка», «Три песни о Ленине» [58, с.19]. Однако не меньшее (если не большее) значение придавалось советской комедии, способной конкурировать с американским/голливудским кинопроизводством. Комедиографическая состоятельность выступала фактически конвенционально установленным индикатором идейно-художественной и политической благонадежности режиссера.

Показательным в этом отношении можно считать ситуацию, связанную с резонансом, вызванным кинофильмом Г.В.Александрова «Веселые ребята» (СССР, 1934). Картина, как известно, была одобрена И.В.Сталиным, который высказался следующим образом: «Вот здорово продумано. А у нас мудрят и ищут нового

Начальник ГУКФ при СНК СССР
(затем ГУК КПДИ при СНК
СССР) Б.З.Шумяцкий

в мрачных "восстановлениях", "перековках". Я не против художественной разработки этих проблем. Наоборот. Но дайте так, чтобы было радостно, бодро и весело» [15, док.№5]. Ведомственному пристрастию, проявленному некоторыми членами кинокомиссии, неосмотрительно назвавшими картину «контрреволюционной», «дрянной, хулиганской, насквозь фальшивой» [4, с.246], был дан решительный отпор, как проявлению «самого отвратительного зашательства, заезжательства», «пуристанской ограниченности» [58, с.24]. Эти слова были адресованы, в первую очередь, наркому просвещения А.С.Бубнову. «Андрей Сергеевич Бубнов, которому почему-то снятся лавры кинематографистов, – писал Б.З.Шумяцкий К.Е.Ворошилову 29 июля 1934 г., – никак не может смириться с мыслью, что кино ему, как наркому просвещения, не передано. И вот он-то и является главным заводилой во всех этих сворах и бестактностях» [4, с.248].

Нужно отметить, что это был далеко не единственный конфликт в среде руководства советской киноиндустрией и кинематографической интеллигенции. Об этом свидетельствует докладная записка председателя кинокомиссии Оргбюро ЦК ВКП(б) А.И.Стецкого И.В.Сталину и В.М.Молотову, в которой он констатировал весьма напряженный характер взаимоотношений с ГУКФ и его руководителем – Б.З.Шумяцким. «Работа комиссии, – отмечал Стецкий, – нарушала сложившиеся в ГУКФ "традиции", когда в производство шли негодные сценарии, по которым снимались негодные картины, подвергавшиеся лишь потом, когда сотни тысяч рублей были уже истрачены, всяческим исправлениям» [4, с.225]. Речь шла о картине «Одна радость», при экспертизе которой Оргбюро ЦК ВКП(б) 7 декабря 1933 г. встало на сторону кинокомиссии: «Признать правильной оценку кинокартины "Одна радость", данную кинокомиссией Оргбюро. Предложить т. Шумяцкому либо не выпускать вовсе картину "Одна радость", либо переделать ее коренным образом в соответствии с указаниями, сделанными на заседании Оргбюро» [4, с.228]. В августе 1936 г. председатель КПДИ при СНК СССР П.М.Керженцев сообщил В.М.Молотову о непосредственном нарушении Б.З.Шумяцким ведомственной субординации: «Тов. Шумяцкий, – с возмущением писал он, – продолжает считать, что ГУКФ – это совершенно самостоятельная организация, которая должна только время от времени посылать в Комитет какие-то бумажные сводки и справки. <...> Несмотря на договоренность и мои специальные приказы об утверждении руководящих работников в системе ГУКФа постановлением Комитета, т. Шумяцкий продолжает снимать и назначать всех без исключения работников своей системы, абсолютно никогда ничего не говоря об этом и стремясь поставить меня перед свершимся фактом» [4, с.340].

Сталинизм и советская творческая интеллигенция

1930-е гг. стали ареной серьезных испытаний, жесткой проверки на психополитическую устойчивость многих ведущих советских кинема-

тографических интеллигентов, уже к тому времени признанных мэтров, таких, как С.М.Эйзенштейн, А.П.Довженко, Ф.М.Эрмлер, И.А.Савченко и некоторых других. Одним из первых, «инсталляционных» политических «дел» в отношении кинематографической интеллигенции стало «разоблачение» сотрудника Союзкино А.В.Данашевского, который был объявлен участником «контрреволюционной вредительской группы в кинопромышленности РСФСР» [4, с. 147]. В своих показаниях, полученных ОГПУ, Данашевский «признался», что «сознательно насаждал и культивировал преступное разбазаривание средств государственной кинематографии, дезорганизовал производственный процесс, маскируя свою вредительскую деятельность псевдотеоретическими рассуждениями и демагогическими ссылками на "американское производство"» [4, с. 148].

Несмотря на отсутствие прямой связи, «тень подозрений» в «злоупотреблении доверием партии» легла на С.М.Эйзенштейна, который в это время находился за пределами СССР в зарубежной командировке и собирал различные материалы, вел переговоры о финансировании кинопроизводства с американским писателем Э.Синклером. Однако превышение материального лимита и информационные запросы Синклера – все это было расценено как следствие чрезмерной «антисоветской» лояльности Эйзенштейна, компрометирующей его и советскую кинополитику. 31 ноября 1931 г. Сталин отправил телеграмму следующего содержания: «Эйзенштейн потерял доверие его товарищей в Советском Союзе. Его считают дезертиром, который порвал со своей страной. Боюсь, люди здесь скоро потеряют к нему интерес...» [9, с. 101].

И действительно, после возвращения С.М.Эйзенштейна в СССР вопрос о его творческой деятельности был поставлен резко угрожающе. 5 марта 1937 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О запрете постановки кинофильма "Бежин луг"» ввиду «антихудожественности и явной политической несостоятельности фильма», поскольку режиссер, С.М.Эйзенштейн, «давал в нем явно ошибочные, формалистические трактовки» [2, с. 352, 354]. Л.М.Каганович высказал самое радикальное мнение, солидаризируясь с Б.З.Шумяцким о невозможности дальнейшего «использования» С.М.Эйзенштейна на режиссерской работе. «Я думаю, – заявил Каганович, – что нельзя верить Эйзенштейну. Он опять истратит миллион и ничего не даст, потому что он против социализма» [4, с. 420].

С.М.Эйзенштейн за работой

Тем не менее во избежание подтверждения «слухов» об аресте Эйзенштейна, которые распространяла «троцкистско-зиновьевско-белогвардейско-фашистская сволочь» [4, с.375] и, безусловно, в силу признания профессиональной полезности, неисчерпанности потенциала, ему был дан шанс «исправиться». Так, в 1938 г. появилась известная постановка, кинофильм «Александр Невский», в буквальном смысле ставшая результатом мучительной рефлексии С.М. Эйзенштейна, вынужденного признать, что «только страстная, ударная работа на полном напряжении всех творческих сил может привести к ликвидации ошибок мировоззренческих и творческих» [4, с.417].

Однако и эта «реабилитационно-квалификационная» работа в дальнейшем подверглась не менее тщательной экспертизе. На медиaproстранстве в течение 1939–1940-х гг. годов наблюдался планомерный дрейф, достаточно изученный в историографии, от восторженно-хвалебных отзывов в периодической печати, до холодно-скептической модальности. Как представляется, на это также повлиял феномен сталинского информационно-идеологического конвенционализма. Как верно отмечали Ю.В.Кривошеев и Р.А.Соколов, «запретительного распоряжения относительно "Александра Невского" просто не существовало» [31, с.128], однако модификация внешнеполитического курса – подписание пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., сделавшего нежелательной избыточную экспликацию патриотических (антигерманских) настроений, и длительность нахождения фильма в прокате – по совокупности причин привели к его вытеснению с пьедестала «топовых» кинолент десятилетия.

Не меньший стресс пережили в это время и другие кинематографисты. Серьезной экспертизе подвергся кинофильм Г.Н. и С.Д.Васильевых (братьев Васильевых) «Чапаев» (1934), во время просмотра которого, как отмечал Б.З.Шумяцкий, атмосфера была весьма нервной и напряженной, сопровождавшейся разбором каждого кадра, до тех пор пока обстановку не разрядил главный кремлевский цензор – И.В.Сталин, давший следующее заключение: «Здорово, умно и тактично сделано. Хорош и Чапаев, и Фурманов, и Петька. Фильм будет иметь большое воспитательное значение» [4, с.950]. В 1936 г. подвергся суровой критике фильм И.А.Савченко «Гармонь». «Картина глупая, пошловатая, чужая, – заключил В.М.Молотов в телеграмме, адресованной Б.З.Шумяцкому и П.М.Керженцеву. – Настаиваю на полном снятии ее с экранов, безусловно, отозвав ее из-за границы» [4, с.342]. 9 декабря 1936 г. И.В.Сталин высказал следующие суждения о проекте кинофильма «Щорс» (реж. А.П.Довженко): «Щорс вышел слишком грубоватым и малокультурным. Нужно восстановить действительную физиономию Щорса» [4, с.371]. За 10 дней до этого А.П.Довженко написал письмо, в котором спешил признать свои «ошибки»: «Простите меня, дорогой Иосиф Виссарионович, но если я не верю, чтобы Вы увидели в моем несовершенном, правда, труде, протаскивание эсеровской идеологии» [4, с.368]. В это же время произошла апробация воздействия политико-репрессивных технологий и на представителей музыкального сообщества, был дан первый импульс для кампании по борьбе с «формализмом», развернувшейся уже в период «позднего сталинизма» [59]. После суровой критики оперы Д.Д.Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», представлявшей собой «сумбурный поток звуков», способной лишь «щекотать извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастеничной музыкой» [49], был поставлен вопрос об идейно-политической эстетике музыкального творчества в кинематографе. На следующий день, после выхода «разоблачительной» статьи в «Правде», 29 января 1936 г. в рамках очередного кинопросмотра в Кремле состоялась беседа, в которой приняли участие И.В.Сталин, К.Е.Ворошилов, В.М.Молотов и Б.З.Шумяцкий. Каждый из присутствовавших высказался по поводу наследия Д.Д.Шостаковича, а также других композиторов, активно пишущих для кино и сотрудничающих с этим искусством.

В результате все пришло к «единому мнению» о необходимости усиления контроля над творческой интеллигенцией и дальнейшего искоренения «левацких загибов» на музыкально-кинематографическом «фронте». И.В.Сталин определил свое отношение к проблеме следующим образом: «Вот теперь, когда в "Правде" дано разъяснение, все наши композиторы

Кадр из к/ф «Щорс» (СССР, 1939, реж. А.П.Довженко)

должны начать создавать музыку ясную и понятную, а не ребусы и загадки, в которых гибнет смысл произведения. К тому же надо, чтобы люди умело пользовались мелодиями. В некоторых фильмах, например, вас берут на оглушение. Оркестр трещит, верещит, что-то визжит, что-то свистит, что-то дребезжит, мешая вам следить за зрительными образами. Почему левачество столь живуче в музыке? Ответ один – никто не следит, не ставит композиторам и дирижерам требований ясного массового искусства. Комитет искусств должен взять статью "Правды" как программу для музыкального искусства. Если не возьмет – плохо сделает. Опыт кино в этом отношении должен быть также учтен» [15, док.№31]. Музыка сталинского кинематографа, как верно отмечала А.В.Бурдельная, принимала значительное участие в «создании своего рода социально-эстетической утопии – идеального облика советской действительности, погружая зрителей в виртуальную реальность и закрепляя в общественном сознании идеализированный экранный образ свободной и счастливой страны» [14, с.43].

Киносообщество под надзором КПК при ЦК ВКП(б)

Принимало участие в контроле над кинематографическим искусством, его деятелями и специальное контрольно-следственное ведомство –

Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). 2 сентября 1936 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области Рубенов (Настоящая фамилия – Р.Г.Рубен/Мкртчян) оформил результаты экспертизы

деятельности киностудии «Ленфильм» в виде специального постановления. В нем говорилось: «Партийным контролем установлено, что благодаря преступной безответственности руководителя Ленфильма Кацнельсона и прямого содействия заведующего сценарным отделом Ленфильма Белицкого сотрудник Ленфильма Беляев собирал в Москве, Казани и Ленинграде явное клеветническое и контрреволюционный материал о С.М.Кирове».

В результате названные сотрудники «Ленфильма» – Г.Е.Белицкий, В.П.Беляев – были исключены из партии. Л.Г.Кацнельсон получил формально менее строгое взыскание – «выговор» [4, с.345–346]. Однако заключение уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) о передаче всех следственных материалов в НКВД СССР представляло собой прямую угрозу не только для служебной карьеры, но и для жизни фигурантов «дела». Кроме того, подобный «акт разоблачения» стал не менее тревожным для самого председателя ГУКФ Б.З.Шумяцкого, вынужденного спешно оправдываться: «Этот вопиющий случай потери классовой бдительности, – писал он, – в повседневной работе одной из лучших наших студий был подвергнут по согласованию с Ленгоркомом ВКП(б) детальному обсуждению на партактиве и послужит серьезным уроком в деле правильной организации столь важного идеологического учреждения, как эта киностудия» [4, с.348]. В январе 1937 г., как раз на фоне второго московского процесса «Параллельного антисоветского троцкистского центра», И.В.Сталин давал ценные указания по репрезентации власти в сценарии к кинофильму Ф.М.Эрмлера «Великий гражданин», резюмировав, что «сценарий придется переделывать, сделав его по своему содержанию более современным», а именно: воспроизведение сущности троцкизма не как одной из «котерий», а как враждебной программы, которая «противоречит интересам революции и отвергается народом» [4, с.383].

Однако дальнейшая самоуверенность Б.З.Шумяцкого, несмотря на все его заслуги в качестве признанного организатора советской индустрии, награжденного в 1935 году одной из высших наград – Орденом Ленина [38] – в скором времени стала для него фатальной. В июне 1937 г. руководитель группы по радио и кино КПК при ЦК ВКП(б) В.С.Богушевский в специальной записке, адресованной В.М.Молотову, констатировал, что конфликт Б.З.Шумяцкого как руководителя ГУК со своим непосредственным начальником, председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР П.М.Керженцевым, преодолел границу личной неприязни и приобрел явные антигосударственные последствия, что выразилось в нанесении ущерба кинопроизводственной отрасли, ее хозяйственной инфраструктуре – ликвидации в мае 1937 г. треста «Союзкинопромстрой» [4, с.426–427].

В январе 1938 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором было принято известное постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков» [5, с.8]. Пленум обоснованно считается значительным рубежом во внутривластной и общественно-политической жизни страны в целом. Он стал очередным этапом в становлении сталинского режима, конструктом легитимации власти, инициировавшей, с одной стороны, «амортизацию» репрессий, а с другой – создавшей основания для встречного их продолжения с помощью дискредитации партийных и государственных работников, обвиняемых в «левых загибах». Это позволило И.В.Сталину в буквальном смысле убрать «лишних», выполнивших, согласно его логике, свою миссию, людей. Таковым стал и Б.З.Шумяцкий, который в январе 1938 г. был «уличен» в «парадной шумихе», «пустословии». Это стало следствием того, что он «оказался в плену у вредителей, проникших на ответственные участки кинопромышленности» [21; 28]. Вскоре Б.З.Шумяцкий был арестован и в июле 1938 г. расстрелян за шпионаж и участие в «контрреволюционной террористической организации» [13].

Оправдать доверие партии в деле контроля над киноискусством и его деятелями был призван «чекистский кинематографист» С.С.Дукельский, занимавший в 1938–1939 гг. пост председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Внешне он старался лавировать между карательно-репрессивным и прагматическим направлением административно-политической работы в сфере кинематографии. В докладной записке, составленной 22 февраля 1938 г., адресованной В.М.Молотову, Дукельский полагал, что необходимо «придерживаться в деле изъятия за границей советских фильмов с врагами народа исключительно осторожной линии», отказываясь при этом «от вырезок из наших документальных фильмов кадров с врагами народа в тех случаях, когда это в какой-либо степени грозит политическими осложнениями, могущими вызвать антисоветскую травлю в прессе, фильмах и т.п.» [4, с.484]. В январе 1939 г. С.С.Дукельский застенографировал замечания, продиктованные И.В.Сталиным в ходе ознакомления с картиной «Ленин», в дальнейшем вышедшей на экраны под названием «Ленин в 1918 году» (СССР, 1939, реж. М.И.Ромм). Исправления касались как конкретных образов, например, Н.И.Бухарина, так и отдельных сцен-кадров, а также музыкального сопровождения [1, ф.558, оп.11, д. 163, л.2–2об].

В целом, к концу 1930 – началу 1940-х гг. обстановка на медиaprостранстве оставалась весьма напряженной. В январе 1938 г. ВКПДИ запретил к показу кинофильм В.П.Вайштока «Остров сокровищ», критика которого

приобрела публичный характер. В номерах специального периодического издания, газеты «Кино», был осуществлен акт «разоблачения» режиссера фильма и самого кинопроизведения, обвиненного в склонности к «буржуазному романтизму» [22]. В специальной справке, подготовленной исполняющим обязанности управляющего «Инторгкино» Н.М.Кивой, был составлен перечень фильмов, которые подлежали изъятию по причине наличия в них кадров с изображением «врагов народа», например, уже не актуальную визуализацию бывшего народного комиссара внутренних дел СССР Г.Г.Ягоды. К числу таких фильмов были отнесены картины: «Заключенные» (СССР, 1936, реж. Е.В.Червяков), «Три песни о Ленине» (СССР, 1934, реж. Д.Вертов / Д.А.Кауфман), «Джюльбарс» (СССР, 1935, реж. В.А.Шнейдеров» [4, с.458]. Заметный резонанс вызвал кинофильм «Закон жизни» (СССР, 1940, реж. Б.Г.Иванов и А.Б.Стоппер), все подготовительные элементы которого – и литературное наследие А.О.Авдеенко, и сценарный проект, и их непосредственное воплощение [53] – вызвали раздражение и недовольство И.В.Сталина, не скупившегося на «комплименты» в адрес писателя: «Писатель неважный, культуры у него мало и не работает над собой <...> человек малограмотный, русским языком не владеет, а сколько у него нахальства литературного! <...> Он не член партии и никогда не был членом партии» [4, с.579–580].

В отношении кинематографического медиапространства применялись методы технологии политизации повседневности, «инструментализации фактов в репрессивных целях» [12, с.28, 267]. Особенно явно это проявилось по итогам «дела» самого Б.З.Шумяцкого, которое разрабатывалось по линии двух влиятельных ведомств – НКВД СССР и КПК при ЦК ВКП(б). 18 января 1938 г. консультантом-редактором по Мосфильму Г.В.Зельдовичем была составлена и направлена в КПК при ЦК ВКП(б) обстоятельная докладная записка, в которой ее автор подробным образом «разоблачал» особенности «двурушничества» Б.З.Шумяцкого, которые включали самые разнообразные оттенки «политического маразма», «групповщины». Создавшуюся обстановку он описывал так: «И тут необходимо сказать о системе ГУКа Шумяцкого, системе, развращавшей творческие кадры. Это – какой-то восточный, тайный дом. Вокруг Шумяцкого – постоянная тайна <...> Создавалась, культивировалась атмосфера отчужденности». И далее: «В результате система взаимоотношений между людьми была извращена. Люди смотрели друг на друга волком. В этой атмосфере произрастали самые сложные нездоровые наросты: цинизм, двурушничество <...>» [4, с.466].

По итогам совместной проверки, проведенной, судя по всему, совместными усилиями НКВД СССР и КПК при ЦК ВКП(б) было установлено,

что «В аппарате ГУКа продолжительное время орудовала троцкистско-бухаринская банда, во главе с Шумяцким, работает большое количество чуждых и политически сомнительных элементов: бывшие офицеры, состоявшие в партиях эсеров, меньшевиков, бундовцев, дашнаков и других; выходцы из эксплуататорских классов: дворян, духовенства, купцов и других» [4, с.478]. Т.е. происходила непосредственная реализация контрольно-разоблачительной установки, которую И.В.Сталин дал на февральско–мартовском пленуме 1937 г., призывая партийную элиту и советскую номенклатуру решительно искоренить «смешную и идиотскую болезнь» – «политическую близорукость», «свое собственное благодушие», «свою собственную беспечность», чтобы «обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных государств» [6, с. 108]. Показательно, что Б.З.Шумяцкий, еще не подозревавший о том, что вскоре сам окажется причисленным к контингенту «чуждых элементов», в июне 1937 г. разослал директорам предприятий, подчиненных системе ГУК ВКПДИ, приказ с требованием «предоставить в группу руководящих кадров ГУК сведения о врагах народа, политически неблагонадежных и классово чуждых людях» [3, с.510].

Заключение: методы контроля и социальная память

Политический контроль над творческим полем, интеллектуальным пространством приобретал сложно-организованный, системно-институциональный характер. Это предполагало самые различные способы и технологии воздействия на кинематографическую интеллигенцию – от адресного, прямого цензурно-ревизионного давления, до превентивно-упреждающего агитационно-пропагандистского воздействия, а также апелляции к имманентной «мягкой силе» как ресурсу-опции самоконтроля, исходившей непосредственно от самой кинопродукции и ее создателей. При этом в 1930-е гг. доминировали репрессивно-дисциплинирующие «атаки» на кинематографическую интеллигенцию, представителей «мелкобуржуазной богемы» [4, с.409], «распоясавшихся киносамостийников (сценаристов и режиссеров)» [4, с.373, 409]. Как верно отметил А.В.Зябликов, «интеллигент с его неистребимой рефлексией был удобен в качестве объекта, на котором проверяется классовое чутье. Сталин тоже считал интеллигенцию неблагонадежной стратой, отводя ей функцию подконтрольного исполнителя государственного, политического, социального заказа» [25, с. 86]. В целом, можно говорить о применении в отно-

шении советской кинематографической интеллигенции в полном объеме и масштабе следующих методов и форм политического контроля.

1) Институциональная многоликость как форма политического контроля над советским кинематографом. Именно в рассматриваемый период произошло закрепление административно-информационных схем, апробированных в ходе ведомственных реорганизаций. Трансформация Союзкино в ГУКФ при СНК СССР (1933) с дальнейшим его подчинением ВКПДИ при СНК СССР (1936) привели к созданию в 1938 г. прототипа будущего Министерства кинематографии – КПДК при СНК СССР. Конкурентно-состязательные механизмы и режимы взаимодействия, усиливавшиеся пересечением, а нередко – прямым дублированием полномочий руководителей соответствующих ведомств и их подразделений, целенаправленно стимулировались сталинизмом как системой, в значительной степени основанной на установлении патрон-клиентских связей и информационной энтропии. В этом отношении сложными были взаимоотношения между Б.З.Шумяцким, П.М.Керженцевым, А.С.Бубновым, С.С.Дукельским на разных этапах и уровнях институциональных сопряжений. Даже более сдержанному и исполнительному И.Г.Большакову, занявшему в 1939 г. пост председателя КПДК при СНК СССР, с трудом удавалось обеспечивать запросы сталинского режима и лавировать между коммерческо-прагматическими и идеологическими приоритетами на медиапространстве [42].

Особой деликатности и осторожности требовала административно-политическая стратегия по отношению к национальным, союзно-республиканским кинематографическим традициям, которым уделялось повышенное внимание. Накануне Второй мировой войны «одной из функций советского киноискусства становится пропагандистское обеспечение внешнеполитического курса» [52, с.47], что приходило в соприкосновение с корректировкой способов репрезентации модели «пролетарского интернационализма» и дополнительной расстановкой «классово-политических» акцентов. Так, в апреле 1941 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) предложило И.Г.Большакову снять с производства картину «Хамза» на том основании, что «в сценарии извращенно показано строительство социализма в Узбекистане» и «борьба Коммунистической партии, советского государства, узбекского народа за построение социализма подменена борьбой интеллигента, героя-одиночки Хамзы» [4, с.615].

В результате уже в довоенный период были заданы контрольно-цензурные императивы, в дальнейшем приведшие к известному «феномену малокартинья». На специальном заседании комиссии ЦК по кино в марте 1941 г., в работе которой приняли участие секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов, пред-

седатель КПК при ЦК ВКП(б) А.А. Андреев и его не менее влиятельный заместитель М.Ф. Шкирятов, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.А. Поликарпов, была определена следующая стратегия: «Сейчас нужно расчистить эти сценарии, произвести необходимую переработку, пусть даже будет несколько меньшее количество картин, но не выпускать брака, потому что плохие картины мы не имеем права выпускать» [4, с.613]. Эти установки были озвучены на совещании творческих работников кинематографии, прошедшем 14 и 15 мая 1941 г., на котором А.А. Жданов откровенно заявил: «Мы сейчас еще строже будем подходить к качеству картин» [4, с.624]. В результате после первого Всесоюзного партийного совещания по кинематографии, прошедшего в марте 1928 г., завершился довоенный цикл партийно-политического контроля над киноискусством и интеллигенцией. Совещание творческих работников в этом смысле можно рассматривать как символический рубеж в советской кинополитике.

2) Социальная мобилизация, под которой подразумевалось «целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством» [30, с.40]. В конце 1920–1930-х гг. как известные советские кинематографисты, так и «рядовые» работники киноиндустрии в максимальной степени вынуждены были структурировать направленность своей творческой, административной энергии, соизмерять ее с запросами сталинского режима. Это выразалось не только в необходимости следовать не всегда ясно артикулированным конвенциональным установкам – создавать кинопроизведения непосредственно соответствующие или признаваемые не противоречащими стилю «социалистического реализма», но и быть готовым к вмешательствам кремлевского диктатора и его окружения. Таким образом, происходило установление «максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами» [35, с.3].

3) Политизация повседневности и медиапространства. На первичном уровне она заключалась в эксплицитной сегрегации, фильтрации социальных субъектов и кинообразов на «своих» и «чужих», – «наших», подлежащих активной популяризации, агитационно-пропагандистскому сопровождению, или – наоборот, изъятию, что касалось кадров, визуализирующих «врагов народа». В то же время все это становилось основой для достижения долговременного, аккумулятивного эффекта по мифологической эрозии социальной / коллективной памяти. Героико-патриотическая патетика

(«Александр Невский», СССР, 1938, реж. С.М.Эйзенштейн), партийно-политическая камерность и драматизм («Партийный билет», СССР, 1936, реж. И.А.Пырьев), идейная экспрессия, колоритные репрезентации классики русской и советской литературы («Человек в футляре», СССР, 1939, реж. И.М.Анненский), иные инструменты конструирования советской ментальности в кинематографической «гиперреальности» до сих пор приводят к неоднозначному интеллектуальному, информационно-когнитивному феномену.

С одной стороны, наблюдается обоснованное признание высокой художественной ценности созданных кинопроизведений как уникальных медиа-текстов, визуальных источников, ставших классикой кинематографа и выступавших зеркалом эпохи, отразивших не только российский, но и мировой культурно-исторический процесс. В то же время эффективность сформированного в 1930-е гг. медиа-дискурса, широкий диапазон и интенсивность его влияния на общественное сознание косвенно подтверждается попытками ревизионизма [40], в том числе и научно-историографического характера. Это проявляется в работах Ю.Н.Жукова, А.Гетти, Р.Мэннинга, отчасти уже упомянутой Д.Миллер, убежденной в реальности «саботажа» и других акций «классовых врагов» против советской кинематографии, что признается и исследователями [44, с.69]. В некоторых публикациях ставится под сомнение полнота власти И.В.Сталина, иногда представляемого «слабым диктатором», а осуществленные мобилизационные, выборные и иные кампании преподносятся как якобы подлинно демократические [39], протекавшие так, как это показано, например, в кинофильмах «Член правительства» (СССР, 1939, реж. А.Г.Зархи) или «Депутат Балтики» (СССР, 1936, реж. И.Е.Хейфец, А.Г.Зархи).

«Остросюжетная» динамика современного интеллектуального процесса, феномен «антропологизации историографии», при котором происходит все более агрессивная конкуренция «между историей и памятью, академической историей и мемориальной историей социальных групп» [57], требуют решительных действий по преодолению релятивизма, идеализации прошлого и источниковедческих подходов к его конструированию. Как полагал А.А.Лукашевич, историку необходимо «определить точку пересечений "истории" историка и источника», для чего необходимо «в начале исследования конкретизировать в ограниченном пространстве и времени их характеристики, связи, опосредования, иными словами, провести двойную историзацию» [34, с.16]. Такие теоретико-методологические ориентиры актуальны, применимы и к визуальным источникам, кинофотоматериалам. Создаваемые фильмы, творческие маршруты отдельных представителей кинематографической интеллигенции, интеллектуально-социальное самочув-

ствие этого сообщества в целом, имагологические конструкты подвергались еще более сложному давлению, проработке, что приводило к антиномичному сплетению – подлинной мотивации и «имплантированной», сосуществованию утонченных, идейно-эстетических «интеллектно-образующих связей» [36] – и экстенсивно-производственных ритмов киноиндустрии, модуляции векторов кинополитики. Все это требует тщательного переосмысления для объективно-интегральной оценки киноискусства 1930–1940-х гг., укрепления интеллектуального иммунитета при соприкосновении со специфической кинематографической «гиперреальностью», выполнявшей функции символической легитимации сталинского режима.

Список сокращений и аббревиатур

- ВКПДИ при СНК СССР – Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР.
ГУК – Главное управление кинематографии.
ГУКФ – Главное управление кинофотопромышленности при СНК СССР (с 1936 – ГУК ВКПДИ при СНК СССР).
Инторккино – трест по продаже советских фильмов за границей.
КПДК – Комитет по делам кинематографии при СНК СССР.
КПК при ЦК ВКП(б) – Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б).
НК РКИ – наркомат Рабоче-крестьянской инспекции.
РОСАРПК – Российская ассоциация работников революционной кинематографии.
ЦКК – Центральная контрольная комиссия ВКП(б).

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б)-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 606 с.
4. Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М.: РОССПЭН, 2005. 1120 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945. М.: Из-во полит. литературы, 1985. 575 с.
6. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 736 с.
7. Пути кино: Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии / Под ред. Б.С.Ольхового. М.: Теа-кино-печать, 1929. 467 с.

8. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Партийное издательство, 1932. 618 с.
9. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.
10. Сталин И.В. Сочинения. В 18 тт. Т.14. М.: Издательство «Писатель», 1997. 368 с.
11. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. №6. С.31–46.
12. Блюм А., Веспуде М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
13. Борис Захарович Шумяцкий // URL: <https://stalin.memo.ru/persons/p36193/> (дата обращения: 05.07.2021).
14. Бурдельная А.В. Музыка в советских исторических фильмах 30–50-х гг. XX столетия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №6. С.42–47.
15. В зрительном зале Сталин, или «записки Шумяцкого». URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/54736> (дата обращения: 10.06.2021).
16. Виноградов В.В. Интеллигенция: укрощение нигилизма. Сталинский период // Вестник ВГИК. 2019. Т.11. №4(42). С.43–54.
17. Гаврилова Т.В. Политика советской власти в отношении кинематографической интеллигенции в 20–30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2007. Т.13. №36. С.21–25.
18. Громов Е.С. Сталин: искусство и власть. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
19. Дашкова Т.Ю. Любовь и быт в кинолентах 1930 – начала 1950-х годов // Отечественная история. 2003. №6. С.59–67.
20. Добренко Е.А. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 416 с.
21. Ермолаев Г. Что тормозит развитие советского кино // Правда. 1938. 9 янв.
22. Зеленев А. «Похождения режиссера Вайштока, или «Остров расходов» // Кино. 1938. 17 янв.
23. Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX в. М.: Белый город, 2014. 512 с.
24. Зоркая Н.М. История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.
25. Зябликов А.В. «Культурные диверсанты»: образ интеллигента в советском кино 1930–50-х гг. // Интеллигенция и мир. 2017. №2. С. 73–89.
26. История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат / ред. В.И.Фонин. М.: Минкульт РФ, ВГИК, 2013. 2759 с.
27. История советского кино. 1917–1967. В 4 тт. М., 1969–1978.
28. К новому подъему // Кино. 1938. 11 янв.
29. Косинова М.И. Кино как ресурс дохода страны. Советский кинопрокат в 1930-е гг. // Вестник ВГИК. 2014. №1(19). С. 8–22.
30. Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории // Уральский исторический вестник. 2018. №4(61). С. 38–45.
31. Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Периодическая печать о фильме «Александр Невский» (1938–1939). (Часть II) // Новейшая история России. 2012. №2. С. 114–135.

32. Лебина Н.Б., Терехова М.В. «Я человек эпохи Москвошвея...»: внешний облик горожанина в советском кино 1920–1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. №3(52). С.89–99.
33. Летопись российского кино. 1930–1945 / Рук. проекта В.И. Фомин. М.: Материк, 2007. 846 с.
34. Лукашевич А.А. Принцип двойной историзации в источниковедении // Диалог со временем. 2021. №1(157). 13–20.
35. Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования: к завершению издательского проекта // Российская история. 2010. №6. С.3–29.
36. Меметов В.С. О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире. Иваново, 2016. С.3–6.
37. Озерский А.В. Репрезентация правителей в исторической науке и кинематографе сталинской эпохи // Культурная жизнь юга России. 2008. №4(29). С.151–152.
38. О награждении работников советской кинематографии. Постановление ЦИК Союза ССР // Правда. 1935. 12 янв.
39. Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. №10. С.19–37.
40. Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х гг. (критика ревизионистского подхода) // Отечественная история. 1998. №5. С.107–121.
41. Разлогов К.Э. Искусство экрана. От синематографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010. 287 с.
42. Ряусова Д.Н. «Что сегодня нам покажет товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2013. №1(21). С.85–196.
43. Садуль Ж. Всеобщая история кино. В 6 тт. М.: Искусство, 1958–1963.
44. Сазонова Т.К. [Рец. на кн.:] Miller J. Soviet cinema. Politics and persuasion under Stalin [Миллер Дж. Советское кино. Политика и убеждение при Сталине]. – L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2010. – 222 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2013. №2. С.66–69.
45. Сидорова Г.П. Культура российской провинции 1930–1980-х гг. в образах советского массового кино // Человек. Культура. Образование. 2020. №4(38). С.140–155.
46. Соловьева В.В. Советская действительность в художественных фильмах 1930–1940-х гг.: идеология быта и повседневность идеологии // Вестник гуманитарного университета. 2017. №2(17). С.99–109.
47. Сомов В.А. «Возросший рабоче-крестьянский зритель требует кино...»: кино и советский человек 1930-х гг. // Клио. 2013. №6(78). С.63–68.
48. Спутницкая Н.Ю. Советская школа объемного кино 1930-х годов: от авангарда к мейнстриму // Вестник ВГИК. 2016. №3(29). С.8–18.

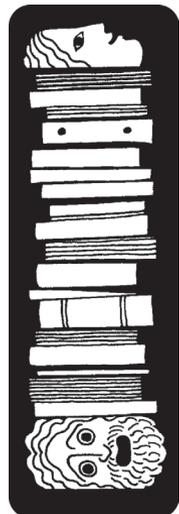
49. Сумбур вместо музыки // Правда. 1936. 21 янв.
50. Теплиц Е. История киноискусства. В 4 тт. М.: Прогресс, 1971–1974.
51. Тирахова В.А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х годов // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №3(22). С.203–212.
52. Токарев В.А. «Кара Парам! Кара!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 годы) // Отечественная история. 2003. №6. С.47–59.
53. Фальшивый фильм // Правда. 1940. 16 авг.
54. Федоров А.В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М: Из-во ОД «Информация для всех», 2021. 1134 с.
55. Федюк А.В. Советская система кинематографа 1930-х гг.: роль художественного кино в агитационно-пропагандистской работе сталинского режима // Проблемы российской истории. 2010. №1(10). С.294–310.
56. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 229 с.
57. Чеканцева З.А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т.9. Вып.8(72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002438-0-1/> (дата обращения: 07.07.2021)
58. Шумяцкий Б.З. Пути мастерства. Статьи и доклады. М.: Кинофотоиздат, 1935. 135 с.
59. Юдин К.А. Борьба с «формализмом» в советской музыке (вторая половина 1940 – начало 1950-х гг.) // Россия XXI. 2019. №5. С.122–139.
60. Юдин К.А. Кинематографическое искусство в отечественных исследованиях 1920 – начала 1940-х гг. и проблемы современной историографической ретроспекции // Исторический журнал: научные исследования. 2018. №4. С.58–70.
61. Юдин К.А. Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. №4. С.56–73.
62. Юренев Р.Н. Краткая история советского кино. М.: СК СССР; Бюро пропаганды советского киноискусства, 1979. 231 с.
63. Юренев Р.Н. Советское киноискусство тридцатых годов. М.: ВГИК, 1997. 109 с.
64. Babitsky P., Rimberg J. The Soviet Film Industry. N.Y.: Praeger, 1955. 377 p.
65. Kenez P. Cinema and Soviet society from the revolution to the death of Stalin. N.Y.: I.B. Tauris: Martin's Press, 2001. 264 p.
66. Miller J. Soviet Cinema: Politics and Persuasion under Stalin. London: I.B. Tauris, 2010. 222 p.
67. Rimberg J. The Motion Picture in the Soviet Union, 1918–1952: A Sociological Analysis. N.Y.: Ayer, 1973. 238 p.
68. Youngblood D.J. Russian War Films: On the Cinema Front, 1914–2005. Lawrence: University Press of Kansas, 2007. 319 p.

Развращает не власть,
а страх потерять власть.

Джон Стейнбек

Кто способен извлекать
корысть из общественных
дел, способен и на
обкрадывание могил.

Плутарх

Любовь Писарькова

**ЦАРСТВОВАНИЕ
ИВАНА ГРОЗНОГО
В ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКЕ
И КОРРУПЦИОЛОГИИ**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
930.1

Эпоха Ивана Грозного, сложная и противоречивая, как и личность самого царя, всегда привлекала внимание историков. Последние десятилетия на исторической ниве активно трудятся специалисты самых разных профессий. Их интерес к истории связан, прежде всего, с темой коррупции, ставшей с конца XX века непреложным фактом реальной жизни. Изучение коррупции выделилось в самостоятельную область исследований – коррупциологию. К сожалению, работы в этой области часто основаны на сомнительных сведениях, почерпнутых из интернета. Создается новая история России, написанная без изучения источников и знания эпохи, без учета результатов труда многих поколений историков. Это относится и к царствованию Ивана Грозного.

The era of Ivan the Terrible, complex and contradictory, like the personality of the tsar himself, has always attracted the attention of historians. Over the past decades, specialists of various professions have been actively working in the historical field. Their interest in history is associated primarily with the topic of corruption which has emerged since the end of the 20th century an immutable fact of real life. The study of corruption has emerged as an independent research area – corruptionology. Unfortunately, work in this area is often based on questionable information gleaned from the Internet. A new history of Russia is being created, written without studying the sources and knowledge of the era, without taking into account the results of the work of many generations of historians. This also applies to the reign of Ivan the Terrible.

Ключевые слова: Иван Грозный; реформы 1550-х годов; опричнина; историография царствования; коррупциология; новая трактовка эпохи.

Key words: Ivan the Terrible; reforms of the 1550s; oprichnina; historiography of the reign; corruptionology; a new interpretation of the era.

E-mail: afanasiev44@list.ru

Историкам название этой статьи не обещает много нового. Действительно, об Иване Грозном и его царствовании, как ни о каком другом, издано огромное количество работ. О нем писали современники первого русского царя и летописцы, а с XVIII в. – историки. В историографических обзорах исследователи этого периода русской истории приводили оценки эпохи Ивана IV их предшественниками, с которыми, однако, они не всегда соглашались.

В последние десятилетия на исторической ниве активно трудятся специалисты самых разных профессий: журналисты, экономисты, юристы, социологи, политологи, философы, представители технических специальностей и таможенной службы. Их интерес к истории связан, прежде всего, с темой коррупции, ставшей с конца XX в. непреложным фактом не только научной, но и реальной жизни. За этот период о коррупции (преимущественно современной) написано такое множество работ, что эта тематика выделилась в самостоятельное направление научных знаний междисциплинарного характера – коррупциологию. Авторы работ по коррупциологии, не располагая собственной базой источников, обращаются к историческим событиям и особенно часто к эпохе Ивана Грозного. При этом давно изученные факты нередко получают новую и во многом неожиданную оценку. В связи с этим возникает вопрос о соответствии новых трактовок уровню научных знаний, накопленных трудом многих поколений исследователей. Для ответа на этот вопрос необходимо в общих чертах охарактеризовать событийную сторону царствования Ивана IV¹ и его оценку маститыми историками.

I. Основные «эпохи» царствования Ивана IV. Правление бояр (1538–1543) и кн. Глинских (1544–1546) Годы правления бояр при малолетнем великом князе Иване Васильевиче² отмечены борьбой боярских группировок за влияние на государя, смутами и ростом злоупотреблений, берущих начало в самых верхах администрации. Характеризуя своекорыстное правление временщиков, современник писал, что бояре враждуют между собой «о корыстех и о племенех их; всяк своим печется, а не государьским, не земским»³. Эти слова относились, прежде всего, к князьям Шуйским, занимавшим первые места в Думе и администрации, а после смерти Елены Глинской

¹ Подробную характеристику этапов этого царствования см.: [25].

² Будущий царь Иван Грозный (1530–1584) в 1533 г. остался без отца, а в 1538 г. – без матери вел. кн. Елены Глинской.

³ Цит. по: [19, с. 36].

Марк Матвеевич Антокольский.
Иван Грозный, 1871

они фактически управляли государством.

После очередного дворцового переворота в начале 1542 г. среди Шуйских выдвинулся князь Андрей Михайлович, ставший в 1542 г. «первосоветником» при дворе. Но уже в конце декабря 1543 г. (или 1-го января 1544 г.) по распоряжению 13-летнего вел. кн. Ивана Васильевича кн. А.М.Шуйский был отдан на растерзание псарям, а его сторонники отправлены в ссылку. С казнью «первосоветника» закончилось правление Шуйских, а с ним и период регентства бояр, назначенных вел. кн. Василием III. По свидетельству летописца, казнь Шуйского произвела сильное впечатление на правящую элиту: с того времени «начали бояре от государя страх имети и послушание» [22, с.148; 19, с.36–38].

Кн. Андрей Михайлович заплатил жизнью не только за себя, но и за своих родственников, так как их регентство оставило у царя неизгладимое впечатление на всю жизнь. Вспоминая годы своего малолетства, Иван IV в послании к кн. А.М.Курбскому (1564 г.) обвинял бояр в том, что они разворовали казну его деда и отца. «Потом напали на города и села и без милости пограбили жителей (...) везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде»⁴. Тема борьбы с «изменой» и злоупотреблениями, реальными и мнимыми, определила внутреннюю политику этого царствования.

В 1544–1546 гг., когда Иван еще не правил государством и находился под влиянием своих родственников кн. Глинских, опалам и казням подверглись многие бояре и знаменитые воеводы. Характеризуя этот период, историк С.М.Середонин писал: «В три года он казнил более, чем

⁴Цит. по: [26, с.415].

отец его и дед во все время продолжительных княжений. Эти казни, а равно и отношение Иоанна к населению в эти годы обнаруживают (...) болезненную раздражительность и почти непонятную в молодые годы жестокость. В 1551 г. Иоанн сам сознал это, заявив, что нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего, что сделано было им дурного в молодости» [23, с.236].

**1547–1560 гг.:
период преобразований**

1547 год отмечен важными событиями в жизни великого князя Ивана и государства в целом. В январе Иван Васильевич венчался на царство, а в феврале женился на дочери окольного Романа Ивановича Захарьина Анастасии. 1547 год вошел в историю и многими трагическими событиями. Страшные пожары в Москве, особенно пожар 21 июня, уничтоживший столицу, расправа восставших москвичей с ненавистными Глинскими как виновниками бедствий, обличительные речи священника Сильвестра, обвинявшего Ивана IV в многочисленных грехах, вызвавших кару Божью, – все это произвело сильное впечатление на молодого царя.

Последующие 13 лет были наиболее удачным и продуктивным периодом царствования Ивана IV. В эти годы вокруг него сформировался кружок лиц, так называемая «избранная рада», видевших свою задачу в проведении назревших реформ и укреплении государственного порядка. Наиболее деятельными советниками царя тогда были Сильвестр и Алексей Адашев. Преобразования тех лет составили славу царствования. Отметим наиболее важные из них.

Летом 1550 г. закончилась работа над новым Судебником. По словам царя, перед его составителями стояла задача искоренения злоупотреблений в суде, чтобы «суд был праведен беспослуно во всяких делах» [14, с.16–17]. В отличие от Судебника 1497 г., установлены фиксированные судебные пошлины, усилен контроль над деятельностью судей путем конкретизации правовых норм и судебного порядка; введены наказания за их нарушение и получение взяток. Иностранцы высоко оценивали московское судопроизводство. В частности, англичанин Д.Горсей (жил в Москве с 1572 по 1590 г.) писал, что царь ввел «наиболее ясную и простую форму письменных законов, понятных и обязательных для каждого» [11, с.123].

В 1555/56 г. была проведена реформа местного управления, получившая название земской реформы. Суть ее сводилась к отмене института

кормлений и передаче полномочий наместников и волостелей органам земского самоуправления: губным и земским избам. Губные избы во главе с губными старостами возникли еще в 1539 г. для поимки разбойников. После отмены кормлений их полномочия заметно расширились за счет судебных дел о воровстве («татьбе») и других обязанностей [22, с. 169–170]. Земские избы унаследовали от наместников административно-финансовые полномочия и суд по гражданским и мелким уголовным делам.

Города и волости, переходившие на самоуправление (на это соглашались не все), облагались особым оброком – «кормленным окупом». Из этих средств возмещались «корма» и «пошлины», получаемые ранее местными администраторами. Поступавший в казну оброк стал источником денежного жалованья, которое выплачивалось разным категориям служилых людей (в зависимости от родовитости и службы) с определенной периодичностью: ежегодно или раз в три или четыре года. Таким образом, освободившись от кормленщиков, население продолжало обеспечивать их содержание, но распределением собранных средств занимались государственные структуры, вначале кормленные дьяки, затем особые приказы (четверти – «чети»).

Земская реформа заметно улучшила ситуацию на местах. С введением новой организации управления, построенной на выборном начале, был усилен правительственный надзор за местными учреждениями, снято напряжение в отношениях между населением и администрацией, вызванное злоупотреблениями кормленщиков; резко сократилось число уголовных преступлений. Упраздняя институт кормлений, правительство решало задачу общегосударственной важности, осуществляя централизацию управления. Вслед за реформой местного управления были проведены преобразования в организации ратной службы, армии, финансов и церкви.

В 1550-е гг. в разных областях жизни Московского государства произошли серьезные изменения. Наряду с назревшими реформами, правительству Ивана IV удалось решить историческую задачу, которую в течение трех веков не могли решить его предшественники: завоевать Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства. Благодаря включению их в состав Московского государства безопасность границ возросла, а территория страны заметно расширилась. Отмечая важность этих событий, историк Виппер писал: «Если бы Иван IV умер в 1556 году, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, подобного Александру Македонскому» [6, с. 202]. Но История распоряди-

лась иначе. Дальнейшая деятельность Ивана IV, ставшая суровым испытанием для Русского государства, до сих пор не получила однозначной оценки историков.

Переломный 1560 год. Опричнина

События 1560 года (смерть царицы Анастасии Романовны, отстранение от дел и ссылка Сильвестра и Адашева, в значительной степени определявших внутреннюю и внешнюю политику 1550-х гг., приближение к престолу людей иного склада) внесли серьезные изменения в жизнь не только царя, но и страны в целом. В 1561 г. вновь начались казни, и одними из первых жертв стали члены семьи, родственники и друзья А.Ф.Адашева, включая детей. Как отмечал С.М.Середонин, «это были первые казни после 15–16-летнего промежутка» [23, с.258], т.е. после 1545–1546 гг. О том, что казни начались после опалы Сильвестра и Адашева, писал современник событий член «избранной рады» кн. А.М.Курбский, бежавший 30 апреля 1564 г. к польскому королю. Подтверждал это и сам Иван IV (в 1564 г. в ответном послании к Курбскому).

В 1561–1565 гг. отъезды бояр получили массовый характер, несмотря на то что с 1561 г. царь стал брать у представителей правящего класса крестоцеловальные записи с обещанием не отъезжать из Московского государства. Из тех, кто остался, многие бояре и князья подверглись мучительным казням. В 1564 г. в письме к Ивану IV кн. Курбский обвинял царя в истреблении вместе с семьями многих заслуженных и преданных ему бояр и воевод. По словам кн. Курбского, царь обрек их на «неслыханные от начала мира муки и смерти, и притеснения, измыслил, обогнав православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве» [17, с.182].

Отвечая на «грамоту» Курбского (в послании от 5 июля 1564 г.), царь обосновывал право монарха не только жаловать, но и казнить, и тем более казнить изменников. «В других странах, – писал Иван Васильевич, – изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою» [16, с.93]. Эти слова позволяют понять назначение введенной через полгода опричнины: укрепление царской власти. В подтверждение своей правоты он перечислил «вины» бояр, заслуживающие сурового наказания.

Вспоминая годы своего малолетства, Иван IV обвинял бояр в нерадении об интересах государства, расхищении богатств, принадлежавших его предкам, и злоупотреблениях в отношении населения [16, с.95]. Особые претензии у царя были к «попу» Сильвестру и Алексею Адашеву,

людям низкого происхождения, приближенных к трону самим царем. Иван считал их главными изменниками, которые лишили его «прародителями данной власти» и все «вершили по своей воле», тогда как ему «не было ни в чем воли» [16, с.98]. Чаша царского терпения переполнилась с началом Ливонской войны, против которой активно выступали его советники. Тем не менее, как писал Иван IV кн. Курбскому, казни начались не сразу, а только после того как выяснилось, что сторонники Сильвестра и Адашева не отшатнулись от изменников, а, напротив, искали способ их вернуть, «чтобы составить против нас еще более коварные заговоры» [16, с.100].

Михаил Врубель. Александровская слобода, 1899

Через полгода после написания этого «послания», в декабре 1564 г. царь с семьей уехал из Москвы в Александрову слободу. Свой отъезд из столицы Иван IV объяснял изменой и злоупотреблениями, обвиняя в этом всех должностных лиц и даже церковных иерархов. Для борьбы с заговором он потребовал для себя чрезвычайных полномочий и получил на то согласие Боярской думы. В феврале 1565 г., выступая перед Священным собором, царь объявил, что для обеспечения собственной

безопасности учреждает опричнину с отдельным двором, управлением, армией и территорией. Остальную часть Московского государства, или земщину, он передавал под управление Боярской думы. За собой царь оставлял право без совета с членами Думы подвергать опалам провинившихся бояр и служилых людей, казнить их и забирать в казну имущество опальных. В ходе реализации этого замысла был создан опричный двор и опричная дума; из худородных дворян уездов, взятых в опричнину, сформировано опричное войско. Опричники клялись служить царю верой и правдой, доносить о заговорах и не общаться с жителями земщины. Одеты во все черное, с привязанным у пояса подобием метлы, символом готовности вымести из страны измену, опричники навели страх на население. Их появление предвещало разорение, а часто и смерть [24, с. 100–107].

События периода опричнины (1565–1572 гг.) наиболее подробно описаны иностранцами, прежде всего, Альбертом Шлихтингом [32, с. 317–378], Генрихом Штаденом [34, с. 379–526], Иоганом Таубе и Эйларом Крузе [27, с. 8–59]. Они не просто посещали Москву тех лет, а жили в ней достаточно долго. Находясь в столице в одно и то же время, они были свидетелями одних и тех же событий, но оценивали их по-разному.

Шлихтинг в течение семи лет (1564–1571) был слугой и переводчиком врача царской семьи (знал русский язык). По роду службы он постоянно находился в окружении Ивана IV, что делало его свидетелем событий, происходивших при непосредственном участии царя.

В отличие от Альберта Шлихтинга Генрих Штаден в течение двенадцати лет (1564–1576) являлся не только свидетелем, но и активным участником московских событий. Будучи опричником, он ходил с царем в походы на Тверь, Торжок, Великий Новгород; с отрядами опричников совершал набеги на другие города; грабил и убивал жителей «земщины», разбогател, был приближен к царю и «уравнен с князьями и боярами» [34, с. 520–526].

В условиях опричнины статьи Судебника 1550 г. нарушались повсеместно. Так, в земщину был послан царский указ, предписывавший судьям покровительствовать опричникам и решать дела в их пользу: «Судите праведно, наши виноваты не были бы» [34, с. 459]. Наделяя опричников особой привилегией в суде, царь открывал широкий простор для насилия и грабежей, произвола и злоупотреблений.

Апофеозом опричнины стал шестинедельный погром Новгорода в 1570 г. Среди многотысячных его жертв была большая группа дьяков и подьячих. По подсчетам Р.Г.Скрынникова, проведенным по «Синодику

опальных», тогда разом было казнено 40 приказных людей и 43 члена их семей [25, с.370]. Их обвинили не в лихоимстве, а, как и всех жителей Новгорода, в измене и стремлении перейти в подданство польского короля.

Михаил Авилов. Опричники в Новгороде

Продолжением новгородских событий стала массовая казнь высших должностных лиц московских приказов 25 июля 1570 г. Им вменялась в вину причастность к «новгородскому делу» и участие в заговоре в пользу удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. По свидетельству Штадена, тогда в Москве были казнены до 130 должностных лиц, в том числе руководители приказов [34, с.464–465]. Мучительным казням подверглись (вместе с членами семей) печатник И.М.Висковатый, главный казначей Н.А.Фуников, руководитель Поместного приказа В.Степанов, руководитель приказа Большой казны И.Булгаков, руководитель Разбойного приказа Г.Шапкин. По этому «сыскному изменному делу» еще 180 человек были прощены [26, с.543; 25, с.402–403]. Причину жестокой расправы с приказной элитой царь объяснил, напутствуя послов в Литву. На закономерный вопрос о московских казнях послы должны были отвечать: «О чем государский изменник Курбский и вы, паны

радные (т.е. члены Рады. – Л.П.) с этими государскими изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил; потому они и казнены» [34, с.465].

В верхушке правящего класса Иван Грозный видел своих врагов, что в полной мере проявилось в новгородских и московских событиях; подтверждением тому служит и его духовное завещание, составленное в 1572 г. В завещании царь писал, что положение его семьи на московском престоле

Александровская слобода.
Реконструкция пыточной

непрочно, «что он изгнанник, ведущий борьбу со своими врагами, что этой борьбе не видать близкого конца» [26, с.543]. Неудивительно, что опалы и казни представителей правящей элиты продолжались и в последующие годы. По свидетельству летописца, в 1574 г. в Кремле прошли массовые казни. «Казнил царь на Москве, у Пречистой, на площади в Кремле многих бояр, архимандрита чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского»⁵. Имеется в виду двор боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского, одного из правителей земщины, который по требованию царя не однажды каялся в своих «изменах» [26, с.546]. Причина массовой расправы в Кремле не названа, но ее связь с именем подозреваемого в изменах Мстиславского дает основание предположить, что казненных также обвиняли в измене.

Историки обратили внимание на то обстоятельство, что вотчины, поместья и все имущество тех, кто был казнен или отправлен в ссылку, царь брал «на себя», пополняя государеву казну. По подсчетам Р.Г.Скрынникова в 1565–1566 гг. только в Казанский край было сослано около 180 человек, причем большинство из них князья, владевшие обширными вотчинами. Именно в конфискации крупных земельных владений Скрынников видел замысел опричнины [24, с. 110–114]. С. О. Шмидт также считал, что опричные походы на русские города давали возможность царю путем конфискации имущества правящего класса решать финансовые проблемы, вызванные войной [33, с.320]. Подтверждением такой точки зрения служит откровенное признание активного участника

⁵Цит. по: [26, с.546].

этих походов Штадена: «Великий князь отправился грабить свой собственный народ, свою землю и города. (...) Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра» [34, с. 513, 517].

Историки указывают и другую, более глубокую цель, преследуемую Иваном Грозным – установление единовластиа и, как следствие, может быть не вполне осознанное, создание централизованного государства. Вместе с тем давно признан тот факт, что задача собирания земель под властью Москвы и создания единого государства стояла перед всеми предшественниками Ивана IV, и они ее постепенно решали. Особый вклад в дело формирования единого Российского государства внес дед Ивана IV. Иностранцы, находившиеся при дворе Ивана III, отмечали наличие прочных экономических связей между центром и провинциями, которые «полностью подчиняются Государю» [11, с. 11]. На дальнейшее развитие этих процессов была направлена и политика великого князя Василия III.

Г.Штаден отводил Ивану IV исключительную роль в создании централизованного государства, что было явным преувеличением. Вместе с тем он признавал, что за это народ заплатил страшную цену. «Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет⁶, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе – одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он, – все исполняется; и все, что запретит, – действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне» [34, с. 485]. По оценке С.Б.Веселовского, после опричнины установилось «ничем не ограниченное самовластие царя», которое «получило столь общее признание, что бороться за него дальше было бы тоже, что ломиться в открытую дверь» [5, с. 335]. Иными словами, посредством введения опричнины Иван IV добился своей цели. Не случайно, за последние восемь лет его царствования сведения о казнях отсутствуют [26, с. 547].

Опричнина не прошла бесследно для Московского государства. Она посеяла семена, проросшие в начале XVII века Смутой, гражданской войной и повсеместным разорением страны.

⁶ В условиях опричнины, в конце 1560 – начале 1570-х гг. население Московского государства прошло через суровые испытания: повсеместные неурожай, страшный голод, эпидемию чумы, сожжение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем 24 мая 1571 г. (в день Вознесения Господня), поход Девлет-Гирея на Русь и разгром его русским войском под Москвой в августе 1572 г.

II. Царствование Ивана IV в оценке историков

На памятнике «Тысячелетия Государства Российского», возведенном в Великом Новгороде в 1862 г., помещены 126 скульптур и горельефов правителей и выдающихся деятелей разных эпох. В их числе современники первого русского царя: члены «избранной рады» А.Ф.Адашев и священник Сильвестр, царица Анастасия Романовна, но нет самого Ивана IV⁷. Так было оценено его царствование, бывшее периодом тяжелых испытаний для всех слоев населения и Московского государства в целом.

На памятнике «Тысячелетия Государства Российского», возведенном в Великом Новгороде в 1862 г., помещены 126 скульптур и горельефов правителей и выдающихся деятелей разных эпох. В их числе современники первого русского царя: члены «избранной рады» А.Ф.Адашев и священник Сильвестр, царица Анастасия Романовна, но нет самого Ивана IV⁷. Так было оценено его царствование, бывшее периодом тяжелых испытаний для всех слоев населения и Московского государства в целом.

Анастасия Романовна

Н.М.Карамзин на основе многочисленных источников изложил события царствования Ивана Грозного в хронологической последовательности. Историк разделил его на шесть «эпох», но особо выделил 1560 год,

⁷По инициативе местных властей в 2016 г. царю Ивану Грозному открыты памятники в г. Орле и г. Москве (в Петровверигском пер). Несмотря на противодействие общественности, обсуждается вопрос об установке памятников в ряде других городов.

положивший начало разрушительному для государства периоду террора и самовластия царя.

Открытие новых источников позволило исследователям расширить представление об эпохе Ивана Грозного, дополнить ее описание важными деталями и подробностями. Однако в целом событийная сторона этого продолжительного царствования не претерпела существенных изменений. Как и Карамзин, историки XIX, XX и XXI века разделяли правление Ивана IV на «эпохи» и поворотными вехами в политической жизни Московского государства считают 1547 и 1560 гг. Вместе с тем оценка событий и деятельности первого русского царя на протяжении периода изучения часто менялась, нередко на противоположную.

За 200 лет, прошедших с издания «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, об этом периоде русской истории написано огромное количество работ. Однако до сих пор в исторической литературе не существует единого взгляда на эпоху Ивана Грозного, его личность и деятельность. Историографические работы Н.А.Рубинштейна и С.Б.Веселовского позволяют составить общее представление об оценке первого русского царя в трудах исследователей, живших в разные исторические эпохи. Монография Рубинштейна «Русская историография», результат многолетнего труда ученого, несмотря на время ее издания (1941 г.), написана в спокойной манере, без обличительных оценок работ «буржуазных» историков и до сих пор не утратила научного значения [20]. Статья Веселовского «Царь Иван Грозный в работах писателей и историков» писалась в 1944–1945 гг. без надежды на ее скорую публикацию (увидела свет только в 1963 г.), поэтому автор был откровенным в своих характеристиках [3].

Оба историка отмечали особую роль «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, ставшей прочным фундаментом отечественной исторической науки. Карамзин подошел к освещению периода правления Ивана Грозного с морально-нравственных позиций. Он описывал успехи, достигнутые Московским государством в 1550-е годы, когда царь следовал советам членов «избранной рады», признавая заслуги в том и самого Ивана. В отличие от этого периода, Карамзин негативно оценивал самовластную политику 1560–1570-х гг. и личность царя, как человека и государственного деятеля. Карамзин, как и его предшественники XVIII в., не находил исторического смысла в причинах и объяснял ее введение патологическим состоянием психики царя [20, с. 336]. Р.Ю.Виппер в работе, написанной в 1922 г., считал суровый приговор Карамзина личности Ивана IV данью «веку сантиментального просветительства

и великосветского придворного либерализма». По его мнению, Карамзин дает «убийственную» характеристику Ивану IV «для того только, чтобы оттенить сияющий всеми добродетелями образ Александра I и его "великой бабки"» [6, с.204]. Однако стремление профессора Виппера представить угодливым царедворцем автора «Записки о древней и новой России» и «Мнения русского гражданина» является, по крайней мере, необоснованным. Несмотря на критические отзывы многочисленных оппонентов, оценка Карамзиным эпохи Ивана IV утвердилась в исторической литературе.

М.П.Погодин разделял точку зрения Н.М.Карамзина на этот период русской истории, но к деятельности Ивана IV относился более сурово (в работе 1828 г.). Историк признавал, что в первый период этого царствования сделано много важного и великого, но заслуга в том исключительно советников царя, так как сам Иван был неопытен и плохо образован, чтобы в молодые годы стать великим законодателем и преобразователем государства [20, с.329, 336, 413, 465; 3, с.199].

Противоположный взгляд на эту эпоху высказал в 1846 г. К.Д.Кавелин. В отличие от Карамзина и М.П.Погодина, Кавелин считал Ивана IV государственным деятелем, опередившим свое время, и равным по масштабам Петру I. По его мнению, великие замыслы первого русского царя не встретили понимания со стороны косной, своекорыстной и невежественной боярской среды. Убедившись в невозможности осуществить свою «мечту», царь ввел опричнину, которая была мезтью правящему классу [20, с.297, 336; 3, с.195–196]. По оценке Кавелина, опричнина, «учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомством, (...) была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства»⁸.

Эти рассуждения Веселовский определил, как «полет Кавелина в стратосферу фантазии», которая «настолько противоречит фактам и логике, что его высказывания можно было бы без сожаления сдать в архив историографических курьезов, если бы они не имели успеха и не оказали заметного влияния на последующих историков» [3, с.198].

Действительно, с тех пор в исторической литературе утвердились два противоположных взгляда на эпоху Ивана IV и каждый из них (с некоторой поправкой) имел и имеет своих продолжателей.

С.М.Соловьев стремился примирить крайние позиции и выработать единый и более уравновешенный взгляд на этот период истории. В его

---

⁸Цит. по: [3, с.198].

описании опричнина – это последний, исторически обоснованный, этап длительной борьбы государственного начала с родовым бытом. Соловьев не менее Карамзина порицает царя, как человека, но в то же время признает его прогрессивную роль и заслуги, как государственного деятеля [20, с.267; 3, с.201].

Концепция Соловьева получила дальнейшее развитие в работах С.Ф.Платонова. В книге «Иван Грозный» (1923 г.) он писал, что накопленные к тому времени исторические знания позволили по-новому взглянуть на эпоху Ивана IV. Прежде всего, «упразднился старый взгляд на опричнину как на бессмысленную затею полоумного тирана». По трактовке Платонова, опричнина была средством, необходимым царю, «чтобы заменить крупное вотчинное землевладение (наследственное) мелким поместным (условным) землепользованием» [19, с.80]. В отличие от предшественников Платонов считает, что на всем протяжении этого царствования политика Ивана IV оставалась неизменной. «Это была политика большого размаха, отмеченная всегда отважным почином, широтой замыслов и энергией выполнения задуманных мер». Высоко оценивая деятельность царя, историк отделяет в нем государственного деятеля от человека. «Успех в исследовании эпохи вел к тому, что личность Грозного как политика и правителя выростала и вопрос о его личных свойствах и недостатках терял свою важность для общей характеристики его времени» [19, с.27, 28].

В 1922 г., за год до выхода книги Платонова, под тем же названием («Иван Грозный») была издана работа Р.Ю.Виппера. В авторской трактовке опричнина получает значение военной реформы [6, с.151], а царь предстает крупнейшим историческим деятелем. «Книгу профессора Виппера, – писал Платонов, – можно назвать не только апологией Грозного, но его апофеозом». В целом он с похвалой отозвался о книге и выразил надежду, что она «навсегда упразднила возможность презрительного отношения к личности Грозного» [19, с.29]. Через 20 лет эти слова в полной мере оправдались.

С.Б.Веселовский подверг резкой критике концепцию С.Ф.Платонова, указав на ошибки и неточности, допущенные автором при ее построении. Прежде всего, это касалось территории, отделенной в опричнину. В трактовке роли опричнины Платонов исходил из того, что в нее были взяты «как раз» местности с землевладением княжат, потомков удельных князей. Однако приведенные Веселовским сведения о землевладении в опричных уездах не подтверждают эту точку зрения [3, с.204–206]. Следует отметить, что к такому же заключению Веселовский пришел

и в работе «Синодик опальных Ивана Грозного как исторический источник» (1940 г.). Изучение социального состава лиц, казненных в годы опричнины, показало, что на одного боярина и дворянина приходилось 3–4 рядовых служилых землевладельца (детей боярских), а на одного представителя от всех служилых землевладельцев – 10 лиц из низших слоев населения (псарей, боярских холопов, «простых людей» и др.). «Очевидно, – заключает автор, – что пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана в лице бояр и княжат были направлены против крупных феодалов и что лица из низших слоев населения погибали только случайно, в связи с казнью крупного феодала» [5, с. 478].

Не согласен Веселовский и с оценкой личности Ивана Грозного. «Платонов хорошо понимал, насколько безнадежна попытка реабилитировать Ивана как человека», поэтому он стремился «превознести Ивана как государственного деятеля». В результате «явилась знаменитая концепция С. Ф. Платонова», которую Веселовский назвал «мнимонаучной» [3, с. 207]. Полная реабилитация Ивана Грозного произошла в 1940-е годы, когда, по выражению Веселовского, «все, кому приходилось писать об Иване Грозном и его времени, заговорили в один голос» [3, с. 213] и «стали «петь дифирамбы прозорливости и государственным талантам Ивана» [4, с. 152]⁹. В связи с политической конъюнктурой, Иван IV предстает мудрым и дальновидным политиком, создателем централизованного государства, который боролся с противниками преобразований, своевольными боярами. О времени Ивана Грозного тогда писали книги, ставили спектакли, снимали кино, а хвалебные отзывы историков об этих произведениях печатались в газете «Правда». Все сходились во мнении, что наконец-то, первый русский царь «как историческая личность реабилитирован от наветов и искажений старой историографии» [3, с. 213].

С начала 1960-х гг. отношение к политике Ивана Грозного и к нему самому вновь меняется. Не случайно именно тогда издаются работы С. Б. Веселовского, написанные в 1940-е гг., которые по своей направленности не отвечали политическим установкам своего времени. В работах историков, написанных в 1960–1980-е гг., прослеживается стремление найти «золотую середину» и вслед за С. М. Соловьевым примирить крайние позиции в оценке эпохи Ивана IV. Признавая деспотический характер деятельности грозного царя, в полной мере проявившийся

⁹Статья Веселовского написана в августе 1943 г. по поводу положительной рецензии историка С. Бородинна на роман В. Костырева «Иван Грозный» (статья Веселовского опубликована только в 1977 г.).

в разгроме Новгорода, историки (в том числе и А.А.Зимин) отмечали, что проводимая царем политика «являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны» [10, с. 45]. С таких же позиций оценивал этот период истории автор книг об опричнине Р.Г.Скрынников¹⁰.

Стремясь дать объективную оценку политике Ивана Грозного, Скрынников объяснял ее жестокость и неоднозначность противоречивым характером эпохи, в которой жил Иван IV и порождением которой был он сам [24, с. 240–241].

В конце 1980-х гг., когда в стране возобладали либеральные идеи и Советский Союз стоял на пороге потрясений, эпоха Ивана IV в очередной раз подверглась коренному пересмотру. В.Б.Кобрин в книге «Иван Грозный» (1989 г.) в оценке личности первого русского царя и его политики, подобно Н.М.Карамзину, руководствовался морально-нравственными критериями. В его трактовке, Грозный – это кровавый тиран, уничтожавший свой народ и разрушавший государство [12, с. 158–170].

Книга Кобринина не «закрывает» эту тему. Как и 200 лет назад личность Ивана IV и его царствование по-прежнему вызывают неизменный интерес у историков и не только у них. Среди работ последних 20 лет особого внимания заслуживает книга Б.Н.Флори «Иван Грозный», вышедшая в серии «ЖЗЛ» (2-е издание 2002 г.). В отличие от Кобринина, Флоря с беспристрастностью летописца излагает исторические факты, как украшающие, так и порочащие это царствование. Вместе с тем отношение автора к деятельности грозного царя достаточно критично. В заключительной части книги он ставит под сомнение ряд положений, которые обычно приводят в доказательство целесообразности и обоснованности политики, проводимой Иваном IV. По мнению Флори, прежде чем признавать социально-политическое устройство России второй половины XVI в. в качестве оптимальной формы организации общества, следует ответить на закономерный вопрос: насколько обязательны «для достижения такого итога были все те кровавые жертвы, которыми ознаменовалось правление Ивана IV и которые привели, в конечном итоге, к разорению всей страны». Не находит подтверждения в источниках и утверждение многих авторов о непримиримой оппозиции политике царя со стороны правящего класса, а также «о существовании целого ряда заговоров, которые Иван IV подавлял с такой жестокостью». В итоге маститый ис-

¹⁰ Имеются в виду три небольшие монографии Р.Г.Скрынникова: «Начало опричнины» (Л., 1966), «Опричный террор» (Л., 1969) и «Россия после опричнины» (Л., 1975). На их основе в 1992 г. издана обобщающая работа «Царство террора».

торик вынужден признаться читателям, что «на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа» [30, с.396–397].

В условиях «многоголосицы», утвердившейся в современной исторической науке, такой взгляд на эпоху Ивана IV был принят не всеми исследователями. В 2008 г. личность первого русского царя вновь стала предметом специального изучения: очередная книга «Иван Грозный» написана А.Н. Бохановым и опубликована издательством «Вече». Боханов писал, объясняя замысел книги: «Фигура Иоанна IV Васильевича давно нуждается в новом историческом "прочтении"» [1, с. 12]. Однако «прочтении» Бохановым личности царя как выдающегося политического деятеля не стало открытием, так как во многом возвращало к концепции К.Д. Кавелина и советской историографии 1940-х гг. В оценке деятельности Ивана Грозного Боханов исходит из последующих драматических событий Смутного времени. По мнению автора, Смута начала XVII в. явилась следствием «вотчинной психологии» правящего класса, которая «и вызвала к жизни небывалый акт национального предательства в 1610 году». Отсюда следует вывод: «История воочию показала, что Иоанн Васильевич был совершенно прав, когда не доверял родовитым и именитым» [1, с.208]. Как известно, на практике недоверие подозрительного царя проявлялось в опалах и массовых казнях подданных, нередко вместе с их семьями. Таким образом, Иван Грозный был в очередной раз реабилитирован, теперь с позиций событий, произошедших спустя четверть века после его смерти.

Обзор литературы позволяет сделать ряд заключений. Очевидно, что оценка эпохи Ивана IV и его самого менялась в зависимости от политической ситуации в стране и настроений в обществе, что происходило примерно раз в 20 лет. В условиях преобладания либеральных настроений в обществе и правительстве Иван Грозный – кровавый тиран и разрушитель страны, при авторитарном правителе он – создатель централизованного государства и спаситель России.

Предметом спора историков разных эпох являлось участие царя в разработке реформ 1550-х гг.: был ли он их инициатором или только наблюдателем преобразований, не мешавшим своим советникам решать давно назревшие задачи в области управления, службы и других сферах государственной жизни. Особо острые разногласия в научных кругах вызывает опричнина: ее замысел, результаты и значение для дальнейшего развития страны. Отношение к опричнине, подобно лакмусовой бумаге, определяет общую оценку царствования Ивана Грозного.

Вместе с тем на протяжении всего периода изучения этой эпохи (независимо от знака, под которым она освещается) исследователи видели в деятельности Ивана IV политическую направленность. Коррупция в структурах власти, как в русской, так и советской историографии не была предметом специального изучения. Злоупотребления чиновников рассматривались в неразрывной связи с организацией государственного управления и материальным обеспечением служащих, что представляется обоснованным и логичным.

III. Царствование Ивана IV в свете коррупциологии

Использование служебного положения с целью извлечения личной выгоды было всегда и везде; отличия заключались лишь в масштабах

и способах получения несправедливых доходов. В последние годы, в связи с широким распространением коррупции, на мировом уровне было принято решение о координации действий в борьбе с этим явлением. 31 октября 2003 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Конвенцию о коррупции и объявила 9 декабря Международным днем борьбы с коррупцией. Этот документ ратифицировали многие страны, 6 декабря 2006 г. его подписала Россия.

В последние десятилетия, когда тема борьбы с коррупцией получила особое значение, о ней стали писать не столько историки, сколько представители других специальностей: юристы, журналисты, экономисты, философы, таможенники и др. В их работах деятельность Ивана Грозного обрела новое звучание. В современной трактовке он предстает в ореоле первого борца с коррупцией, «карающий меч» которого поражал не только врагов царя (изменников и заговорщиков), но и беспощадно истреблял мздоимцев. Как следствие нового подхода к деятельности первого русского царя, авторы работ о коррупции подвергают сомнению утвердившиеся в исторической литературе положения и факты, на которых они основаны. Так, в обширном фолианте (св. 1000 с.) кандидата экономических наук Ю. В. Кузовкова «История коррупции в России» (2010 г.) читаем: «Все или почти все факты про "тирана" Грозного, включая беспричинные убийства людей из его собственного окружения, в том числе его собственного сына, были записаны (вернее "состряпаны") его личными врагами (...). И ни один факт необоснованной жестокости Ивана Грозного не подтвержден независимым свидетелем» [13, с. 195].

Представление об Иване Грозном как беспощадном борце с коррупцией достаточно прочно утвердилось в современном сознании, чему

в немалой степени способствуют материалы, размещенные в интернете. Рассмотрим статью журналиста Сергея Тихонова «Непобедимое зло?» (2013 г.) с точки зрения достоверности приведенных в ней фактов. Автор пишет, что при Иване IV за злоупотребления было казнено восемь тысяч чиновников или около 34% всех государственных служащих [28]. Эти цифры далеки от реальных. В Московском государстве XVI в. не было такого количества чиновников. В 1580-е гг. число дьяков не превышало 70 человек, а общая численность приказных людей (дьяков и подьячих) даже через полвека, в 1626 г., составляла около 670 человек [15, с. 209; 9, с. 23 (таблица 2)]. Согласиться с журналистом можно лишь в том, что при Иване IV потери среди служилых людей были значительными. По подсчетам историка С.Б.Веселовского, среди 3300 человек, записанных в 1583 г. в «Синодик опальных» Ивана Грозного, значится 25 дьяков (около $\frac{1}{4}$ их общей численности) и несколько десятков московских и новгородских подьячих. «При царе Иване, – замечает Веселовский, – служба в приказном аппарате была не менее опасным для жизни занятием, чем служба в боярах и других высших чинах правительственной власти» [5, с. 478].

Несмотря на сомнительный характер статистических сведений, приведенных Тихоновым (без указания источника), их повторяют даже авторы работ, претендующих на статус глубоких исследований [8, с. 7; 21, с. 316].

В книгах и статьях по коррупциологии вывод о широком распространении коррупции при Иване Грозном и его беспощадной борьбе с этим явлением базируется на двух фактах, источником которых является все та же статья С.Тихонова или изданные до ее появления работы по этой тематике. Учитывая особое значение, какое придается этим фактам, необходимо установить степень их достоверности.

В статье С.Тихонова приводится детальное описание первой казни взяточника в 1556 г., положившей начало борьбе Ивана Грозного с коррупцией. Первой жертвой стал дьяк, получивший в качестве посула жареного гуся с запеченными в нем монетами. Во время отрубания у дьяка конечностей царь интересовался: «Вкусно ли гусиное мясо?» Это описание с колоритными подробностями по стилю близко к народным притчам и сказаниям, которые всегда слагались о правителях и известных людях. Подтверждением народного происхождения этой истории может служить и отсутствие фамилии дьяка, который в этом случае является скорее собирательным образом. В XVI в. в связи с малочисленностью дьяков и важностью этой должности их имена и фамилии за редким исключением известны.

Описание казни дьяка (без указания года) за взятку, полученную в жареном гусе, приводит в своих «записках» английский посланник доктор гражданского права Д. Флетчер. Он не был очевидцем этой казни, так как приехал в Москву в конце 1588 г., спустя более 30 лет после этого события и через 4,5 года после смерти царя [29, с. 49]. Вероятно, Флетчер почерпнул эти сведения из того же источника, что и информацию об «уловках», какими пользовался Иван IV для пополнения казны. В полной уверенности в достоверности этих сведений он сообщает, что царь требовал у жителей Перми воз кедрового дерева, а у москвичей – шапку блох; неисполнение этих требований предполагало выплату значительных денежных сумм [29, с. 52].

В подтверждение широкого распространения коррупции и решительных действий царя по ее искоренению С. Тихонов приводит слова французского дипломата Арнольда Шемо, который в 1558 г. писал в Париж: «Московию не узнать – страх смерти изменил эту страну так, что наши купцы теперь не знают, как дела вести. Даже местные княжны подарков не берут, ибо каждый день мздоимцев прилюдно разрубают на куски прямо на городской площади»¹¹.

А. Шемо нарисовал страшную картину жизни Москвы конца 1550-х гг. Однако его свидетельство не находит подтверждения в описаниях других иностранцев, в частности, венецианского посла Марко Фоскарино, который в 1557 г. находился в Москве по торговым делам. Посол дал высокую оценку как личности Ивана IV, так и его деятельности. Он писал, что московский царь проявляет «любовь к своим подданным» и «с царским величием соединяет приветливость и человечность». Характеризуя обстановку в стране, Фоскарино отмечал неукоснительное исполнение законов и населением, и самим Иваном IV. Царь «руководствуется своими несложными законами, по которым он с величайшей справедливостью царствует и управляет всем государством» [11, с. 54–55]. Не исключено, что такая благостная картина не в полной мере отражала реалии жизни Москвы, но она дает основание заключить, что в 1550-е гг. казней в столице не было.

Как известно, казни и опалы начались после 1560 г. и одними из первых их жертв стали ближайшие советники царя и их родственники.

Не исключено, что А. Шемо писал о Москве не 1558 г., а 1568 г., т.е. уже во время oprичнины. Основанием для такого предположения служит тот факт, что в марте, июне и сентябре 1568 г. в Москве проводились массовые казни, в ходе которых были казнены многие высокопо-

¹¹ Цит. по: [28].

ставленные лица. По подсчетам Р.Г.Скрынникова, тогда погибло до 150 знатных лиц и приказных людей, а их слуг и холопов вдвое больше [24, с. 139–140]. Причиной казней стали письма польского короля к боярам, назначенным царем управлять делами земщины, с предложением перейти на его сторону: кн. М.И.Воротынскому, кн. Д.И.Бельскому, кн. И.Ф.Мстиславскому и конюшенному боярину И.П.Челяднину. Письма были перехвачены, но доказать свою невиновность удалось не всем адресатам. По этому делу был казнен старик Челяднин с женой и близкими к нему князьями и другими лицами, которых царь считал приверженцами кн. Владимира Андреевича Старицкого [26, с. 534, 537]. Отметим, что в 1568 году, как и в предыдущие годы, казнили по обвинению в измене, а не в мздоимстве, как писал А.Шемо.

К сожалению, не удалось найти А.Шемо в списке французских дипломатов, так же как и публикацию его послания в Париж, чтобы проверить эту широко растиражированную цитату.

Статья С.Тихонова изобилует неточностями, тем не менее для многих авторов, пишущих о коррупции, она стала первоисточником. История о дьяке с жареным гусем и свидетельство А.Шемо о массовых казнях московских мздоимцев в 1558 г. повторяются во многих работах, от статей студентов таможенного университета до внушительных монографий докторов наук [2, с. 19; 8, с. 7; 21, с. 316–317]. На основе двух сомнительных фактов современные авторы приходят к заключению о широком распространении коррупции в России и беспощадной борьбе с нею Ивана Грозного.

Для объективной оценки масштаба коррупции при Иване IV необходимо учитывать, что условия для получения неправедных доходов в начале и конце его царствования были разными. Не случайно обвинения бояр в злоупотреблениях, часто звучавшие в выступлениях царя, относились к годам его малолетства. Еще до начала самостоятельного правления (1544–1546 гг.), царь наглядно показал своим подданным, как скор он на расправу, и подтвердил это в годы опричнины. В таких условиях едва ли было много желающих брать посулы, чтобы потом оказаться на плахе. Основной причиной многочисленных опал и жестоких казней являлись обвинения правящей элиты в изменах и заговорах (чаще мнимых) с целью ограничения власти царя.

С образом Ивана Грозного как борца с коррупцией нередко связывают такую особенность русского народа, как вера в хорошего царя. По мнению английского историка М.Перри, именно антикоррупционные меры и «наполненные риторикой» публичные выступления Ивана IV способ-

ствовали созданию благодатной почвы для формирования народного монархизма [18, с. 211–212, 214–219]. Авторы работ по коррупциологии нередко называют Ивана Грозного «народным царем», все действия которого «осуществлялись в интересах всего народа» [13, с. 195].

С такой оценкой царствования Ивана Грозного трудно согласиться. Его деятельность и отношение к населению страны едва ли способствовали формированию веры в доброго царя, и не только у правящего класса, но и у народных масс. Во время страшного голода 1570 г., когда «из-за кусочка хлеба человек убивал человека», царь остался равнодушным к народному бедствию. Тогда в его селах, «доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд не обмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел продавать его своим подданным» [34, с. 465]. В конечном итоге, скирды сгорели. Страшную память в народе оставили опричные походы царя в Тверь, Торжок, Псков и особенно в Новгород, когда за шесть недель опричники истребили огромное число жителей города и его окрестностей. В разных источниках сведения о числе жертв сильно разнятся. Свидетель событий А. Шлихтинг пишет, что в Новгороде было убито «после придания удивительным терзаниям и мукам 2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни» [32, с. 343]. Кн. А. М. Курбский определяет общее число погибших в 15 тысяч; опричники И. Таубе и Э. Крузе приводят цифру в 27 тысяч человек; Псковский летописец сообщает о 60 тысячах убитых. В «Синодик опальных» внесены имена 1505 новгородцев [23, с. 263].

В отношении числа жертв новгородских событий нет единого мнения и у исследователей. Историк права М. Ф. Владимирский-Буданов пишет, что после шестинедельного разрушения Великого Новгорода и его пятин «собрано было 10 тысяч тел, кроме унесенных Волховом» [7, с. 196]. По мнению советского историка Р. Г. Скрынникова, сведения о погибших «крайне преувеличены». Ссылаясь на «Синодик опальных» Ивана Грозного, он определяет число жертв новгородского погрома 1570 г. в 1505 человек. По его подсчетам, в общей сложности за годы опричнины (1565–1572) погибли 3–4 тысячи человек, из них 600–700 дворян, не считая членов их семей [24, с. 191]. Однако Синодик не может служить объективным источником для определения реального числа жертв опричнины. К такому выводу пришел С. Б. Веселовский, изучивший Синодик как исторический источник. В результате проведенного исследования он пришел к заключению, что составление Синодика началось не ранее конца зимы 1583 г., т. е. за год до смерти Ивана (18 марта 1584 г.). К тому

времени за спиной царя осталась опричнина, проигранная Ливонская война с потерей не только завоеванных, но и исконно русских земель, убийство наследника. Вероятно, трагические события последних лет заставили Ивана IV, уже тяжело больного человека, задуматься о душе.

В основу Синодика положены списки убитых, составленные приказными дьяками по следственным делам. В результате в эти списки не могли войти сведения об убитых самим царем или по его указанию, тем более о жертвах опричных погромов. По этой причине в Синодике отсутствуют имена ряда известных лиц, нередко записи, в которых без имен указано лишь общее число убитых и место их гибели. По мнению Веселовского, сам способ сбора данных «исключал возможность составить задним числом сколько-нибудь полный список убитых» [5, с. 340, 342]. Р.Г.Скрынников также уделил большое внимание изучению Синодика. В отличие от С.Б.Веселовского он пришел к заключению, что составленный дьяками приказный список, «отличался большой полнотой, особенно для эпохи террора» [24, с. 136]. Автор имел в виду 1567–1570 гг., когда было убито около 3200 человек (из 3300 лиц, внесенных в Синодик). Скрынников не обнаружил в этом источнике сведений о казненных до начала опричнины и после ее окончания. Как замечает автор, эти «пропуски не столь уж значительны» [24, с. 136]. Иными словами, Скрынников вынужден был согласиться с Веселовским и признать, что Синодик не отличается полнотой. Подтверждением тому служат сведения современников о числе жертв погрома Новгорода в 1570 г. (может быть и сильно преувеличенные), которые неизмеримо превышают данные Синодика.

Жестокость Ивана Грозного поражала современников. Однако в работах последних десятилетий ее проявление рассматривается как явление, характерное для XVI в. Сравнивая сведения о числе жертв европейских монархов с данными Синодика, авторы заключают, что первый русский царь не был тираном своего народа, а действовал в духе времени и в интересах государства [1, с. 11]. Странники такого подхода не учитывают, что русские люди того времени прекрасно осознавали отличие православного мира от остального. Предшественники Ивана IV, его дед Иван III и отец Василий III, будучи православными людьми и управлявшие православным народом, не отличались кровожадностью европейских правителей. Эта особенность проявлялась и в законах Московского государства, удивлявших иностранцев мягкостью наказаний. Показателен в этом отношении процесс присоединения Новгорода к Москве при

великом князе Иване III, начавшийся за 100 лет до новгородского похода его внука Ивана IV.

Как известно, в Новгороде были сильны позиции литовской партии, которая стремилась передать его под власть польского короля. В случае успеха новгородское православное духовенство переходило бы в подчинение литовского митрополита, что особенно возмущало русских людей. Сношения с литовским митрополитом-униатом расценивались как измена православию. Военные действия, начатые Иваном III против Новгорода в 1471 г., закончились для Москвы удачно: новгородцы признали над собой власть великого князя и его суд, сохранив при этом вечевые порядки. Но вражда между новгородскими партиями продолжалась. В конце 1475 г. великий князь приехал в Новгород «миром», где в течение двух месяцев разбирал взаимные жалобы, вершил суд и устраивал пиры. Однако обстановка в городе оставалась сложной, и в 1477 г. Иван III предпринял новый поход против Новгорода, после которого новгородцы лишились веча, посадника и даже вечевого колокола, увезенного в Москву. В 1480 г., когда на Москву двинулся хан Ахмат, новгородцы вновь вступили в переговоры с польским королем. На этот раз великий князь сурово обошелся с заговорщиками: архиепископ Феофил, принимавший участие в заговоре, был заточен в Чудовом монастыре, около 100 человек казнены и столько же семей переселены в другие города. В 1480-е гг. в Новгороде еще не раз возникали заговоры и смута, которые московские власти умирляли при помощи военной силы [31, с. 196–199]. Как следует из приведенных фактов, в XV в. противодействие Москве со стороны жителей Новгорода было реальным и продолжительным, тем не менее Иван III предпочитал многие вопросы решать мирным путем и лишь в крайнем случае прибегал к суровым наказаниям и расправам. Его внук Иван IV с невероятной жестокостью разгромил Новгород по доносу об измене и сношениях новгородцев с польским королем, хотя справедливость этих обвинений до сих пор не доказана.

До введения опричнины необоснованные казни в Москве были необычным явлением. Поэтому убийство по приказу царя князя Д. Ф. Овчины Телепнева-Оболенского в 1564 г.¹ (за полгода до введения опричнины) вызвало сильное возмущение со стороны бояр и священнослужителей. «Они говорили, – писал А. Шлихтинг, – что христианскому государю

¹ Гнев царя вызвала жалоба Ф. Басманова на кн. Овчину за его слова, что служба Басманова заключается в нетрадиционных отношениях с царем. Иван пригласил Овчину в гости и в знак особого расположения предложил ему пойти в винный погреб и выпить любой напиток за здоровье царя. В погребе по приказу царя Овчину задушили псаря [32, с. 330–331].

не подобает свирепствовать против людей так, как против скота» [32, с. 332]. Они тогда не знали, что в скором времени многих из них постигнет та же участь. Представляется, что для объективной оценки царствования Ивана Васильевича его следует рассматривать с учетом реалий российской, а не европейской жизни, тем более, что русский народ уже дал свою оценку Ивану IV, назвав его «Грозным».

Показательна в этом отношении реакция населения на смерть Ивана IV. По свидетельству современника (Д. Горсея), даже после погребения царя в церкви Архангела Михаила «он все еще оставался столь ужасным воспоминанием, что, проходя мимо, или упомянув его имя, люди крестились и молились, чтоб он вновь не воскрес» [11, с. 125].

* * *

Эпоха Ивана Грозного, сложная и противоречивая, как и личность самого царя, всегда привлекала внимание историков. За более чем два столетия об этом периоде истории написано огромное количество книг и статей. Однако до сих пор не дана единая оценка этому царствованию: она менялась в зависимости от времени и условий, в которых жили сами исследователи. Но, несмотря на различия в оценках, историки видели в деятельности первого русского царя политическую составляющую, определявшую внутреннюю и внешнюю жизнь государства.

С иных позиций подходят к изучению эпохи Ивана Грозного авторы работ по коррупциологии – области знаний, возникшей в последние годы. Являясь специалистами разных профессий, они не обращаются к историческим источникам, не знакомы с историографией и не имеют представления об эпохе, о которой пишут. Процесс написания исторических трудов сводится в большинстве случаев к повторению не всегда достоверных сведений, которые «кочуют» из одной работы в другую. Многочисленность подобных «исследований» и их доступность в интернете приводит к широкому распространению неверных знаний, на базе которых создается новая история России, написанная без изучения источников и знания эпохи, без учета результатов труда многих поколений историков.

Библиографический список

1. Боханов А.Н. Иван Грозный. М.: Вече, 2008. 352 с.
2. Буракова К.Е. Взятничество в России: первые попытки ограничения / К.Е.Буракова, А.В.Прокопчук // Бюллетень Санкт-Петербургского имени В.Б.Бобкова филиала Российской таможенной академии: Выпуск XIII: Историко-философский анализ борьбы с коррупцией в России. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б.Бобкова филиал РТА, 2016. С.18–20.
3. Веселовский С.Б. Обзор мнений историков об опричном дворе царя Ивана // Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: «АИРО – XXI», 2008. С.188–214.
4. Веселовский С.Б. По поводу трилогии тов. Костырева и возникшей о ней полемики // Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: «АИРО – XXI», 2008. С.143–171.
5. Веселовской С.Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М.: Наука, 1963. С.323–478.
6. Виппер Р.Ю. Иван Грозный // Платонов С.Ф. Иван Грозный. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.: Издательство УРАО, 1998. С.101–211.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
8. Глазкова Л.В. Государственный чиновник: история коррупции в России: Монография. М.: Проспект, 2015. 112 с.
9. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 229 с.
10. Зимин А.А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С.18–49.
11. Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). Сборник / Сост. М.М.Сухман. М.: Столица, 1991. 432 с.
12. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 175 с.
13. Кузовков Ю.В. История коррупции в России. М.: Интернет-версия, 2010. 1003 с.
14. Макарьевский Стоглавник // Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии. Вып.1. Новгород: Типография губернского правления, 1912. IV. С.1–135.
15. Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. Т.116. М., 1988. С.187–227.
16. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Благочестивого великого царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича во все его Великой России государство против крестопреступников, князя Курбского с товарищами, об их измене) // Иван Грозный: (Серия: Русская социально-политическая мысль). М.: Социально-политическая мысль, 2002. С.79–119.

17. Первое послание Курбского Ивану Грозному (Грамота Курбского царю государю из Литвы) // Иван Грозный: (Серия: Русская социально-политическая мысль). М.: Социально-политическая мысль, 2002. С. 182–184.

18. Перри М. Судебник 1550 г., народный монархизм и борьба с коррупцией в России в XVI–XVII столетиях // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. статей. М.: Парад, 2000. С. 211–221.

19. Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584) // Платонов С. Ф. Иван Грозный. Випер Р. Ю. Иван Грозный. М.: Издательство УРАО, 1998. С. 17–100.

20. Рубинштейн Н. А. Русская историография. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 659 с.

21. Румянцева Е. Е. Коррупциология: преступления и наказания: монография / Е. Е. Румянцева. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 765 с.

22. Сборник документов по истории СССР. Часть 3: XVI век. М.: Высшая школа, 1972. 207 с.

23. Середонин С. М. Иоанн IV Васильевич // Русский биографический словарь. Т.: Ибак – Ключарев. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. С. 229–271.

24. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1975. 247 с.

25. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.

26. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. III. М.: Мысль, 1989. 783 с.

27. Таубе И. и Крузе Э. Великого князя Московского неслыханная тирания вместе с другими поступками, совершенными им с 66-го по 72-й год, описанные в то время бывшими его советниками, обстоятельно, как они сами видели, слышали, испытали... // Русский исторический журнал. 1922. №8. С. 8–59.

28. Тихонов С. Непобедимое зло? // Эксперт, 2013. URL: <https://expert.ru/2013/11/12/pepobedimoe-zlo/> (дата обращения: 22.09.20).

29. Флетчер Д. О государстве русском. СПб.: издание Суворина, 1905. XXII. 138 с.

30. Флоря Б. Иван Грозный. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2002. 401 с.

31. Чечулин Н. Д. Иоанн III Васильевич // Русский биографический словарь. Т.: Ибак – Ключарев. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. С. 193–228.

32. Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань: Александрия, 2004. С. 317–378.

33. Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 496 с.

34. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань: Александрия, 2004. С. 379–526.

Человек по природе своей
есть существо политическое.

Аристотель

Если вы не будете заниматься
политикой, политика
займется вами.

Шарль Монталамбер

Даниэль Камари

БЕСПАРТИЙНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК
329.8

Статья посвящена вопросу о проблемах развития партийной культуры. Анализируются различные тенденции, которые влияют на рост беспартийности и недоверия избирателей. Одна из них – партийная идеология. Обосновывается мысль о том, что в условиях ускорения глобализации стираются границы между разными партийными идеологиями, а это, в свою очередь, открывает путь к солидарным действиям партий в решении актуальных общечеловеческих проблем. В центре внимания автора вопрос о последствиях реализации такого тренда – его влиянии на доверие граждан к партиям, а также на сферу внутрипартийной жизни.

The article is devoted to the problem of the development of party culture. It analyzes various trends that affect the growth of non-partisanship and voter distrust. One of them is party ideology. In the context of accelerating globalization, borders are blurring between different party ideologies. In Europe, left-wing parties are uniting with populists, lowering their reputation to a minimum. They also promote immoral and utopian initiatives to the masses that undermine the foundations of the existence of society and interest in any ideology that unites people of different statuses. This process can lead to the degradation of party culture which will affect the trust of citizens.

Ключевые слова: беспартийность; глобализация; солидарность; коррупция; репутация.

Key words: non-partisanship; globalization; solidarity; corruption; reputation.

E-mail: danikamari@mail.ru

Многие явления в политическом развитии в конце XX – начале XXI вв. трудно поддаются логическому объяснению. Стало непросто понять, почему происходят те или иные процессы, которые заставляют общество менять взгляды и мировоззрение. Почему во Франции перед выборами вновь образованные политические партии в последний момент могут неожиданно подняться и выиграть выборы?¹ Как партия, замешанная в коррупционных скандалах, побеждает в Испании или Италии?² Некогда устойчивые представления о вещах приобретают иные контуры, а границы между разными взглядами стираются. Эти особенности быстро и всеобъемлюще отражаются на партиях. Страдают от этого граждане, которые вынуждены смириться с новыми особенностями политических отношений. Граждане и партия уже не идут нога в ногу. С развитием информационно-коммуникационных технологий уровень осведомленности граждан вырос, особенно молодежи, которая получает большой объем информации в течение дня [19]. При всем этом политика открытости носит несбалансированный характер. В информационном обществе она приводит не столько к повышению доверия граждан, сколько становится инструментом подрыва общественного доверия. Согласно глобальному аналитическому докладу «Барометр доверия Эдельмана» (“Edelman Trust Barometer”) за 2020 г., 76% респондентов по всему миру не доверяют средствам массовой информации [9]. В чем это выражается? Как это отражается? Граждане перестают доверять политическим партиям и выборам. Любопытное явление наблюдается в Великобритании. В референдуме за выход Великобритании из Евросоюза больше всего участвовало граждан в возрастной группе от 65 до 74 лет – 82%, тогда как наименьшее участие показала молодежь в возрасте от 18 до 24 лет – 60% [18, p. 16]. Это свидетельствует о низкой степени заинтересованности в участии в политических процессах. Уровень удовлетворенности молодых граждан политикой постепенно ослабевает. В той же Великобритании удовлетворенность молодых граждан ниже, чем у старшего поколения. В России молодежь, как и в Западной Европе, реже участвует в политической жизни страны. Одна из причин связана с партиями. С увеличением количества зарегистрированных партий в России, растет число беспартийных граждан. В США, несмотря на то, что зарегистрировано 225 партий (на ноябрь 2020 г.), большая часть населения предпочитает не ассоциировать себя с какой-либо пар-

¹Как, например, французская партия «Вперед, республика!»

²О коррупционных скандалах вокруг Испанской социалистической рабочей партии и Народной партии неоднократно сообщали СМИ.

тий и участвовать в политических вопросах независимо. Беспартийность – проблема глобального масштаба. Поэтому корректировка траектории развития партийной системы для повышения доверия граждан не менее важна, чем социально-экономические преобразования.

Глобализация и партийная идеология

В условиях ускорения культурной глобализации и региональной экономической интеграции становятся менее заметными не только грани-

цы между партийными идеологиями. За последние годы партии поглощают друг друга для борьбы с внешними угрозами, формируются суперпартии, создаются и укрепляются глобальные партийные союзы. Этому поспособствовали экономические сдвиги, которые начались в 70–80 гг. Уже в 1984 г. Рональд Рейган, выступая в Далласе, высказал идею о том, что борьба идет не между двумя наиболее популярными партиями в США, а между старыми и новыми формами управления государством [8]. Речь шла, конечно же, о рейганомике, которая создавала простор для роста частной инвестиционной активности. С тех пор многое изменилось в мировом партийном ландшафте. В 1992 г. была основана Партия европейских социалистов, которая включает в себя 33 члена партий из разных стран Европы. В 2017 г. была учреждена общеевропейская партия «Вольт Европа». Появляются и расширяются такие ранее учрежденные конфедерации партий, как Социнтерн. В 2013 г. был образован глобальный Прогрессивный альянс, куда входят партии из 77 стран мира. С 2007 г. существует объединение европейских консерваторов (Альянс европейских консерваторов и реформистов). Очень четко прослеживается прямая взаимосвязь между глобальными экономическими изменениями и партийной культурой. Но основа этих отношений вовсе не взаимодополнение. Приходится подстраивать фундаментальные принципы партий под экономические сложившиеся обстоятельства. Примечательно, что в программе Социалистической рабочей партии Испании (PSOE) на 2021–2023 гг. меры по борьбе с проблемами в трудовой сфере упоминаются лишь в 3 (72–74) из 350 пунктах [15]. В программах Партии европейских социалистов с 2000 по 2019 гг. труду уделяется мало внимания. Принципы, на которых в XIX–XX вв. учреждались партии, перестали быть главным двигателем. В Европе социалистические партии объединяются с популистами³, опуская свою репутацию до мини-

³ В 2020 г. Испанская социалистическая рабочая партия (PSOE) и партия «Мы можем» (Podemos) вместе образовали прогрессивную коалицию.

мальных значений. Они же продвигают в массы аморальные и утопические инициативы, которые подрывают основы существования общества (в частности, разрушающие основы традиционной семьи) и интерес к социалистическому движению, объединяющий разных по своему статусу людей. Глобальные экономические изменения могут происходить без подрыва моральных и этических норм и правил. Академик В. М. Полтерович считает, что культура является спусковым крючком в развитии экономики. Затрагивая вопрос о культурных факторах и механизмах экономической эволюции, он выделяет два типа сотрудничества: позитивное и негативное. Позитивное сотрудничество – это механизм, который позволяет разным заинтересованным сторонам достичь общественных целей с минимальными потерями. Негативное же сотрудничество, наоборот, приводит к тому, что достижение цели оборачивается убытком. Залогом позитивного сотрудничества является эволюция культуры взаимоотношений. Концепция академика Полтеровича имеет некоторые схожие позиции с «капитализмом для всех заинтересованных сторон» [2, с. 5–23]. Однако концепция позитивного сотрудничества более органично сочетается с вызовами переходного периода (такими, как необходимость увеличения доверия и горизонта планирования и т. д.), так как охватывает как частный, так и государственный сектор.

Формирование доверия и гражданской культуры в России и в мире

В последнее время инструментарий партий по работе с избирателями оскудел. Деятельность партийных кампаний связана преимущественно с выборами и голосованием. Партия и голосование стали почти равными по значению словами. Ко всему прочему активное участие партий в жизни граждан медленно угасает. Это явно не соответствует ожиданиям со стороны граждан, которые избирают не только по принципу симпатии. В России численность членов самой крупной партии («Единая Россия») не превышает 2% от всех граждан страны. Всего в партиях состоят меньше 4 млн граждан. Это мало для страны, где проживает 146 млн человек. О чем это говорит? Во-первых, о незрелой партийной системе, а, во-вторых, об определенной ригидности российской партийной системы. С другой стороны, Демократическая партия США, имея более 48 млн членов в своем составе, испытывает такие же проблемы, как и самая малочисленная парламентская партия России в Государственной Думе («Справедливая Россия»). Они связаны со степенью участия партий в жизни потенциальных избирателей. Кризис участия фиксируют

многие политологи (П. Мэйр, Н. Розенблюм, Р. Мюирхэд, П. Игнаци). Питер Мэйр подчеркивает тот факт, что партии в Европе настолько слились с государством, что трудно их отделить друг от друга. Поэтому, по его мнению, они скорее участвуют в работе правительства [12, р. 71]. Профессор Н. Розенблюм объясняет беспартийность немного иначе. Она считает, что статус беспартийного и независимого избирателя позволяет приблизиться к свободному мышлению демократического режима [17, р. 104]. Розенблюм, конечно же, имела в виду политику неолиберализма, которая искажает представление о демократии. Однако понимание степени участия не одинаково в разных странах.

В России по причине серьезного количественного превосходства (более семикратного) одной партией над другими это участие должно быть более интенсивным. Несколько десятков лет назад Коммунистическая партия СССР принимала участие в проблемах, о которых писали граждане. В настоящее время этот факт способствует завышенному ожиданию граждан от современных партий. В США и в западноевропейских странах такое участие изначально было гораздо слабее. Еще в первой половине XX в. граждане в США считали, что голосование за партию автоматически делает их членами этой партии [6, р. 17]. Там спад участия партий в жизни граждан шел, скорее, поэтапно. Поэтому ожидания населения не столь высоки, как в России. Однако на фоне экономического кризиса безучастность партий ощущается везде сильнее [13].

В России можно встретить пережитки 80–90-х гг. В отчетах о работе фракции КПРФ в Государственной Думе очень часто фигурирует термин «народное предприятие», которое ставится в противовес всем остальным средним предприятиям акционерного типа. Такое закрытое акционерное общество отличается от остальных лишь тем, что работник, являясь пайщиком, получает дивиденды пропорционально объему вложенного труда. Другая партия (ЛДПР) придерживается того мнения, что необходимо изменить административно-территориальное деление России. ЛДПР предлагает использовать дореволюционный термин «губерния». Отчеты все разные как по структуре, так и по объему, однако они имеют некоторые схожие черты. Несколько лет подряд ЛДПР напоминает о необходимости пересмотра итогов приватизации. С таким же предложением уже давно выступают еще две партии нелиберального толка. С инициативой по введению прогрессивного налогообложения выступают сразу три партии (КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия). С одной стороны, межпартийная солидарность свидетельствует о значимости проектов, но, с другой стороны, стираются культурные границы между разными

партиями. Объяснить такое явление непросто. Ирландский политолог Витторио Буфаки считает, что голос отдается по двум репутационным принципам. Первый это власть, а второе – доверие [7, р. 717–721]. В этом случае, заезженное слово «доверие», которое предполагает очень высокий уровень отношений, следует заменить на другой термин – «кредит доверия», предполагающий формирование доверия. Формирование доверия граждан и гражданской культуры процесс медленный. Такая форма участия предполагает обоюдную связь между партией и избирателем, основанную на ответственности. Единственным путем для легитимных оппозиционных платформ является повышение кредита доверия, которое происходит за счет повышения политической культуры, репутации и инновационной активности.

Инновационная направленность. Инновации являются необъятным полем по формированию доверия. Статистика по обращениям граждан дает понять, что граждане разных возрастов и мест проживания интересуются такими ресурсами. В 2020 г. большая часть из 294 тыс. обращений граждан в Государственную Думу РФ поступила через интернет-платформу (более 89%) [3], что свидетельствует о существенном прогрессе в использовании этого ресурса гражданами. В то же время его возможности очень ограничены. Он направлен, в основном, на решение индивидуальных вопросов граждан. Для выработки коллективного кредита доверия, наоборот, нужны публичные ресурсы, где можно размещать и голосовать за определенные инициативы, в том числе опубликованные представителями фракций. Их отсутствие тормозит естественный процесс развития электронного голосования и гражданской культуры. Однако до сих пор граждане фактически не могут выдвигать законодательные инициативы на федеральном уровне. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривает право законодательной инициативы граждан на территории проживания субъекта РФ [5]. Однако даже такие возможности не используются. В базе законодательных органов субъектов РФ нет электронных петиционных платформ. В настоящее время в России и в Европе более 70% инициатив исходят от федеральных органов государственной власти. Многие инициативы оппозиционных партийных фракций в парламенте не доходят до людей. Это происходит по многим причинам. Во-первых, пропагандистская работа чаще базируется на критике, чем на конкретных предложениях. Отсутствие единой и конструктивной политики

по работе с гражданами сильно ограничивает возможности построения диалога. Во-вторых, некоторые инициативы поступают на рассмотрение в комитеты в недоработанном виде. И они изначально обречены на провал. Инициативы должны быть понятными и точными. Поэтому важно работать не столько над количеством выдвигаемых законодательных инициатив, сколько над качеством их проработки, общественным продвижением в массы и партийной активностью в сторону инноваций. За счет этого можно уравновесить механизм принятия решений в системе российского парламентаризма.

Репутация. Инновационная направленность партийной идеологии не единственный путь формирования доверия. Гораздо важнее репутация партии и лиц, ее представляющих. В 2020 г. 69,7% обращений граждан в ГД РФ направлены отдельным представителям партий [3]. Образ сильного представителя имеет большое значение для избирателей. Однако навязанный образ о бессилии представителей левых течений не очень соответствует действительности. В 2020 г. в США опрос населения показал удивительные результаты. 47% опрошенных респондентов проголосовали бы за президента-социалиста. Немалую роль сыграл в этом положительный образ Берни Сандерса⁴. При этом только 39% американцев оценивают положительно социализм [16]. Показатель этот мог быть еще выше, если бы не воспоминания о противостоянии СССР и США. В России гораздо больше людей хотели бы возвращения социалистической системы. На это указывают опросы разных лет. В 2016 г. 60% опрошенных положительно отнеслись к социалистической системе [1; 4]. Однако в Европе, особенно во Франции, интерес к социализму падает из-за коррупционных скандалов и популистских инициатив. На фоне этого растет сила правоцентристского блока в этих странах Европы, замедляющая темпы развития гражданской культуры и социальной инициативы.

Кроме того, репутационная несостоятельность левых движений выражается в несовершенстве их программ. Многие жизненно важные вопросы рассматриваются поверхностно. Не предлагаются рациональные меры по решению вопросов, связанных с растущим имущественным неравенством, снижением доходов граждан, защитой потребительских прав и т. д. Трудовые отношения, которые всегда стояли на первом месте в программах социалистов, отныне рассматриваются в контексте экологических проблем и уравнивания прав мужчин и женщин. К тому же активная дис-

---

⁴Берни Сандерс стал одним из наиболее популярных политиков в президентской гонке 2016 г.

кредитация истории социалистического движения и ее ключевых деятелей по всему миру ведет к росту уровня разочарованности граждан.

Укрепление внутривнутрипартийных связей. В условиях стирания границ между партийными идеологиями, политика внутри партий остается неизменной. Строгая иерархическая и подданническая система отношений между членами большинства современных партий, в том числе социалистических, является барьером в установлении внутривнутрипартийной солидарности и единства. Речь идет, конечно же, не об установлении полного равенства между членами партий, о котором мечтал американский политолог К.Пейтман [14, с. 68–69], а об усилении поддержки и взаимопомощи. Закрытость отдельных лиц внутри партии пагубно влияет на всю партию. Это отмечают практически все исследователи. Пиэро Игнаци полагает, что из-за этого нарушается внутривнутрипартийный плюрализм. Он предлагает несколько мер по борьбе с этим (pluralism, deliberation, diffusion, inclusion). Они сводятся к всеобщему участию всех членов в разработке программ и принятию решений, а также к стиранию иерархических ступеней [11, с. 14–16]. Такой подход очень привлекателен, но он несет определенные риски. Система ответственности, построенная на строгой иерархии, станет лишь формальностью. В результате это приведет к деградации партийных отношений. Ряд других исследователей (Г.Рахат, Р.Хацан) предлагают очень похожую схему действий [10]. На проблему можно посмотреть и с другого ракурса. Путем укрепления внутривнутрипартийных ценностей можно было бы сделать партию более устойчивой к внешним воздействиям. Правда, взаимосвязь и ответственность друг за друга редко стоят на первом месте в партийных отношениях. Поэтому в условиях глобальной нестабильности перед партиями России, Европы и других уголков мира для выживания и борьбы с беспартийностью предстоит решить ряд важных задач:

1. *усиление солидарности, открытости и ответственности;*
2. *учет мнений всех членов в принятии важных решений;*
3. *установление понятной системы избрания на руководящие посты в контрольно-ревизионные органы партии.*

Заключение

Таким образом, поиск новых форм партийных объединений, привлекательных для граждан, является длительным и сложным процессом, который требует глубоких изменений как в культуре взаимоотношений внутри партии, так и во внешних действиях, отражающихся на репу-

тации. Неразумная политика ведет к экономическому и технологическому отставанию. Отказ от фундаментальных партийных принципов поспособствует ускорению слияния разных партий. Концентрироваться они будут вокруг двух идеологических линий. Первую линию условно можно назвать консервативной. Вторая же – гуманистическая. В России такая мировая тенденция, в конечном счете, приведет к формированию двухпартийной системы.

Библиографический список

1. «Левая-центр»: 68% россиян хотели бы возвращения к социализму и СССР. Ведомости 19 апреля 2016 г. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/19/638242-68-rossiyan-sotsializmu> (дата обращения 07.07.2021).
2. Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. №11 С.5–23.
3. Сведения о работе с обращениями граждан, поступившими в Государственную Думу в 2020 г. Государственная Дума РФ. Доступ: duma.gov.ru/representative/letters/session/ (дата обращения: 11.07.2021).
4. Социализм в России: Возможен ли он? И нужен ли? Опрос ВЦИОМ 22 марта 2007 г. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczializm-v-rossii-vozmozhen-li-on-i-nuzhen-li> (дата обращения 12.07.2021).
5. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ (последняя редакция). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 02.09.2021).
6. Berdahl C.A. Party Membership in the United States, I // The American Political Science Review. 1942. Vol.36, №1, pp.16–50. Доступ: www.jstor.org/stable/194838 (дата обращения: 07.07.2021).
7. Bufacchi V. Voting, Rationality and Reputation // Political Studies. 2001. Vol.49 pp.714–729 Доступ: www.vittoriobufacchi.com/wp-content/uploads/2018/03/Voting-Rationality-and-Reputation.pdf (дата обращения: 21.07.2021).
8. Convention in Dallas: The Republicans; Transcript of Reagan's Speech Accepting G.O.P Nomination. August 24 1984. The New York Times Archives. Доступ: www.nytimes.com/1984/08/24/us/convention-dallas-republicans-transcript-reagan-s-accepting-gop.html (дата обращения: 15.06.2021).
9. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. Доступ: <https://www.edelman.com/sites/g/files> (дата обращения: 05.03.2021).
10. Hazan R., Rahat G. Democracy within Parties: Candidate Selection Methods and Their Political Consequences. Oxford, Oxford University Press, 2010. 224 p.

11. Ignazi P. The Four Knights of Intra-Party Democracy: A Rescue for Party Delegitimation // Party Politics. 2020. Vol.26 (1) pp.9–20.
12. Mair P. Ruling the Void: The Hollowing-Out of Western Democracy. London: Verso, 2013. 160 p.
13. Party Affiliation. Gallup. Доступ: www.news.gallup.com/poll/15370/party-affiliation.aspx (дата обращения: 05.03.2021).
14. Pateman C. Participation and Democratic theory. Cambridge, London, Cambridge University Press, 1976. 123 p.
15. Programa de Gobierno: 350 medidas 2021–2023. PSOE Madrid. Доступ: www.psoemadrid.es/wp-content/uploads/2021/04/PROGRAMA-DE-GOBIERNO.pdf (дата обращения: 21.07.2021).
16. Public Opinion Review: Americans' Reaction to the World 'Socialism'. Gallup. Доступ: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/287459/public-opinion-review-americans-word-socialism.aspx> (дата обращения: 11.06.2021).
17. Rosenblum N., Muirhead R. The Political Theory of Parties and Partisanship: Catching Up // Annual Review of Political Science. 2020. Vol.23 pp. 95–110.
18. Uberoi E., Johnston N. Political disengagement in the UK: who is disengaged? / UK Parliament. Briefing paper Number CBP-7501, 27 February 2021. Доступ: www.parliament.uk/commons-library (дата обращения: 21.07.2021).
19. Watson A. Media read by young people in the United Kingdom (UK) 2014–2019. Statista. Доступ: www.statista.com/statistics/299042/media-read-by-young-people-in-the-uk/ (дата обращения: 07.07.2021)

Наши авторы

Лебедев Егор Борисович

независимый публицист; МГИМО (У) МИД России

Сафарян Левон Араикович

независимый исследователь, МГИМО (У) МИД России

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории международных отношений
Института всеобщей истории РАН

Мельникова Любовь Владимировна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории Российской академии наук

Филиппова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Ковальская Елена Юрьевна

Заведующая библиотечной службой
ЦНЦ «Православная Энциклопедия»

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Московского государственного областного университета

Юдин Кирилл Александрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии,
Ивановский государственный
химико-технологический университет

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Камари Даниэль Михайлович

Член Вольного экономического общества России

Our authors

Lebedev Egor Borisovich

independent researcher, MGIMO University

Safarian Levon Araikovich

independent researcher, MGIMO University

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D., historian, Research Fellow at Center for the History of international relations of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Mel'nikova Lyubov Vladimirovna

D.Sci., historian, Leading Researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Filippova Tat'ana Aleksandrovna

Ph.D., Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of RAS

Kovalskaya Elena Yur'evna

Library Service Manager, CSC "Orthodox Encyclopedia"

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher of the Moscow State Regional University

Yudin Kirill Alexandrovich

Ph. D., historian, associate professor, Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Kamari Daniel Mikhailovich

Member of the Free Economic Society

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2021 г.

Теория и практика политических игр

Орешин С.А. Взаимоотношения федерального Центра и Чеченской Республики в 1992–1994 гг. №4. С.10

Геоглобалистика

Лебедев Е.Б., Сафарян Л.А. Причины иракской войны 2003 года: правда и вымысел. №5. С.6

Сафарян Л.А. История зарождения курдского вопроса в Ираке: от истоков до диктатуры Саддама Хусейна. №2. С.6

Сафарян Л.А. Новый этап курдской борьбы в Ираке: противостояние с Саддамом Хусейном и образование Курдского автономного района. №3. С.6

Сафарян Л.А. Иракский Курдистан в новых реалиях Ирака: от падения Саддама Хусейна до референдума о независимости. №4. С.6

Ресурсы нации

Ковальская Е.Ю. Великая княгиня Елизавета Федоровна и Константин Васильевич Рукавишников: к истории взаимоотношений. №5. С.102

Лупанова Е.М. Часы работы лейтенанта флота Егора Овцына – уникальный экспонат Кунсткамеры XIX века. №2. С.90

Ярлыки и мифы

Костырченко Г.В. Белорусский калейдоскоп: от войны до 1950-х и от Москвы и Минска до западных областей. №1. С.6

Чернов П.В. Полковые истории XIX – начала XX вв. как инструмент формирования исторической памяти. №1. С.35

Юдин К.А. «Кино... не может быть аполитичным»: контроль над советским киноискусством (1928–1941 гг.). №5. С.142

Юрганов А.Л. Странная сатирическая картинка в журнале «Крокодил» и политическая борьба на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1927 году. №2. С.20

Юрганов А.Л. Как сталинская шутка стала эпицентром идеологической кампании, и что из этого вышло (1928 год). №4. С.80

Национальная доктрина

Исхаков С.М. К вопросу о партийном строительстве у татар Крыма в 1917–1928 гг. №1. С.80

Суханова Н.И. «Русское государство» или Россия? (А.И.Деникин о роли горцев Северного Кавказа в Гражданской войне) №1. С.60

Татаринов И.Е. Трансформации статуса и административно-территориальных рубежей Тавриды в 1774–1917 гг. №3. С.114

Татаринов И.Е. От Таврической губернии к советской республике: трансформации статуса и административно-территориальных рубежей Тавриды в 1917–1921 гг. (окончание). №4. С.70

Россия в мире

Груздинская В.С., Ковалев М.В. «Издание книги на немецком языке могло бы нанести за границей серьезный ущерб доброму имени советской науки»: советские и чехословацкие антиковеды в споре о плагиате (1950-е гг.). №2. С.100

Дегоев В.В. Конгрессы-призраки в дипломатической истории Северной войны 1700–1721 гг. №1. С.44

- Заиченко О.В. «Нас считают гуннами...»: рост антирусских настроений в Германии в 30–40 годы XIX века и ответная реакция правящих кругов России. №4. С.54
- Заиченко О.В. «Война перьев»: Ф.И. Тютчев и его «проект» по созданию позитивного образа России в Германии в начале 40-х гг. XIX в. №5. С.26
- Мельникова Л.В. Конфликт на Афоне: «Греко-русский Пантелеимоновский процесс» первой половины 1870-х гг. и основание Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. №5. С.50
- Филиппова Т.А. «Конец пришёл гарему...» «Гендерные» образы Османской империи в критической риторике русской журнальной сатиры начала XX века. №5. С.70

Пути духовных исканий

Ранчин А.М. Каин и Святополк: прецедентные имена в древнерусской культуре. №1. С.136

Страницы истории

- Волобуев О.В. Послевоенные годы: дорогами Северной Таврии, 1945–1948 (продолжение). №5. С.126
- Жбанкова Е.В. Русский бал XIX – начала XX вв. (что и как продолжали танцевать наши предки). №2. С.70
- Киянская О.И. Соратники Пестеля. Декабрист Василий Давыдов. №1. С.102
- Морозова А.Ю. Путешествие на Марс и марсианское общество глазами землянина в произведениях П.П. Инфантьева и А.А. Богданова. №3. С.40
- Писарькова Л.Ф., Горячева М.А. Жизнь в деревне и шахтерском поселке в первой четверти XX века. Из биографической повести Ф.А. Писарькова «Мои родители». №3. С.50
- Плех О.А. «Покорнейше прошу, почтенный благодетель...»: неформальные отношения власти и бизнеса в первой четверти XIX в. №2. С.60
- Рублев Д.И. Автор концепции «вольных Советов»: жизнь и идеи Максима Раевского. №3. С.44
- Соколов А.С. Браки династии Романовых как проблема антропологического антагонизма (XIX – начало XX в.). №3. С.20
- Фаизов А.В. Состав кабинета министров в 1734–1741 годах: деятельность основных персоналий. №4. С.40
- Черникова Н.В. Номинальный председатель: император во главе Государственного совета. №1. С.118
- Эйриян В.А. Журнал Московской Патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы. №4. С.50

Актуальный архив

- Волобуев О.В. Война в детской памяти и в памяти прожитых лет. №2. С.158
- Горячева А.Н., Писарькова Л.Ф. Жизнь в Донбассе 1920–1930-х гг. Из воспоминаний Ф.А. Писарькова. №2. С.180
- Зеленов М.В. НКВД между политической риторикой и военным ведомством: переписка наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина и председателя СНК В.И. Ленина в 1919–1920 гг. №2. С.100
- Марчуков А.В. Украинизация под пятой оккупантов: германские нацисты и украинские националисты (юго-восток УССР, 1941–1944 гг.). №3. С.180
- Писарькова Л.Ф. Царствование Ивана Грозного в исторической науке и коррупциологии. №5. С.164
- Шапошников К.А. «Мы считаем Ю.М. Соколова политическим врагом и дальнейшее его пребывание в Музее невозможно...» Обстоятельства увольнения Ю.М. Соколова с поста директора Библиотеки Государственного исторического музея (1929 г.). №1. С.150

Редакционная почта

- Камари Д.М. Капитализм и идеология. №3. С.121
- Камари Д.М. Беспартийность в глобализирующемся мире. №5. С.194

The List of All Published Materials in 2021

Theory and Practice of the Political Games

Oreshin Sergei. Relations between the Federal Center and the Chechen Republic in 1992–1994. №4. P.10

Geopolitics and International Policy Issues

Lebedev E. B., Safarian L. A. The Causes of the 2003 Iraq War: Truth and Fiction. №5. P.6

Safarian L. A. The History of the Origin of the Kurdish Question in Iraq: from the Origins to the Dictatorship of Saddam Hussein. №2. P.6

Safarian L. A. A New Stage of the Kurdish Struggle in Iraq: the Confrontation with Saddam Hussein and the Formation of the Kurdish Autonomous Region. №3. P.6

Safarian L. A. Iraqi Kurdistan in The New Realities of Iraq: From Saddam Hussein's Fall to the Referendum on Independence. №4. P.6

Resources of Nation

Kovalskaya E. Yu. Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and Konstantin Vasilyevich Rukavishnikov: to the History of Relationships. №5. P.102

Lupanova E. M. Opening Hours of Lieutenant of the Fleet Yegor Ovtzyn – a Unique Exhibit of the 19th century Kunstkamera. №2. P.90

Labels and Myths

Chernov P. V. Regimental Histories of the XIX – early XX Centuries as a Tool for the Formation of Historical Memory. №1. P.35

Kostyrchenko G. V. Belarusian Kaleidoscope: from the War to the 1950s and from Moscow and Minsk to the Western Regions. №1. P.6

Yudin K. A. «Cinema... cannot be apolitical»: Control over Soviet Film Art (1928–1941). №5. P.142

Yurganov A. L. Strange Satirical Picture in the Magazine “Crocodile” and the Political Struggle at the October Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) in 1927. №2. P.20

Yurganov A. L. How a Stalinist Joke Became the Epicenter of an Ideological Campaign and What Came of It (1928). №4. P.80

National Doctrine

Iskhakov S. M. On the Issue of Party Building among the Crimean Tatars in 1917–1928. №1. P.80

Sukhanova N. I. “Russian State” or Russia? (A. I. Denikin on the Role of the Highlanders of the North Caucasus in the Civil War). №1. P.60

Tatarinov I. E. Transformation of the Status and Administrative-Territorial Boundaries of Taurida in 1774–1917. №3. P.84

Tatarinov I. E. From Taurida Province to the Soviet Republic: Transformation of the Status and Administrative-Territorial Boundaries of Taurida in 1917–1921 (the End). №4. P.70

Russia in the World

Degoev V. V. From the Diplomatic History of the Great Northern War: The Braunschweig Congresses of 1713–1714 and 1719–1721. №1. P.44

Filippova T. A. “The End has Come to the Harem...” “Gender” Images of the Ottoman Empire in the Critical Rhetoric of Russian Magazine Satire at the Beginning of the 20th Century. №5. P.70

Gruzdinskaya V. S., Kovalev M. V. “The publishing a book in German could cause serious damage to the good reputation of Soviet science abroad”: Soviet and Czechoslovak Antiq-uity Researchers in the Discussion on Plagiarism (1950s). №2. P.100

Mel'nikova L. V. *Conflict on Athos: "Greek-Russian Panteleimon Trial" of the First Half of the 1870s and the Founding of the New Athos Simon-Cananite Monastery.* №5. P.50
Zaichenko O'l'ga. "We are considered huns..." *The Growth of Anti-Russian Sentiment in Germany in the 30–40 Years of the XIX Century and the Response of the Ruling Circles of Russia.* №4. P.30

Zaichenko O'l'ga. "The war of quills" F.I. Tyutchev and his "Project" to Create a Positive Image of Russia in Germany in the Early 40s of the XIXth Century. №5. P.26

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Ranchin A. M. *Cain and Svyatopolk: Precedent Names in Ancient Russian Culture.* №1. P.136

Pages of History

Chernikova N. V. *Nominal Chairman: Emperor at the Head of the State Council.* №1. P.118

Eiriyan V. A. *The Journal of the Moscow Patriarchate as a Reflection of Early Postwar Stalinism.* №4. P.50

Faizov A. V. *Composition of the Cabinet of Ministers in 1734–1741: Activities of the Main Personalities.* №4. P.40

Kiyanskaya O. I. *Companions of Pestel. Decembrist Vasily Davydov.* №1. P.102

Morozova A. Yu. *Journey to Mars and Martian Society through the Eyes of an Earthling in the Works of P. P. Infantiev and A. A. Bogdanov.* №3. P.40

Pisar'kova L. F., Goryacheva M. A. *Life in a Village and a Mining Settlement in the First Quarter of the 20th Century. From the Biographical Story of F. A. Pisarkova "My parents".* №3. P.50

Plekh O. A. «I humbly beg you, the honorable benefactor...»: *Informal Relationship Between Authority and Business in the 1st Quarter of the 19th Century.* №2. P.60

Rublev D. I. *The Author of the Concept of "Free Soviets": the Life and Ideas of Maxim Raevsky.* №3. P.44

Sokolov A. S. *Romanov Dynasty Marriages as a Problem of Anthropological Antagonism (19th – early 20th Centuries).* №3. P.20

Volobuev O. V. *Post-War Years: the Roads of Northern Tavria. 1945–1948 (continued).* №5. P.126

Zhbankova E. V. *Russian Ball of the XIX – Early XX centuries (What and How our Ancestors Continued to Dance).* №2. P.70

Topical Archive

Goriacheva A. N., Pisar'kova L. F. *Life in the Donbass in the 1920s – 1930s. From the memoirs of F. A. Pisarkov.* №2. P.180

Marchukov A. V. *Ukrainization Under the Heel of the Occupiers: German Nazis and Ukrainian Nationalists (Southeast of the Ukrainian SSR, 1941–1944).* №3. P.180

Pisar'kova L. F. *The Reign of Ivan the Terrible in Historical Science and Corruption Science.* №5. P.164

Shaposhnikov K. A. "We consider Y.M. Sokolov a Political Enemy and his Further Stay in the Museum Impossible..." *The Circumstances of Y.M. Sokolov's Dismissal from the Position of the Director of the Library of the State Historical Museum (1929).* №1. P.150

Volobuev O. V. *War in Childhood Memory and in the Memory of Past Years.* №2. P.158

Zelenov M. V. *The People's Commissariat of Foreign Affairs Between Political Podium and Military Institution: The Correspondence Between the People's Commissar of Foreign Affairs G. V. Chicherin and Chair of the Council of People's Commissars V. I. Lenin, 1919–1920.* №2. P.100

Readers' Letters

Kamari D. M. *Capitalism and Ideology.* №3. P.121

Kamari D. M. *Non-partisanship in the globalizing world.* №5. P.194

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел. 8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2021.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.12.2021. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 13 1/4 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

5-6.2021 september-december

Geopolitics and International Policy Issues

Egor Lebedev, Levon Safarian

The Causes of the 2003 Iraq War:
Truth and Fiction _____ 6

Russia in the World

Ol'ga Zaichenko

“The war of quills”.
F.I.Tyutchev and his “Project” to Create
a Positive Image of Russia in Germany
in the Early 40s of the 19th century _____ 26

Lyubov Mel'nikova

“Greek-Russian Panteleimon Trial” of the First
Half of the 1870s and the Founding of the New
Athos Simon-Cananite Monastery _____ 50

Tat'ana Filippova

“The End Has Come to the Harem...” “Gender”
Images of the Ottoman Empire in the Critical
Rhetoric of Russian Magazine Satire
at the Beginning of the 20th Century _____ 70

Resources of Nation

Елена Kovalskaya

Grand Duchess Elizabeth Feodorovna
and Konstantin Vasilyevich Rukavishnikov:
to the History of Relationships _____ 102

Pages of History

Oleg Volobuev

Post-war Years:
the Roads of Northern Tavria. 1945–1948.
(Continued) _____ 126

Labels and Myths

Kirill Yudin

“Cinema... cannot be apolitical”: Control
over Soviet Film Art (1928–1941) __ 142

Topical Archive

Lyubov' Pissar'kova

The Reign of Ivan the Terrible in Historical
Science and Corruption Science __ 164

Readers' Letters

Daniel Kamari

Non-Partisanship
in the Globalizing World _____ 194

РОССИЯ XXI